

fenno-ugristica

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHİK 550 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

UURALI KEELTE SÕNAVARA JA
GRAMMATILISE EHTUSE PROBLEEME

ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРНОГО СОСТАВА
И ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ
УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

FENNO-UGRISTICA

ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

7

PÜHENDATUD FILOLOOGIADOKTOR
PROFESSOR PAUL ALVRELE,
KES 3. JAANUARIL 1981. A.
SAAB 60-AASTASEKS

ТАРТУ 1980

Toimetuskolleegium:

**P. Alvre (esimees), A. Künnap, P. Palmeos, H. Rajando,
S. Smirnov, E. Vääri (vastutav toimetaja).**

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

E e s s õ n a

"Fenno-ugristica" käesoleva numbril uurimused on pühendatud peamiselt nii läänemeresoome kui kaugemate sugulaskeelte sõnavara ja süntaksi küsimustele. Selline temaatika valik on igati põhjendatud, sest palju aastaid kestnud fonetika- ja fonoloogiaharrastused on vähenemas ning ruumi andmas keele kui kommunikatsioonivahendi mitmekülgsemale uurimisele. Soome-ugri keelte alal on küll palju teha veel igas lõigus, kuid teatud keskendumine on kindlasti õigustatud. Avaldatavad kirjutised haaravad läänemeresoome keeltest eesti, liivi, karjala ja soome keelt, volga keeltest mari keelt, permi keeltest komi ja udmurdi keelt. Puuduvad uurimused ugri keeltest. Esindatud on ka samojedoloogia.

Kogumikus on eriti tähtsal kohal tuletusliidete probleemid komi keeles. Liiteid on rikkaliku materjali põhjal käsitletud V. Tšernõhh ja G. Fedjunjova. Liivi keele verbi-sufiksitate esitamist jätkab E. Vääri ka käesolevas numbris. Otseselt sõnavaraline uurimus pärineb L. Treimanilt, kes on aastate jooksul äärmise põhjalikkusega läbi töötanud varasema eesti kirjakeele materjalid ja jälginud prantsuse päritolu sõnade tulekut eesti keelde. Toidumajanduse kõrval moodustavad suhteliselt ulatusliku rühma sõjandusega seotud sõnad. Nende esinemust ja liikumisteid selgitabki L. Treiman oma kirjutises. Sõnavara alale kuulub ka J. Anduganovi kirjutis mari keele genitiivsetest liitsõnadest.

Süntaksi alalt avaldab oma uurimuse P. Palmeos, kes on palju aastaid tegelnud karjala keele eri murrete jäädvustamise ja läbitöötamisega. Viimastel aastatel on ta korduvalt olnud Džorža murraku aladel. Ilmuvas kirjutises analüüsitakse karjala keele Džorža murraku elatiivi. Morfoloogiasse kaldub P. Alvre uurimus.

Käesolevas numbris on veel keelenäiteid, mida uurijad saavad kasutada lähtematerjalina. Selliseid üleskirjutisi,

mis pakuvad nii folkloristlikku kui lingvistilist huvi, on Nivšera külast pärinevalt komi keelejuhilt esitanud P. Ariste.

Ka "Fenno-ugristica" käesolevas numbris avaldatakse retsensioone. Retsensioonide osas on hästi esindatud samojeedi keeled A. Künnapil ja N. Tereštšenko kaastöega.

Uurimused, materjalid ja retsensioonid avaldatakse samas süsteemis kui varasemais numbreis. Toimetamisel on kirjutisi võimalikult ühtlustatud, kuid kohati on säilitatud ka autorite isikupära. Kõikide artiklite juurde kuuluvad resümee. Vene- ja võõrkeelseid materjale on redigeerinud kolleegid S. Smirnov, O. Mutt ja K. Uustalu, mille eest neile suur tänu.

Toimetuskolleegium loodab, et avaldatavad kirjutised ja materjalid aitavad tutvustada TRÜ soome-ugri keelte kateedri teaduslikku tegevust ning on ühtlasi panuseks fenno-ugristikasse.

äö-, äö- VARTALOIDEN MONIKKOTAIVUTUKSESTA
SUOMESSA

Kantasuomessa kuului äö-, äö-vartaloiden taivutus-
tyyppiin aktiivin 2. partisiippi (äsänut : äsänöden), ä-us :
ä-uö- ja ä-üs : ä-üö-loppuiset ominaisuudennimet (ähüvüs :
ähüvöden, vrt. veps. hüvüz : hüvuden) ja joukko nomineja,
joiden yksikön loppuna oli ä-ut, ä-üt : ä-uö-, ä-üö- (äkätüt :
äkätöden, vrt. veps. kättuden). Periaatteellisesti saman-
lainen oli myös sanan äkevät : äkevöden taivutus¹.

Mainittujen sanatyyppien kehitys ö:n kadottua ei kaikki-
alla ole kulkenut rinnakkaisesti. Aktiivin 2. partisiipin-
sa odottaisi sivupainollisen tavun jäljessä äänneilallista
t:täkin, esim. illatiivissa äantanutehen ja mahdollisesti ve-
kaalivartalosisessa essiivissä äantanutena. Kuitenkin kaikki
muodot ovat ilmeisesti jo kantasuomessa kehittyneet sen
edustustavan perusteella, joka on äänneilallinen painotto-
man tavun vokaalin jäljessä (äsänuö-). Vanhassa kirjasuo-
messa näkee ö:n säilymistä, vaikkakin harvoin, esim. Agri-
colalla coolludhesta, langenuöden. Nykysuomen kuollee- ja
langennee-vartaloihin on tultu u-e, ü-e-yhtymän välityksel-
lä, todisteina vanhan kirjasuomen muodot olluet, colluet,
nähnyet. Tyyppien ue ja ue > ü tai ē keskinäisistä suhteis-
ta on esitetty hypoteesi, että on ollut periaatteellinen ero
painollisen ja painottoman tavun e:n käsittelyssä: äolluöden
> olluen > mart. ollün, mutta äolluöeksi > ollueksi, josta

¹ P. A l v r e, Morfologis-äännehistoriallinen tut-
kimus monikkovartalon muodostuksesta suomessa verrattuna su-
kukieliin. Tartto 1965, s. 648. (Käsikirjoite Tarton Val-
tionyliopiston Tieteellisessä Kirjastossa.)

murteittain olluheksi > olleheksi. Paradigmaattiset tasoi-
tukset eri murteissa ovat kulkeneet eri tavoin. Murteittain
tavuraja säilyi, johon kehittyi siirtymä-säanne (v, j, h),
esim. Etelä-Pohjanmaalla olluet, mennüet, Laihialla nen-
nüjeksi ja eri paikoin Suomea säneheksi < sänheksi < sän-
eksi. Äyrämöismurteissa on Ruoppila nähdekseni aivan ai-
heettomasti oletamat h:n kehittyneen proportioanalogian vä-
lityksellä (kirvet : kirvehi = kuollët : x; x = kuollehi)².
Muodoissa kütküvi, lühitvi hän pitää v:täkin analogisena³,
johon monikon kohdalla voidaan kylläkin sikäli yhtyä, että
taivutus perustuu y:lliseen yksikkövartaloon (eikä ä-öi-
> -si-). Lounaismurteiden sänust (< sänüsta < sänüesta) -edus-
tus muistuttaa vastaavanlaisista eestissä (saamks, söömuks
jne.), johon verrattakoon myös vatjan ü:llista edustusta
(köamüssi 'kuolleeksi').

Monikossa odottaisi muutoksen ä-öi- > -si- johdosta
vartaloita kuollusi- < kuöllüdi- ja jänüsi- < jänüdi-, joi-
ta Etelä-Pohjanmaalla tavataankin (esim. sänusilla). Monik-
komuodoissa esiintyvää s on paikoin lähtenyt valtaamaan yk-
sikköäkin (ollusen, kuollusen; myös kütküset, neittüset).
Aktiivin 2. partisiiopin s:llisen yksikön käyttö rajoittum lä-
hinnä Etelä-Pohjanmaan eteläisen murrealueen keskiosaan,
jossa sitä ei kuitenkaan tavata kaikissa funktioissa: "ei
yhdistetyissä temporeissa eikä partisiiippijärjestelmässä, mut-
ta muuten kyllä", esim. koti^jat tulluselta (t. tullu^(x)elta
t. tull(e)helta) amältä, mutta yksinomaan ovat tullu^(u)et
t. tull(e)het (ei: tulluset)⁴. Yleisintä suomen murteissa
on päinvastainen kehitys: taivutus monikossa nojautuu yk-
sikkövartaloon.

² V. Ruoppila, Äyrämöismurteiden äännehistoria (= SKST, 245). Helsinki 1955, s. 64.

³ I b i d e m, s. 65.

⁴ J. Lauroselä, Äännehistoriallinen tutkimus Etelä-Pohjanmaan murteesta. I. Konsonantit. Helsinki 1913, s. 91. Ks. myös L. Kettunen, Suomen murteet. II. Murrealueet. Helsinki 1930, s. 69; M. Rapola, Suomen kielen äännehistorian luentojen pääkohdat. Pertti Virtarannan muistiinmerkitsemät lukuv. 1936-38 ja luennoitsijan tarkistamat v. 1945. Helsinki 1945, s. 70. (Moniste.); M. Rapola, Suomen kielen äännehistorian luennot (= SKST, 283). Helsinki 1966, s. 155.

Mitä -us, -ūs ja -ūs, -ūs-loppuisiin ominaisuudennimiin tulee, niin lapin kielen perusteella on oletettu niissä vuosi : vuote - loppuista yhdyssanaa: nuoruus < nuori-vuosi, vrt. lapin nuoravuotta⁵. Tähän Setälän esittämään selitykseen ovat myöhemmin yhtyneet Kettunen ja Lindén, väittäen, että nykyiset taiputussuhteet vanhuus : vanhuden, murt. ahkerūs : ahkeruen ym. puhuvat alkuperäisen pitkän vokaalin puolesta⁶. Rapola, joka tätä kysymystä on yksityiskohtaisesti tutkinut, päätyy eri murteissa esiintyviin moniin lyhytvokaalisiin muotoihin nähden siihen tulokseen, että lyhyt vokaali palautuu kantasuomeen, jossa ei ollut pitkää vokaalia ensi tavua edempänä, ja että nykymurteissa niin yleinen pitkä vokaali on myöhäsyntyinen⁷. Tähdennettäköön, että eestiläisenkin edustus sellaisissa sanoissa kuin ko-hus : kohtu : kohut (= kohtuus, kohtuuden, kohtuutta) 'tuomioistuin, oikeus' ja ei puitta 'pituutta' edellyttää aikaisempia astevaihtelusuhteita, joissa vokaali oli lyhyt: kehōus : kohtuōen : kohōutta ja pidōus : piduōen : pidūt-ta. Kantaosan vaihtelu osoittaa, että johdintavu oli alkuaan lyhyt. Alkutyypit lienevät olleet seuraavanlaiset: vanhus : vanhuōen : vanhuōehen, tervehūs : tervehūden : tervehūte-hen. Saven pohjoisessa ulkoryhmässä esiintyy vielä mielenkiintoisia i-loppuisia lyhytvokaalisia muotoja, esim. vanhusi, kuivusi, pahusi (vrt. veps hūvuūz, sūvuūz, joissa muljeerattu z edellyttää loppu-i:tä).

Rapolan näkemys asiasta, jonka mukaan painosuhteet ovat aiheuttaneet kahtalaisen kehityksen, näyttää hyvin uskottavalta. Pitkä vokaali on kehittynyt painottamassa asemassa: vanhuōen > vanhuen > vanhūn. Assimiloituminen on ainakin murteittain tapahtunut mahdollisesti asteittaisen labiaaliumin tiettä: -ue- > -uo- > -ū-. Tähän viittaa myös Ag-

⁵ E. N. S e t ä l ä , Yhteissuomalainen äännehistoria. I - II. Helsinki 1891, s. 71. Vrt. vielä sm hyvyys ja lp buūrrevuotta.

⁶ L. K e t t u n e n , Suomen murteet, I. Murrenäytteitä. Helsinki 1930, s. 101; L. K e t t u n e n , Suomen murteet, II, s. 4; L. K e t t u n e n , Suomen murteet, III. Selityksiä murrekartastoon. Helsinki 1940, s. 178; E. L i n d é n , Kaakkois-Hämeen murteiden äännehistoria, I. Konsonantisto (= SKST, 219). Helsinki 1942, s. 77.

⁷ M. R a p o l a , Suomenkielen us-, ūs-loppuiset ominaisuudennimet (= SUST, LII). Helsinki 1924, s. 216; M. R a p o l a , Suomen kielen äännehistorian luennot, s. 154.

ricolalla esiintyvä laiskuos 'laiskuudessa'. Nykyisin tavattava tyyppi vanhuuden, murt. vanhüren ~ vanhülen ei siis voi olla äännelaillinen, vaan -den, -ren, -len on siihen kontaminoitunut sivupainollisesta asemasta (vanhün + oikeuden, oikeuren, oikeulen).

Puheenalaisia ominaisuudennimiä ryhmiteltäessä lähdemme siitä oletuksesta, että vaikkakin muodot nuoruus, vanhuus ym. ovat alkuperältään yhdyssanoja, ei johtoaineksen vokaali ainakaan myöhäiskantasuomen suhteita silmällä pitäen ole enää ollut pitkä, sillä on ollut kylliksi aikaa sen muuttumiseen yleiseen kvantiteettitendenssiin (^æ-vöte > -üsi > -us).

Ominaisuudennimien monikkovartalo muodostetaan valtaosassa suomen murteita -us : -ukse- nominien malliin. Odotuksenmukaista g-vartaloa (^{öi} > si) käytetään paikoin itämurteissa (Kajaanin seudulla voi pahasie ym.) ja niille läheisesti sukua olevassa karjalassa sekä vepsässäkin. -us : -ukse -taivutus on lähtöisin deverbaalisista teonnimistä: niinkuin vastaus : vastauksia samoin kalleus : kalleuksia (pro kalleusia). Harvoin näkee ks-vartaloa käytetyn yksikössäkin, esim. Pornaisissa vakavukses (väki oli vakavukses)⁸. Yksikkömuotojen toiseen taivutustyyppiin siirrynnästä on paljon esimerkkejä vanhassa kirjasuomessa, esim. Agricolalla orijuresa, corckiures, achkeruxella, Westhin tekstissä ychteyres, jumaluxes ym.⁹. Ominaisuudennimien analogiset -ksi-vartaloiset monikkomuodot on sopivinta käsitellä kolmi- ja useampitavuisten e-vartaloiden monikkotaivutuksen yhteydessä.

g:llinen monikkovartalo on odotuksenmukainen myös -ut, -üt-loppuisissa sanoissa, esim. Etelä-Pohjanmaalla köijüsüä (: köijüt 'kevyt') ja kenties kirjakielen muodossa nykyisün < ^ænüküsin (: ^ænüyüt)¹⁰. Vertauksen vuoksi mainittakoon, että äännelaillisesti g:lliset ovat myös Etelä-Pohjanmaan superlatiivit (kokenusimmat, oppinusimmat)¹¹. Useimmiten pe-

⁸ E. Lindén, Kaakkois-Hämeen murteiden äännehistoria, I, s. 77.

⁹ M. Rapola, Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin, I, Helsinki 1933, s. 169.

¹⁰ M. Rapola, Suomen kielen äännehistorian luentojen pääkohdat, s. 69.

¹¹ J. Laurosela, Äännehistoriallinen tutkimus Etelä-Pohjanmaan murteesta, I, s. XV.

rustuu taiputus (samoin kuin aktiivin 2. partisipiissa) yksikkövirtaloon, esim. neitsyt : neitsyillä (yks. gen. neitsyen, murt. neitsän ~ neitsün < neitsien, Agricolaalla neitsydheni).

Näiden ennakkoviittausten jälkeen tarkastakaamme ensiksi ne -, ne -virtaloisten supistumanominien monikkomuotoja suomen murteissa.

Painollinen asema

1. s:llisiä monikkumuotoja käytetään Etelä-Pohjanmaalla ja paikoin savolaismurteissa: pE kuollusilla, sE koirusissa, sLu koirusissa, sPu häjyisissä. Savon eteläisestä ja itäisestä ulkoryhmästä on s:llinen taiputustyyppi väistymässä ks:llisten muotojen tieltä. Vanhat muodot ovat säilyneet vain muutamista yksityisistä sanoista¹².

Pohjoisryhmän kielten lisäksi on ne -, ne -virtaloiden s:llinen monikkovirtalo edustettuna myös vatjassa ja eestissä (esim. karE kivüillä 'pienillä kivillä', karK kuolluzilla 'kuolleille', karT polvuzii 'polville', karV iühüziissä 'lyhyissä', aun pühuzia 'penkeillä', lyyd ristoivedüizis 'kastevesissä'; inkS kätküiziz 'kätkyissä', inkH lühüziis 'lyhyissä'; vepsE sustunuzii 'väsyneillä', vepsK kivuziid 'pikku kiviä', vepsL sohuzil 'soilla'; vatL kölluzia 'kuolleita', lühüziä 'lyhyitä', vatI jöpunnuisia 'juopuneita'; eE Rouge öpnusile naisterahvile 'oppineille naisille' [utsi jahemuziä jamakkeizä 'viiellenille jalkasille' ym.), mikä osoittaa, että muutos ne > si on aikoinaan kaikkialla ollut äännelakina.

2a. Tavunrajalle on ne :n kadottua kehittynyt siirtymä-äänne v. Ominaisuudennimissä on v:llinen tyyppi, jonka taiputus perustuu yksikkövirtaloon, melko harvinainen: hK huluvissa, laiskuvissa. Sensijaan runsaammin tavataan v:lli-

¹² A. Turunen, Itäisten savolaismurteiden äännehistoria (= SKST, 253). Helsinki 1959, s. 83-84; H. Leskinen, Luoteis-Laatokan murteiden äännehistoria, I. Konsonantit (= SKST, 275). Helsinki 1963, s. 275; P. Alvre, Läänemereseone ne -, ne -noomenite tüvedest. - Enakeele Seltsi Aastaraamat, 1968-1969, s. 151-.

siä muotoja -nt, -nt-loppuisista sanoista ja paikoin (Äyrämöisillä) myös aktiivin 2. partisiiipista: hP lühüville, hK neittüvil, pE neittüvillä, Ke lyhyvisä, sE lyhyvilä, sP lyhyvinä, sEu lühvillä, sIu ohuvina, vI lyhvis, äyr kytkyvis, kuoluvile, sav kütüvil, smAL lühüvis. Paikoin on v:n edellinen vokaali kadonnut (sEu lühvillä, vI lyhvis < lühüvi-), mistä on saattanut kehittyä analoginen nominatiivi lyhvi. lühüt-sanan kehitys on poikkeuksellinen myös lounaismurteissa. Rauman murrepiirissä on tapahtunut sekaannus ä-vartaloihin: lühü : part. lühüvä : lühüväst : mon part. lühüvi; sensijaan itäryhmässä on taiputus liittynyt partisiiippien u, ü-vartaloihin (Kar lühü : lühüst jne.)¹³. - Äyrämöismurteen pitkävokaalinen muoto lühüvist saa selityksensä loppuheiton johdosta ilmenneestä sijaispidennyksestä (vrt. yksikössä lühüvest).

v:llinen taiputus on suomen murteissa ollut tunnettua 1500-luvulla (Agricolalla lyhywexi).

b. ö:n paikalla siirtymä-äänne h: hK sännehist, pE olehista; - metateesimuoto Naavuono kuolheina; - sanasta kevät: sIou kevähissä ja i > ī sijaispidennyksenä muodossa smAL kevähiiis. Setälä ja häneen yhtyen myös Ruoppila ovat selittäneet aktiivin 2. partisiiipin h:n analogiseksi¹⁴. Ojansuu pitää mahdollisena äännevuorosta ö > h sivupainollisen tavun alussa¹⁵. Rapola sensijaan on asettunut tavurajalle syntyneen h:n kannalle¹⁶. Siirtymä-äänneselitys vaikuttaakin mitä luontevimmilta, sillä se on sellaisenaan sovellettavissa myös v- ja j-tapauksiin.

3a. Yleisintä on ö:n kato. Taiputus perustuu muiden supistumanomien mukaisesti e:lliseen yksikkövartaloon. Kolmi- ja viisitavuisten aktiivin 2. partisiiippimuotojen joukossa huomattakoon partisiiippien tavoin taipuva sIu lyhheinä:

¹³ H. O j a n s u u , Suomen lounaismurteiden äännehistoria, I. Vokaalioppi (= Suomi, III:19), Helsinki 1901, s. 46.

¹⁴ E. N. S e t ä l ä , Yhteissuomalainen äännehistoria, s. 70; V. R u o p p i l a , Äyrämöismurteiden äännehistoria, s. 64.

¹⁵ H. O j a n s u u , Äännehistoriallista. - SUSA, XXX, Helsinki 1913, s. 6.

¹⁶ M. R a p o l a , Äännehistoriallinen tutkimus Abraham Kollaniuksen lainosuomennoksen kielestä (= Suomi, V:5), Helsinki 1925, s. 69; M. R a p o l a , Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin, s. 166.

lm homettunneis, sata kualleista, ajettunneiks, hP elesmen-
neinä, hK särneist, TytS kuolleista, pK käyneistä, sIu lyh-
heinä, sIu männeissä, vL stüöneillen, sav tulleil, smAL jä-
neille; - (ei > eë) sIu stüöneelle.

b. δ :n katoedustusta tavataan seuraavassakin ryhmässä,
jossa taivutukseen pohjana yksikkövertalot kevä- ja kätküe-
lühüe-. Taivutustyyppi useimmissa suomen murteissa on siis
sama kuin kirjakielessä: sata kevällä, sP keväänä, sIu
kätküissä, sIu kätküissä, vI kevällä, vL kevälle, äyr
keväs, sav keväs; - sIu ke^vväänä, jossa äe < äi. - Savon
eteläisessä ulkoryhmässä paikoin monikkovartalon diftongin
vokaaliutumista: lyhyysää.

kevät-sanana esimerkkien joukossa saattaa olla epävar-
mojakin tapauksia, sillä eri paikoin Suomea käytetään äi:
llistä vartaloa myös yksikössä. Hajanaisia esiintymisalueita
on paljon, esim. Joensuun ympäristö, Kannas, Luoteis-Laa-
tokan murrepiiri, Lappeenrannan seutu, Kaakkois-, ja Keski-
Häme, Parkano, Veteli, Peräpohjola, Keski-Skandinavian met-
säsuomalaismurre ym. Yksikön keväi-vartaloa tavataan myös
vanhassa kirjasuomessa: Agricolalla Kewein 'kevään', Kolla-
niuksella keväillä 'kevällä'.¹⁷ keväi-asuun on ilmeisesti
päästy suoraan δ :n kadottua: *keväde > kevä(e) > keväi-.
Kiteen murteessa tavattava keveillä 'kevällä' pohjautuu
Rapolan mukaan kehityssarjaan *kevällä > *kevällä > keveil-
lä > keveillä.¹⁸ mutta uskottavammalta näyttää Leskisen se-
litys, jonka mukaan kyseessä on kontaminaatio kevällä +
+ keveillä (< keveillä < kevällä)¹⁹.

Savon itäisen ulkoryhmän kätküissä-muodon yksikkövar-
talosta kätkü- on Turunen huomauttanut, että sen voi selit-
tää äänneläillisen kehityksen tulokseksi: *kätküden > kät-
kü-en > kätkün, mutta lähempänä on kuitenkin toinen seli-
tys, jonka mukaan diftongillisten monikkomuotojen välityk-
sellä sanan taivutus kokonaisuudessaan on siirtynyt sel-

¹⁷ M. R a p o l a, Suomen kielen äännehistorian luen-
tojen pääkohdat, s. 214.

¹⁸ M. R a p o l a, Kantasuomalaiset pääpainottomain
tavujen i-loppuiset diftongit suomen murteissa (Eripainos
aikakauskirjasta "Suomi"), Helsinki 1919-1920, s. 12.

¹⁹ H. L e s k i n e n, Luoteis-Laatokan murteiden
äännehistoria, I, s. 153.

laisten supistumanominien kuin lampaissa : lampässa, pim-
meissä, hakuissa mukaiseksi²⁰. Selitys on nähdäkseni pe-
riaatteessa oikea, vaikkakin mallin antajaksi on Turusen
mainitsemista supistumanomineista sopinut ainoastaan hak-
kui : haku-tyyppi.

c. Painosuhteista riippuen on aktiivin 2. partisipiis-
sa saattanut tulla määrääväksi vokaaliyhtymän u-e, ü-e alku-
komponentti, johon monikkovartalon muodostus nojautuu: lm
homettunnuis. Kyseessä ei siis ole monikkovartalon supistu-
madiftongi, vaan tavallisen u-vartalaisen sanan monikkomuo-
to (yksikössä homehtunu-e > homehtunü- > homettunnu-). Tähän
selitysmahdollisuuteen on viitanut jo Rapola²¹.

d. Lounaismurteissa käytetään toistakin tyyppiä: ho-
mettunnis, jota taivutetaan kuin e-vartalaisia sanoja kon-
sanaan (yks. homettunnes). e : i -suhde on syntynyt vasta yks-
ikkövartalon e:n lyhennettyä.

Pohjimmiltaan samanlainen on taivutus sanassa kevä
(< kevä' < kevät), joka on siirtynyt kaksitavuisten ä-var-
taloiden joukkoon: hp kevinä.

V a n h a s s a k i r j a s u o m e s s a odottai-
si viljellyn runsaammin g:llistä monikkovartaloa, mutta se
on saanut säännöllisesti väistyä analogisen δ:n, kadon tai
h:n tieltä (ominaisuudennimissä analoginen -ks-vartalo):

1. Aivan yksinäinen on Agricolan käyttämä g-llinen
muoto lyhysille 'lyhyillä'.

2. Alkuperäistä yksikkövartaloa varsin lähellä ovat
muodot, joissa i:tä edeltää δ: Agricola: coludhista, cool-
ludhista (: yks. el. coludhesta), hywydhist. Ominaisuuden-
nimien δ:llisestä monikkovartalosta on vain yksinäisiä esi-
merkkejä. Lisättäköön vielä Pazeliuksen käyttämä totuudeis-
ta, jonka diftongi ei on mahdollisesti lähtöisin e-vartaloi-
den ei-monikosta tai kontaminaationa colleista-tyypistä.
Tämän ryhmän δ-edustuksella tuskin on ollut äänteellisiä
vastaineita 1500-luvun puhekielessä, sillä δ:n säilyminen

²⁰ A. T u r u n e n , Itäisten savolaismurteiden ään-
nehistoria, s. 82.

²¹ M. R a p o l a , Kantasuomalaiset pääpainottomain
tavujen i-loppuiset diftongit suomen murteissa, s. 13.

niihin aikoihin on odotuksenmukainen vain sivupainollisen tavun jäljessä²². δ :n säilyminen johtuu todennäköisesti kirjallisesta traditiosta, mutta muodot saattavat olla teorioiden sepitettyjäkin. Eräitä kohtia uudestaan julkaistessaan Agricola on korjannut muodon coolludhista δ :ttömään asuun: Coolluista, coluista.

3. Painottoman tavun vokaalin jäljestä kadonneen δ :n tilalle on sivupainollisen tavun alkuun kehittynyt h. Selitys, jonka mukaan pidetään mahdollisena h:n kehittymistä δ :n tilalle kenties jo myöhäiskantasuomessa²³, ei näytä saaneen kannatusta. h:llisiä muotoja käyttivät varsinkin 1700-luvun pohjalaiset runomitan viljelijät²⁴, mutta niitä tapaa jo vanhimmista kirjat tuotteista alkaen. Aktiivin 2. partisiiipista on edustettuna sekä -ehi- että -uhi-tyyppi: Agricola: coollehista, kolehista, colehista. Speitz: edesmännehillä. Pacchalenius: ollehille. - Westh: cuoluhista, coluhista, cuolluhista.

4. Vanhat kirjailijat viljelivät eniten monikkovartaloita, joissa δ painottoman tavun jäljestä on äänneleillisesti kadonnut²⁵.

a. ui-llinen tyyppi vaikuttaa pohjimmiltaan lounais-suomalaiselta. Agricola: cooluista, Coolluista. Finno: cuoluist. Tuntematon virsi (1580): cuoluist. Juhana III:n k.: edesmennville vuosille. Elimaeus: colluista. Hemminki: cuoluist. Sorolainen: Cuoluista, cuoluista. Raamattu: cuolluista, jäänville. Raumannus: närkästynvildä, cuolluista. Taivutus perustuu yksikkövaltioon, jossa δ :n kadottua tultiin muotoihin olluet (< olluδet), colluet (Agricolalla) jne. (harvoin lounaismurteiden u:llisiakin muotoja, esim. Agrico-

²² M. R a p o l a , Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin, s. 164.

²³ F. Ä i m ä , Lisänen ahrain sanan etymologiaan. - Virittäjä 1921, s. 67-68.

²⁴ M. R a p o l a , Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin, s. 166.

²⁵ E. N. S e t ä l ä , Yhteissuomalainen äännehistoria, s. 69-70; H. O j a n s u u , Suomen lounaismurteiden äännehistoria, II. Konsonantit (= Suomi, IV:2), Helsinki 1904, s. 46-48.

lalla coolluxi; hänellä myös coolluat, olluat, olluuat jne.)²⁶.

Erittäin harvinainen on tämäntyyppinen monikko ominaisuudennimistä: Kollanius: wäryitä.

b. ei:llinen monikko aktiivin 2. partisiipista, joka on nykysuomessa vallitsevana, näkyy ainakin 1500-luvulla olleen selvästi alakynnessä; muutama esimerkki Agricolalta: colleista, coleista. Lisättäköön, että tyyppi olleet (~ollet) muodostaa selvän enemmistön jo 1600-luvun alusta alkaen²⁷.

5. Vanhan kirjasuomen monikkovartaloiden kirjavuuteen kuuluu vielä Westhin tekstissä esiintyvä kontaminaatiomuoto coluhista, joka on syntynyt tyyppien coluhista ++ coluista sekaannuksesta.

Aktiivin 2. partisiipin yksikköartalon käyttö (monikon nom. ym.) on J. Koskisen mukaan (Vir. 1965, s. 172-175) kirjavampaa kuin monikkovartalon edustus. Agricola on käyttänyt ainakin yhdeksää eri merkitsemisasua: 1) tulluet, 2) waijomuuet, 3) tulluuat, 4) tulluat, 5) tullut 'tulleet', 6) wanhanuut, 7) tulleet, 8) tullehet, 9) coonutza ja eräät muut hapaks legomenon-löydöt. Yleisin on tulluet-tyyppi (44,16 %), mikä yhdessä tulleet-tapausten (38,52 %) kanssa erottuu aivan ratkaisevasti muista ryhmistä (joiden yhteiseksi osuudeksi jää vain vajaa viidennes kokonaismäärästä, 2004:stä aktiivin 2. partisiipista).

²⁶ ŋe-, ²⁷ ŋe-sanojen g:llistä monikkovartaloa, jonka murre-edustuksen yhteydessä katsoimme hännelailliseksi, ei nykysuomessa tunneta. Yleiskielen aktiivin 2. partisiipissa perustuu taiputus ē-vartaloon, esim. saaneissa, tulleissa, nähneissä (yksikössä saaneessa, tulleessa, nähneessä). -ut, -üt-loppuisissa sanoissa on ŋ:n kadottua päässyt määrääväksi vokaaliyhtymän u-e, ū-e alkukomponentti; niinpä yksikössä olut : oluen, kätkyt : kätkyen, lyhyt : lyhyen ja monikossa vastaavasti olui-, kätkyi-, lyhyi-. Tähän ryhmään liittyy läheisesti sana kevät, josta yksikköartalo kevää- (< kevä-e < keväŋe-) ja monikkovartalo keväi-. Poikkeuksen

²⁶ H. O j a n s u u , Suomen lounaismurteiden äännehistoria, II, s. 47; M. R a p o l a , Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin, s. 165.

²⁷ M. R a p o l a , Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin, s. 165.

tekee sana neitsyt, josta on viljelty kahdenlaista taivutusta: neitseen : neitse- ja neitsyen : neitsyi-. Vanhassa kirjasuomessa oltiin neitseen-tyypin kannalla (perustuneen Lounais-Suomen edustukseen²⁸), mutta 1500-luvulta on harvoja näytteitä, joissa δ :kin on vielä säilyneenä: Agricola: neitzydheni, Codex Gumoensis (1550): neitzudē²⁹. Sivupaino on tukenut e-vokaalia ja sitten on tapahtunut vokaalilassimilaatio: neitsü-ellä > neitseellä (lounaismurteissa sekä neittü- että neitte-).

Ominaisuudennimien monikkotaivutus on kauttaaltaan analoginen (hyvyyksi-), paitsi todennäköisesti sanassa tervehüs, josta monikko terveis-³⁰.

Runokielessä on mahdollinen h-poeticum, esim. saanehi-, tullehi-, ymmärtänehi-, kevyhi-, kevähi-, paitsi sanasta ohut³¹, jonka h:n dissimiloivasta vaikutuksesta tyyppiä ohuhi- ei käytetä.

P a i n o t o n a s e m a

Edustustavat ovat suurin piirtein samat kuin painolisessa asemassa:

1. Äänne-laillisista edustusta tavataan hyvin rajoitusti. s on saattanut kehittyä δ :stä ja myös t:stä (huom. ill. tervehüti- ja ess. tervehüti-): pE oppimusina, sEu ilkeüsissä, sav tervüüsis.

2. Siirtymä-äänteellisissä tyypeissä taivutus perustuu yksikkövärtaloon, h:llisestä taivutuksesta puuttuvat pöminnoissa esimerkit: sEu pahhüvvist, sav tervüüvis. - TytS oiku(v)issa.

3. Kirjakielestä tunnettu ei:llinen monikkovartalo on murteissakin yleisin: sata alkaneista, sE vastapoikineil,

²⁸ H. O j a n s u u , Suomen lounaismurteiden äännehistoria, II, s. 46.

²⁹ M. R a p o l a , Suomen kielen äännehistorian luentojen pääkohdat, s. 69.

³⁰ Vrt. E. N. S e t ä l ä , Yhteissuomalainen äännehistoria, s. 71.

³¹ A. P e n t t i l ä , Suomen kielioppi, Porvoo-Helsinki 1957, s. 167; Nykysuomen sanakirja. Ensimmäinen osa A-I. Neljäs painos. Helsinki 1962, taivutustyyppit 73, 74, 77.

siu oppineissa, vi kääntyneiks, vi kätuneista. Esimerkit -ut, -üt-loppuisista sanoista ja ominaisuudennimistä puuttuvat.

4. Lounaismurteiden muodon juapunuil taivutus nojautuu yksikkövartaloon, mikä on u:llinen (juapunul, vrt. jo Agricolalla coolluxi). Sivupainollisen tavun jäljessä odotaisi δ:n (tai g:n) säilyneen, mutta analogia on tasoitannut alkuperäiset suhteet.

V a n h n k i r j a s u o m e n taivutus perustuu pohjimmiltaan yksikkövartaloon.

1. δ:n säilymiseen nähden sivupainollisen tavun jäljessä on odotuksenmukainen Agricolalla esiintyvä tyyppi corkeudhista, vaikka monikkumuodostuksen kannalta olisikin sääntönä δ > s. Ominaisuudennimissä on tässäkin painoasemassa äännelaillinen s yleensä väistynyt analogisen ks:n tieltä: tavallisesti corkeurisa.

2. h:llinen -ehi-tyyppi on sama kuin painollisessa tavu-asemassa, -uhi-edustuksesta puuttuvat esimerkit: Agricola: nijllen caswanshillen. Westh: nuccunehista. Ijungo: syndynehille.

3a. ui:llisiin monikkumuotoihin on tultu joko suoraan δ:n kadottua tai -uhi-edustuksen välityksellä. Jälkimmäinen mahdollisuus tuntuu painottoman tavun jälkeisissä tapauksissa kaiketi todennäköiseltä. cuoluhista > coluluista vaikutuksesta on katsottava h:ton edustus mahdolliseksi myös nelitavuisissa partisiipeissa: Raamattu (1685): pacunuilda.

b. ei:llistä monikkoa vastaa yksikössä ē:llinen vartalo, johon taivutus perustuu (yksikkövartalossa on oletettu muutosta ³²-uhe-, -ühe- > -ehe-): Hemminki: opineixi. Kollanius: syndyneistä, syndyneilletkin.

N y k y s u o m e n partisiipit taipuvat ē aei-vartaloisina, esim. antanei- (yks. antanee-), sortunei-, tyytynei-, liiennei- jne. Runokielessä on mahdollinen h-vartalo kuten supistumanomineista yleensä: antanehi-, sortunehi- ym. Ominaisuudennimissä esiintyy analoginen ks-vartalo.

³² M. R a p o l a , Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin, s. 261.

Lyhenteet

au = aunus; eE = eteläeesti; hK = kaakkoishäme; hP = pohjoishäme; inkH = inkeröisen Hevaan murre; inkS = inkeröisen Soikkolan murre; karE = eteläkarjala; karK = Kalininin karjala; karT = Tihvinin karjala; karV = Valdain karjala; Ke = Kemijoen murteet; lm = lounaismurteet; lp = lappi; lyyd = lyydi; pE = Etelä-Pohjanmaan murre; pK = Keski-Pohjanmaan murteet; satA = Ala-Satakunnan murteet; sav = savakomurre; sE = eteläsavo; sEu = savon eteläinen ulkoryhmä; sIu = savon itäinen ulkoryhmä; sLou = savon lounainen ulkoryhmä; sLu = savon läntinen ulkoryhmä; smAL = Ala-Laukaan suomalaismurre; sp = pohjoissavo; sPu = savon pohjoinen ulkoryhmä; TytS = Tytärsaaren murre; vatI = itävatja; vatL = länsivatja; veps = vepsä; vepsE = etelävepsä; vepsK = keski-vepsä; vepsÄ = Äänis-vepsä; vI = viipurilaismurteiden itäinen ryhmä; vL = viipurilaismurteiden läntinen ryhmä, äyr = äyrämöismurre.

П. А л в р е
(Тарту)

О МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ ОСНОВ НА *-de, *-de
В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Р е з ю м е

В финском языке от основ на *-de, *-de можно было бы всюду ожидать закономерного в звуковом отношении множественного числа на -di (-ti) > -si-, которое и на самом деле употребляется в жоно-похъянмааских диалектах в действительных причастиях прошедшего времени kuollusilla 'у покойников'), причем такие же формы контаминационного характера наблюдаются также в древних письменных памятниках (edesiotunuisia 'покойных'). Формы с -si- от абстрактных слов на -us, -üs зарегистрированы преимущественно в савоских диалектах (laeskuisissä ' = в его леностях'). Подобный тип мн. числа от слов на -us, -üs имел раньше, по-видимому, более широкое распространение, на что указывает и встречающаяся у Агриколы форма lyhysille 'коротким'.

При образовании форм множественного числа от слов на -de- и *-de- чаще всего используется основа единственного числа; такой же способ образования типичен для старого и современного литературного финского языка. Склонение форм прошедшего времени причастий действительного залога уподобляется склонению слов на -ek и -eh, так как в результате возникшего на месте d' эпентетического звука h различие между этими двумя типами склонения вообще утрачивается. В связи с этим никак нельзя согласиться с утверждениями некоторых ученых (Э.Н. Сетяля, В. Руоппила), предполагающих, что в данном случае мы имеем дело с аналогичным по образованию переходом причастных форм прошедшего времени в группу слов со стяженными именными основами. Эпентетический согласный звук h наблюдается также и в диалектных формах hK sännehist 'из получивших', re ollehista 'из бывших' и др., а также в древней письменности в типе слов coollehista 'из умерших'. После утраты h возникли формы мн. числа saaneista 'из получивших', kuolleista 'из умерших', которые характерны для

большинства диалектов и современного литературного языка. В старой письменности были в употреблении также основы мн. числа на -ubi, -yhi и -ui (напр. celudhista, cuolahista, soelusta 'из умерших'). Основа мн. числа на -ui, -yi встречается чаще всего в словах на -ut, -üt (olui- : olut 'пиво' и др.). В некоторых диалектах, наряду с формами на -uvi, -üvi, употребляется также ei-евый тип (siu lyhheina 'короткими'). От слова kevät 'весна' (: kevahi- ~ kevai-) полностью утрачена закономерная основа keväsi-.

По-особому протекало развитие существительных с абстрактным значением, оканчивающихся на -us, -üs, склонение которых смешалось с отглагольными именными образованиями на -ukse, -ükse (тип rikkaksi- : rikkaus 'богатство'). В некоторых диалектах и старом письменном языке в основах на -ks процесс выравнивая проникал и в единственное число (hK vakavukses 'в серьезности'; orijuesa 'в рабстве' и др.).

Д. Андуганов
(Йошкар-Ола)

ГЕНИТИВНОЕ СЛОВОСЛОЖЕНИЕ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Из всех финно-угорских языков генитивное словосложение получило самое большое распространение в финском и эстонском языках. В современном марийском языке по такой модели вообще слова перестали образовываться. Однако истории письменной речи известны несколько случаев генитивного сложения. Так, в словаре В.М. Васильева зарегистрированы имена существительные определительного типа, в качестве первых компонентов которых выступает слово юмо "бог", имеющее, соответственно, генитивное оформление: юмын-ава "богоматерь" (< юмо "бог" + ава "мать"), юмындѹр "горизонт" (< юмо "бог" + тѹр "край"), юмын-кѹй "жертвенный камень" (< юмо "бог" + кѹй "камень"), юмын-пундаш "небо" (< юмо "бог" + пундаш "дно"), юмын-аяр "суббота" (< юмо "бог" + аяр "зелье"), юмын-амыр "божье предопределение" (< юмо "бог" + амыр "предопределение"), юмын-кышкар "мироздание" (< юмо "бог" + кышкар "остов"), юмын-тага "бекас" (< юмо "бог" + тага "баран") и др. (Ўпымарий, Марий мутер, Моско 1928).

Можно добавить, что даже эти слова в последние десятилетия существуют как в слитной, так и раздельной форме написания: Юмын Ёдырым налам! Юмын Ёдырым налам! ... Юмын Ёдыр, салмавондем налешат, шем турирым уло кертмын шѹкал колта (Н. Лекайн, Кугу сарын тулыштыжо, Йошкар-Ола 1974:285) "На божьей дочери женюсь! На божьей дочери женюсь! ...Божья дочь берет сковородник и изо всех сил оттолкнет черного жаворонка"; Шарнем: изи йоча улмына годым, арама шенгек лектын, турирым ончен койдарена ыле: Тури тур-тур, тури тур-тур, Юмын Ёдырым налын от керт! (М. Шкетан, Мыскара ойлымаш-влак, Йошкар-Ола 1954:92) "Помнится, в детстве, заметив жаворонка, дразнили его за кустарником: жаворонек-тур-тур, жаворонек-тур-тур, не сможешь жениться на божьей дочери!"; Юмынтага (Марийско-русский словарь, Москва 1956:786) "Бекас"; - Юмын еным молан тыге намыслашыже? - Яныш манеш (К. Васин, Муру Апшат, Йошкар-Ола 1974:189) "А зачем же так оскорблять

божьего человека? - молвил Яныш".

Любопытно отметить, что субстантивные соединения, состоящие из генитивной и другой в непряжательном оформлении частей, на базе которых были образованы сложные слова с первым компонентом кмо "бог", в современном литературном языке стали выполнять несколько иную стилистическую функцию, чем раньше. В последние десятилетия мастера слова употребляют их только в эмоционально окрашенной, поэтической речи, например: Сандалкын чымалте ракетат, Сибирь, - кунчемлаште ылыкше сескемн родо (В. Колумб, Кудир онгыр, Йошкар-Ола 1967:63) "Во вселенную мчится ракета твоя, Сибирь, - в шахтах вспыхнувших искр родственница"; Куба - пиалын йолташ эрик кечан мландумбалне. Мландын олмам чеверташ ынде вес вечын тубале (там же, 65-66) "Куба - спутник счастья на земле со свободным солнцем. Яблоко-земля стала сейчас обогреть с другой стороны"; Озан пиал - у полемните, а кобрченны - порт коклаште (там же, 31) "Счастье хозяина - в новой комнате, а у голубя - на чердаке"; Мо орьенм конден ачан суртш - кайык ойго ден ок лий висам! (его же, Эре чошешташ, чошешташ, Йошкар-Ола 1965:76) "Того, что привело невесту в отцовский дом, не сравнить с птичьим горем!"; Йолташ, Йомакын мучашым надаш шоншо! (там же, 100) "Друг, ожидающий сказки конец!"; А пуртсын удыр-влак йнрем шп полшат мылам, дунген ик верште (В. Горохов, Поэтыял, Йошкар-Ола 1974:5) "А девушки природы, качаясь на месте, помогают мне кругом"; А кажнын чонш возын жапын пале (Г. Гадиятов, Кумы онгыр, Йошкар-Ола 1970:23) "Да на душу каждого легла метка времени"; Шижеш: вес енын ошкыл йу (там же, 24) "Чует: шаги другого человека"; Чынак, ынде мемнан ялын каче мом ыттен огеш мошто ала? (там же, 34) "Действительно, чего только уже не умеет делать парень нашей деревни?"; Кугезе-влак возенят мурым ожно кагазеш огыл - калыкн унеш (там же, 42) "Предки раньше создавали песни не на бумаге - в уме народа"; Вуден тымк йудын румбалгын, вашка сорла тылзе касвек (там же, 125) "Веда тихой ночи сумерки, спешит серп-луна на запад".

Подобных примеров можно было бы привести много, так как рассматриваемая модель, несмотря на ограниченность в употреблении, связанную с использованием ее только в определенных стилистических целях, встречается в языке довольно часто. Поэтому есть достаточное основание утверждать, что данная модель прочно вошла в литературную норму как одно из

средств поэтизации речи. Закрепление ее в литературной норме с определенной стилистической функцией, надо полагать, имеет соответствующие причины.

В качестве первой такой причины следует назвать народно-языковое происхождение рассматриваемой модели. Например, в марийском языке с незапамятных времен употребляется комплекс куван кенеж "бабье лето" = "бабы лето" (< кува "баба" + кенеж "лето"), который и сейчас бытует как термин; Тений аван Упыш куван кенеж эр покшымым шолып опта (В. Колумб, Эре чонешташ, чонешташ, Йошкар-Ола 1965:22) "Нынче бабье лето тайком сыплет в волосы матери утренний иней"; Теве кече ончалеш, куван кенеж гае шокшо лиш, теве уэш шем пыл дене петыралтеш, йүдйымал гыч калге мардеж пуалеш, ... (Ю. Артамонов, Анис олман чеверже. - Ончыко 3, Йошкар-Ола 1973:38) "Вот выгянет солнце, будет тепло, как бабьим летом, вот снова закроется тучами, дунет с севера ветерок, ...".

Во-вторых, эта модель характерна для языка сказок, которые, как известно, также относятся к поэтическому творчеству. Например: *oza.n wa.te to.ʒe mala.* (E. Lewy, *Tscheremissische Texte*, Hannover 1925-1926:16) "Хозяйка тоже спит"; *üðgržā kalase.n kuva.n eγūla.n* (V. Porkka, *Tscheremissische Texte mit Übersetzung*. - JSFOu, XII, 1895:13) "Дочь-то сказала сыну старухи"; *uβer kuβan üβgr pörtäškō pura* (A. Genetz, *Ost-tscheremissische Sprachstudien I.* - JSFOu, VII:23) "Дочь бабы-яги входит в дом"; *ma.ren i.mni pūā.liteš* (Ö. Beke, *Mari szövegek*, I, Budapest 1957:98) "Лошадка мужика постоянно потеет" и т.д.

Все более частое употребление определительных субстантивных конструкций рассматриваемого типа не в меньшей мере связано с семантической неясностью, свойственной для многочисленных соединений, части которых выражаются именами существительными в абсолютной форме. Дело в том, что в марийском языке в линейной последовательности одновременно могут употребляться три или более имен существительных, выраженных формой, сходной с номинативом. При этом последнее существительное в линейной цепи в любом случае будет определяемым компонентом, т.е. как на уровне всей конструкции, так и по отношению к предыдущему или к двум предыдущим. Способность главного компонента выступать в качестве определяемого элемента на двух уровнях в многочисленной субстантивной конструкции зачастую приводит к

двусмысленному восприятию сказанного. Например, комплекс пö-рьең паша торжалык = "мужчина работа грубость" может выразить две идеи: идею грубости мужской работы и рабочую грубость известного мужчины (= грубость в работе мужчины). В связи с этим в последнее время авторы стали отделять определяющую часть от определяемой посредством придачи пограничному компоненту состава определения формы генитива, что обязательно освобождает конструкцию от семантической неясности, например: Вет саданак шинчажат - шүм игечын воштончыш: коеш келге пиал, кочо мут косажат (В. Колумб, Эре чоңешташ, чоңешташ, Йошкар-Ола 1965:86) "Поэтому и глаза - зеркало сердечной погоды: есть глубокое счастье и горечь обид"; У пöрт пура, Йомак онарын вуйкөйграла, яра шинча дене кундемем оролен (его же, Күдыр ойгыр, Йошкар-Ола 1967:11) "Новый сруб для дома смотрел пустыми глазами на местность, как голова сказочного великана"; Колыштам Удыр дүмын кантатым, шем шинчаште тул чинчым күтем (А. Степанов, Колышто курым, Йошкар-Ола 1970:44) "Слушаю кантату девичьего сердца, вижу в черных глазах блеск огонька"; Но тек илын тейызын толкын шүмем гыч шүметым ок муш (Г.Гадиятов, Кумыл ойгыр, Йошкар-Ола 1970:23) "Но пусть жизненного моря волна не смое с сердца твое сердце"; Эр кечым вашлийын, палласын пеш шокшын у поезд - у курымын тул оргамак (там же, 127) "Встретив утреннее солнце, тепло приветствовал его поезд - нового века огненный конь"; Ну каналте, рвезе, - оза ватын йүк (Марий коммуна 15. 02. 1976) "Ну отдохни же, паренек, - хозяйки голос".

Употребление в поэтическом языке последних десятилетий конструкций, построенных по рассматриваемой модели, необходимо считать как одну из особенностей современного марийского литературного языка. А в лингвистике известно, что отличительная черта стиля "нового времени" может создавать дополнительное условие для сложения слов (R. Kull, *Liitnimisõnade kujunemine eesti kirjakeeles. Kandidaadidissertatsioon*, Tallinn 1967:63; V. Ruoppila, *Yhdys sanojen ja johdannaisten talteenottamisesta kansankielen sanaston keruussa. - Virittäjä*, Helsinki 1933:45; A. Rytkönen, *Koloratiivinen konstruktio. - Virittäjä*, Helsinki 1937:95-109). Поэтому не будет удивительным, если в системе образования слов в марийском языке генитивное словосложение займет соответствующее место.

J. A n d u g a n o v
(Joškar-Ola)

GENITIVE WORD-COMPOSITION IN THE MARI LANGUAGE

S u m m a r y

Genitive compounds, represented in historical texts of written Mari by unities comprising the attributive DMO "god", are not usual in the contemporary language. In the article it is emphasized that cases of genitive composition are still effective as a means of unification in the spelling of compounds which contain a number of components, as well as in the formation of unities with a combinability of members not characteristic of the neutral style. These observations have been made on the basis of an analysis of abundant material taken from works of fiction.

KOMI-SYRJÄNISCHES AUS DEM DORFE NIVŠERA

Der Unterzeichnete hat im Jahre 1941 in Tartu einen komi-syrjänischen jungen Mann Kirill Žižov (26 J. alt) aus dem Dorfe Nivšera des Starozersker Bezirks der Komi ASSR getroffen. Dieser junge Mann sprach eine besondere Spielart der Višera-Mundart. Er hatte nämlich anstelle der allgemeinen syrjänischen Mittelzungenvokale e und i (in der Literatursprache durch ö und ü bezeichnet) ihre labialisierten Entsprechungen ö und ü. Es gab damals keine Möglichkeiten experimentelle Untersuchungen vorzunehmen, um die genaue Artikulation dieser Vokale festzustellen. Nach den auditiven und visuellen Beobachtungen konnte man jedoch beschließen, daß die labialisierten Vokale ö und ü in der Aussprache von Žižov nicht ganz übereinstimmend mit den estnischen, finnischen und wotischen ö und ü artikuliert wurden. Obwohl die Lippen genug energisch vorwärtsgeschoben und abgerundet waren, was für die Bildung von ö und ü unvermeidlich ist, schien es jedoch, daß in der Komi-Sprache die Zungenhebung gewissermaßen hinterer war als bei der Artikulation der ostseefinnischen ö und ü. Die syrjänischen Labiale hatten eine Abtönung der Mittelzungenvokale e und i. Nach den Regeln der finnisch-ugrischen phonetischen Transkription könnte man sie als ö und ü bezeichnen. Im vorliegenden Aufsatz werden wegen der Einfachheit nur ö und ü gebraucht. Da die Labiale ö und ü außer der Jasva-Mundart im Komi-Syrjänischen früher nicht behandelt waren, hat der Unterzeichnete sie in einem kurzen Artikel beschrieben (Ariste 1959). Dieser Artikel hat dem Großmeister der permischen Sprachwissenschaft V. Iytkin den Anlaß gegeben, die Verbreitung der Labiale näher zu untersuchen. Er hat festgestellt, daß ö und ü am Višera-Flusse in mehreren Dörfern vorkommen können (Лыткин 1968). Auch anderswo auf dem Gebiete der Višera-Mundart kann man diese ei-

gentümliche Aussprache hören, die bei Žižov konstatiert wurde. Die Labiale š und u kommen in den betonten ersten Silben vor. In anderen Silben waren in der Aussprache von Žižov meistens e oder ɟ und i oder ɟ, wo in der Komi-Literatursprache und in den anderen Mundarten g und j auftreten. Žižov hatte nur eine Elementarschulbildung. Deshalb war in seiner Aussprache der Einfluß der Gemeinsprache nicht beträchtlich. Zuweilen hat er jedoch i anstatt u oder ɟ gehabt. Von Žižov sind einige Volkslieder aufgezeichnet worden, die hier als Beispiele seiner Mundart gegeben werden. Angeführt wird auch die bekannte Dichtung von Viktor Savin "Чужи-быдми съод вӧр шӧрын" (Савин 1962), die bei den Komi-Syrjänen so populär ist, daß sie schon fast ein volkstümliches Lied geworden ist und deshalb verschiedene Varianten hat. Die Variante von Žižov unterscheidet sich ziemlich viel von Savins Original.

1

gŕa bokin kŭk pon uwutə,
 š a ŕ i k da p o j a -
 n u s k o ;
 mene kŭk zon l'ubitini,
 k o l' ä da i v a.-
 n u s k o .

Am Abhange des Berges bellen
 zwei Hunde,
 Šarik und Pojanuško;
 mich lieben zwei Burschen,
 Kola und Ivanuško.

2

mödla pölin kospu jŭlin
 kŭk vorobei šŭleni;
 baŕe-mame šorŕitani,
 veres-saje šetani.

Jenseits des Flusses auf einem
 Fichtenbaume
 zwei Sperlinge singen;
 meine Eltern sprechen,
 sie werden (mich) verheiraten.

3

on milo-jei kuž tuša-jei,
 sŕmin korəš ŕegjavni,
 bŭd rŭt pos-pomeđ
 kollä-llin,
 kollälin da ŕŕcid en kuž
 okistni.

Du, mein Lieber, bist nicht
 lang von Leib,
 (bist du) nur, um einen Bade-
 quast zu brechen;
 jeden Abend hast du (mich) bis
 zum Ende der Treppe begleitet.
 du hast (mich) begleitet und
 nie hast du (mich) zu küssen
 verstanden.

šerbijanka kanšer-banka,
zeptin pol litra vina,
purjan kŕvta, vina juva,
kšć kūja, jai šoja.

(Mit) einer serbischen Krebs-
(konserven)dose,
(mit) einem Halbliter Brannt-
wein in der Tasche,
fahre ich auf einem Flosse den
Fluß abwärts, trinke Branntwein,
jage Hasen, esse Fleisch.

5

mameŕkoi, baŕeŕkoi,
kodlj guta kodjannŕd?
šeuže .li menšim musuk
meteg_guvala .nnŕd?

Mein Mütterchen, mein Väterchen,
wem grabt ihr das Grab?
Werdet ihr wirklich meinem Ge-
liebten
ohne mich begraben?

6

šših uvvti šor vizivtə,
menšim poskes kŕrŕdə, :
mijan šiktin mustəm son,
bŭd_nŭvliš lŭg petkedla.

Unter dem Fenster fließt ein
Bach,
er führt meine Brücke fort;
in unserem Dorfe (ist) ein un-
lieber Bursche,
bei allen Mädchen ruft er Un-
willen hervor.

7

bobe, bobe, kšćšće vetlin?
šože guva vetli.
mŭiže vajin?
sola-papu da vŭja-šših.
kšćšćeše puktin?
dšegjas-pome pukti.
kŕnže dšegjas-pomis?
ššd pon šojema.
kŕnže ššd ponjis?
počis kostə topalema.

Mein Geliebter, mein Geliebter,
wo bist du gewesen?
Ich bin im Keller des Onkels
gewesen.
Was hast du denn gebracht?
Ein Salzbrot und ein Butterbrot.
Wo hast du (sie) gelegt?
Auf das Ende der Wandbank habe
ich (sie) gelegt.
Wo ist denn das Ende der Wand-
bank?
Der schwarze Hund hat (es) auf-
gefressen.
Wo ist denn der schwarze Hund?
Er ist zwischen den Zaunpfählen
eingeklemmt worden.

könže počisis?
bi, is sotama.
könže bi, is?
va, is kusotama.
könže va, is?
šška-mšška juvama.
könže šška-mšška, is?
jen? bas kajema.

Wo ist denn der Zaun?
Das Feuer hat (ihn) verbrannt.
Wo ist denn das Feuer?
Das Wasser hat (es) ausgelöscht.
Wo ist denn das Wasser?
Der Regenbogen hat (es) aufgetrunken.
Wo ist denn der Regenbogen?
Er ist in den Himmel gekommen.

8

čuži-būdmi šöd vör šörin,
dėrevňäe peti,
murca suvvti as kok, jile,
udž pür menim višmis,
išet kaga vidžni.
novli šored šera dšram,
viša gaš da koti.
kaga bšrda, ašim bšrda,
goradžika gorza.
šuršis jšvza ledža,
kožžik ruzum veža.
švuč švač sipta šdžes,
peta šäiten vorsni.
addžis mene udžid mamos,
vüšni (~ višni) šörjen
šuč vaš keris.
küknan boke ludsis.
rütüv, vülis mame lokto,
löm da šmidž vajis.
važen vövlı šalai oləm,
kaft? stam öni, edž.

Ich bin inmitten eines finstren
Waldes geboren und gewachsen,
ich kam ins Dorf heraus.
Kaum stand ich auf meinen eigenen
Füssen,
(so) fand sich sogleich eine
Arbeit für mich,
ein kleines Kind zu warten.
Ich trug ein grobes buntes Hemd,
gestreifte Hose und große Schuhe.
Das Kind weint, ich selbst weine,
lauter schreie ich.
Aus dem Horn /lasse-/gebe ich
(ihm) Milch,
tausche (ihm) eine trocknere
Windel.
Klapp klapp schlage ich die Tür
auf,
ich gehe hinaus mit Kot spielen.
Die Großmutter sah mich,
mit einer dünnen Rute schlug
sie (mich)
schnipp schnapp.
Die beiden Seiten juckten.
Am Abend kommt meine Mutter,
sie brachte Traubenkirschen und
Himbeeren,
(So) war in alten Zeiten das
Kinderleben,
wir erinnern uns (daran) bis
jetzt.

L i t e r a t u r

- A r i s t e , P. 1959, Mõningaid märksmeid komi keele fonetika alalt. - *Enakeele Seltsi Aastaraamat*, V, Tallinn, lk. 253-256.
- Лыткин В. И. 1968, Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках. - *Вопросы языкознания*, I, Москва, с. 91.
- Савин В. 1962, Кывбурьяс, позмаяс, пьесаяс, висътъяс, очеркъяс, Сыктывкар, с. 49.

П. А р и с т э
(Тарту)

О ГОВОРЕ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА ДЕРЕВНИ НИВШЕРА

Р е з ю м е

В статье описываются лабиализованные \bar{o} и \bar{u} в говоре деревни Нившера Сторожевского района. Эти лабиализованные гласные соответствуют гласным \bar{o} (= \bar{e}) и \bar{u} (= \bar{i}) коми литературного языка. Коми лабиализованные \bar{o} и \bar{u} отличаются от лабиализованных гласных \bar{o} , \bar{u} , \bar{y} в эстонском и финском языках. При образовании коми гласных спинка языка поднята в более заднем положении, чем при образовании соответствующих прибалтийско-финских звуков. Выступление лабиализованных гласных иллюстрируют примеры из народной поэзии.

ВТОРИЧНЫЕ СУФФИКСЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Грамматизация самостоятельных слов как один из способов развития и обогащения словообразовательной системы — общая и характерная черта финно-угорских языков. Подобные явления можно наблюдать и в других языках, но спорадически, тогда как агглютинативный тип финно-угорских языков сам по себе предполагает производство агглютинирующих элементов с достаточной регулярностью, хотя и не одинаковой в разных языках и на разных ступенях развития.

В современных языках можно наблюдать лишь отдельные стадии грамматизации лексем, однако, опираясь на исторические параллели, а также на данные диалектов и родственных языков, мы можем вскрыть основные тенденции в эволюции самостоятельных слов в суффиксы. Самое общее представление о развитии этого процесса может дать следующая схема: словосочетание I → устойчивое словосочетание II → сложное слово III → слово с полусуффиксальным элементом IV → дериват V → корневое слово.

Возможность такой трансформации обусловлена целым рядом факторов. Из них важнейшее значение для процесса агглютинации, как отмечается рядом финно-угроведов (Серебренников 1965, Майтинская 1965, Кривошекова-Гантман 1967), имеют следующие:

- а) строго фиксированный порядок следования компонентов в словосочетании,
- б) механическое присоединение служебных морфем к корню,
- в) четкая разграниченность морфем внутри слова.

Даже при наличии всех этих условий не всякое словосочетание становится синтаксической основой сложного слова, и не всякий дериват, образованный путем агглютинации, с необходимостью проходит все стадии развития. Формирование суффиксов из самостоятельных слов — процесс длительный и далеко не последовательный. Он зависит от целого комплекса частных факторов, языковых ситуаций, причем различных для каждой ступе-

ни развития. Так, переход I обуславливается наличием прочной семантической связи между компонентами словоосочетания, единством синтаксических функций всей конструкции, определенной степенью воспроизводимости в речи и т.д.; переход II - единством семантического образа, возникающего из соотношения значений компонентов, общностью ударений, морфолого-грамматической целостностью и т.д.

В трансформации сложного слова во вторичный суффикс самым существенным, на наш взгляд, является частотность и регулярность употребления в речи слов с данным конечным элементом. Частота употребления предопределяет возникновение того сдвига в семантике конечного элемента, который является началом постепенного вытеснения конкретно-лексического значения грамматическим, началом обобщенного использования слова в качестве "суффицирующего словоэлемента" (Кривошекова-Гантман 1967:115). Первоначально ограниченный определенным кругом основ, этот "словоэлемент" все более расширяет сферу семантических связей и начинает свободно присоединяться к любым основам, независимо от их конкретно-лексического значения и без предварительного синтаксического обоснования.

В современном коми языке зарегистрировано около десятка таких вторичных суффиксов.¹ Поскольку пути трансформации, степень продуктивности, регулярность в литературном языке и диалектах и т.д. весьма различны для каждого суффикса, имеет смысл подробнее остановиться на каждом из них.

-лун: первоначальное значение (к-з., к-п., к-язв. лун, удм. лунал < *luna "день" < доперм. *lona "день, юг")² подверглось грамматизации в процессе частого употребления в конструкциях типа: бур лун "хороший день", лõнь лун "тихий день", пемьд лун "темный день". В этой языковой ситуации элемент лун стал функционировать в качестве показателя абстрактного признака, ср. бурлун "доброта", лõньлун "тишина", пемьдлун "темнота". Дальнейшая грамматизация -лун позволила значительно расширить сферу деривационных связей. В современном коми языке суффикс образует дериваты как от основ прилагательных (первичная словообразовательная связь), так и от основ существительных и причастий, например: дõвалун "вдовство" - ср. дõва "вдова", челядьлун "ребячество" - ср.

¹ Точное количество суффицирующих элементов установить довольно трудно, поскольку границы между сложным словом и производным со вторичным суффиксом весьма расплывчаты.

² Здесь и далее этимологии даются по КЭСК 1970.

челядь "дети"; позяндун "возможность" - ср. позян "возможный"; тӧдчандун "значение" - ср. тӧдчан "заметный, значительный".

К середине XIX века этот суффикс прошел полный путь грамматизации, во всяком случае в словарях, отражающих лексику примерно 20-80-х годов XIX века (Wiedemann 1880, Лыткин 1889), слова с элементом -дун, несомненно, являются дериватами.

Продуктивность суффикса значительно возросла в связи с потребностями становления и развития литературного языка, постоянно нуждающегося в массе новых слов абстрактного значения. В одном из последних словарей коми языка (КРС 1961) дериваты с суффиксом -дун составляют примерно 8% всех производных существительных, что позволяет отнести -дун в разряд самых частых суффиксов современного коми языка.

Очевидно, этот суффикс возник сравнительно недавно, поскольку он не обнаружен ни в одном другом языке пермской группы, а также почти не встречается в целом ряде коми-зырянских диалектов - ижемском, вымском, верхнесысольском, где абстрактное значение качества выражается обычно основой слова (лӧк "злой, злость", лӧнь "тихий, тишина") либо отглагольными существительными на -ӧм (дӧваалӧм "вдовство").

Аналогичный процесс формирования суффикса можно наблюдать во многих финно-угорских языках, например: морд. э. -чи / м. -ши < чи / ши "день": шумбрачи / шумбраши "здоровье" - ср. шумбра "здоровый"; саам. -vuotta < vuotta "год": шюогавуотта "молодость" - ср. шюотта "молодой"; фин., эст. -uus < *võsi - ср. фин. vuosi "год"; эст. noorus "молодость" - ср. noor "молодой"; возможно, также фин. -päiva < päiva "день", лив. -päva < päva "день": brīpāva "свобода" - ср. brī "свободный"; -āiga < āiga "время": jūqmāiga "питье" - ср. jūqdā "пить"; -iġ < iġ "момент, мгновение, время": tiġraiġ "здоровье" - ср. tiġra "здоровый". (см. Lazar 1975: 62, 79, 167, 168; Lw̄b 1938: 29, 96, 75).

Возникновение абстрагирующих суффиксов предполагает достаточно высокую степень языкового и социального развития; этим, очевидно, объясняется тот факт, что в современных финно-угорских языках нет общих деривационных элементов для абстрактных имен, а есть лишь общие принципы их формирования (Lazar 1975: 314).

-ин (In): в качестве самостоятельного слова широко упо-

требуется в коми-зырянском языке. С его помощью от основ прилагательных и причастий на -ан легко образуются слова со значением в первом случае "какое-л. определенное, характерное чем-л. место", во втором - "место какого-л. действия". В коми-пермяцком языке и коми-язьвинском диалекте использование элемента -ин ограничено устойчивыми выражениями. В самостоятельном употреблении он был заменен заимствованным из русского языка словом места. Коми ин в удмуртском языке соответствует форма инты, развившаяся из общепермского *in.

Из всех имеющихся в коми языке вторичных формантов -ин меньше всего отделился от своего первоначального значения, меньше всего продвинулся по пути превращения в суффикс. Не случайно некоторые ученые (Бубрих 1949:64, Кривошекова-Гантман 1967:II7) считают конструкции типа оданін "жилище, место жилья", вунданін "место жатвы", дзэбанін "кладбище, место захоронения" сложными словами, а само отнесение элемента -ин к разряду суффиксов - натяжкой.

Элемент -ин находится на самой ранней стадии грамматизации. Во всяком случае его превращение в суффикс уже началось, о чем свидетельствует не только регулярность в образовании однотипных словообразовательных связей, но и наличие явного сдвига в сторону грамматизации в примерах, зафиксированных в диалектах, но понятных каждому носителю языка: ср. прс. с'ыланінс'ис дугдисны "перестали петь, досл. из процесса пения перестали"; дугдылис йурой вис'аниннс' "ненадолго перестала болеть голова, досл. ненадолго перестала (моя) голова из процесса боления"; печ. горш кос'манінб юшты "попью, чтобы утолить жажду, досл. в место пересыхания горла поплю"; с'ойаниннс' оз дугдыл "беспрестанно ест, досл. из процессе едения не перестает"; номсас'анинб вайышт "принеси немного полакомиться, досл. в место хотения полакомиться принеси немного".

Приведенные образования с -ин вряд ли могут быть отнесены к статичному лексическому составу; они возникают контекстуально и не употребляются вне предложения или употребляются в другом, в своем прямом, значении. Но сама возможность создания таких слов представляется основанием дальнейшей эволюции -ин в разряд суффиксов. Нам даже кажется возможным выделить из приведенных примеров некоторое общее грамматическое значение элемента -ин, а именно абстрактное выражение действия, процессуальности. Труднее проследить переход от значе-

ния локальности, непосредственно вытекающего из семантики самостоятельного слова ин, к выражению процессуальности. Интересны в этом отношении примеры, найденные нами у Видемана (Wiedemann 1884:74; Wiedemann 1880), где основное значение суффикса - временное: tölys'töm-in "mondlose Zeit", zertöm-in "regenlose Zeit", pylsetan-in "Polterabend", а также обобщенно-абстрактное, например: romtöm-in "Unendlichkeit", vezörtöm-in = vezörtöm-lun "Unvernunft".

Возможно, именно употребление элемента во временном значении явилось толчком к началу его грамматизации, результаты которой - хотя и весьма относительные - мы можем констатировать уже сейчас.

В удмуртском языке процесс грамматизации привел к распаду самостоятельного слова инты на два равнозначных суффикса: ни (арани "место жатвы" - ср. арань "жать") и ти (ужанты "место работы" - ср. ужаны "работать").

Что касается других финно-угорских языков, то редкий эрзя-мордовский суффикс -ина, обозначающий "место, богатое чем-л." (например: тополина "страна тополей"; умарина "яблоня" - ср. умарь "яблоко" ОФУЯ 1975:300), этимологически связан с пермским ин. В таком случае он ближе всего к коми-язвинскому варианту -ина (лөмжит'ина "равнина, ровное место" - ср. лөмжит "ложбинный" (Лыткин 1941:51)).

-тор: в качестве самостоятельного слова тор встречается только в коми и коми-пермяцком языках. В удмуртском и коми-язвинском соответствий не обнаружено. В коми языке конкретно-лексическое значение слова тор "кусок, лоскут, осколок, обломок" в частом употреблении в конструкциях типа йй тор "кусок мяса", гез тор "отрезок веревки", нянь тор "кусок хлеба" постепенно приобрело оттенок деминутивности, что привело к возникновению субъективно-оценочного суффикса: бедь-тор "палочка", зэртор "дождик", ютор "речка", мбстор "коровка", питор "сыночек", Марьютор "Марьюшка" и т.д.

Помимо уменьшительно-ласкательных форм, суффикс -тор весьма продуктивно образует существительные со значением отвлеченного качества, а также предмета, подвергаемого или подлежащего какому-либо действию, например: мусатор "что-л. любимое" - ср. муса "любимый, дорогой"; тырмытөмтор "недостаток" - ср. тырмытөм "недостаточный, недостающий", выльтор "новость" - ср. виль "новый"; новлантор "одежда" - ср. нов-лыны "носить (одежду)"; квантор "то, что вяжется, подлежит

вязанию" - ср. кыны "вязать, ткать".

Обе функции развились параллельно, независимо друг от друга, в сочетаниях с различными основами. В деминутивном значении суффикс выступает в соединении с основами существительных, в обобщенно-абстрактном - в соединении с основами прилагательных, причастий, иногда местоимений (например: немтор "ничего" - ср. нем < нинюм "ничего"; быцтор "всякое" - ср. быц "всякий, всякое, каждый").

В присыктывкарском диалекте коми языка зарегистрировано употребление суффикса во временном значении: сынён воантор нин "ему время уже приехать, досл. у него отрезок прибытия уже" (Жилина, Бараксанов 1971:74). Эта функция более позднего происхождения.

Аналогичные образования можно обнаружить в других финно-угорских языках. Суффиксу -тор в его отвлеченно-абстрактном значении соответствует в мордовских языках суффикс морд. м. -пяль/морд. э. -пель, возникший из самостоятельного слова со значением "часть, доля". Он образует отглагольные имена существительные со значением предмета действия: шампяль / оршампель "одежда" - ср. шамс / оршамс "надеть", уштомбяль / уштомпель "топливо" - ср. уштомс "топить".

Мансийские суффиксы -riś (первоначально "часть" - ср. в. rezz "часть"), -sup (первоначально "часть, половина"), -ut (первоначально "вещь, что-л.") соответствуют коми -тор в его деминутивном значении: həpsup "лодочка" - ср. həp "лодка"; ñawramriś "ребенок" - ср. ñawram "ребенок"; mañut "младенец" - ср. mañ "маленький" (ОФУЯ 1976:284).

-пи: восходит к самостоятельному слову финно-угорского происхождения (к-э. пи, к-п. пиян, пи, к-язв. пийан, удм. пи < общеп. *pi "детеныш, сын, мальчик"). Как и суффикс -ин, -пи в значительной степени сохранил свое первоначальное значение. Степень его грамматизации весьма различна в разных языках и диалектах. В удмуртском, коми и коми-пермяцком языках элемент пи чаще всего встречается в конструкциях с одушевленными существительными в значении "чей-л. детеныш": порсьпи "поросенок" - ср. порсь "свинья", понпи "щенок" - ср. пон "собака"; каньпи "котенок" - ср. кань "кошка".

В ряде теоретических работ по пермским языкам (ГСУЯ 1962:123, Кривошекова-Гантман 1967:119) такие конструкции не без основания рассматриваются как сложные слова. Однако, следует отметить, что формант -пи в их составе выражает не

только свое конкретно-лексическое значение "детеныш", но и содержит общую идею уменьшительности, что является достаточным основанием для начала его грамматизации. В коми-язвинском диалекте и в говоре кольских коми мы можем наблюдать дальнейшее развитие этого процесса. В говоре кольских коми -пи в функции деминутивного суффикса употребляется не только с одушевленными, но и неодушевленными существительными, например: кыдэпи "березка" - ср. кыдэ "береза"; пожэпи "сосенка" - ср. пожэ "сосна"; козпи "елочка" - ср. коз "ель" (Сахарова, Сельков 1960:141). Еще большую грамматизацию претерпело соответствующее слово пийан в коми-язвинском диалекте, где оно подверглось фонетической адаптации, получив форму -пйан: зэрпиан "дождик" - ср. зэр "дождь"; йёлпйан "молочко" - ср. йёл "молоко".

Полный путь грамматизации слова мы можем наблюдать на судьбе суффикса -буе (-бие), встречающегося в отдельных эрзя-мордовских диалектах. Формант -буе (-бие) восходит к самостоятельному слову пийо, которое встречается в виде лексического архаизма со значением "сын, мальчик". Суффикс образует от личных имен и фамилий существительные совокупного единства, принадлежности группы лиц к данному единству (Цыганкин 1979:98).

-шой: удалившись от своего первоначального значения (к-э., к-п. шой, удм. шбй "труп, падаль") служит для образования существительных уничижительного, бранного значения. Встречается в качестве суффикса только в коми-зырянском языке, причём его употребление в некоторых диалектах ограничено.

В качестве самостоятельного слова чаще всего встречается в определенных конструкциях типа: вёв шой "труп лошади", мёс шой "труп коровы", кёр шой "труп оленя" и т.д.

Постепенная утрата самостоятельного значения привела к расширению сферы деривационных связей (керкашой "избушка, домишко" - ср. керка "дом"; сапөгшой "плохонькие сапоги" - ср. сапөг "сапоги"; пасьшой "шубейка" - ср. пась "шуба"), что в свою очередь способствовало закреплению за суффиксом субъективно-оценочного значения пренебрежительности: мортшой "человечишко" - ср. морт "человек"; вёвшой "лошаденка", - ср. вёв "лошадь".

В верхневьчегодском, вьмском, нижневьчегодском и удорском диалектах суффикс имеет форму -шуй³, а в верхнесоль-

³ Гласный у в этих диалектах развился из общепермского закрытого о (*о или ъ), которому в литературном языке закономерно соответствует о. Об этом см. В.И.Лыткин 1964.

ском и лузсколетском литературному -шой соответствует форма -шён. Б.А. Серебренников (Серебренников 1963:150) считает возможным связать суффикс -шён с прилагательным, первоначальное значение которого было "скверный, неприятный" (ср. шён дук "смад, "зловонье", дук "запах"). По-видимому, оба форманта общего происхождения.

В коми-пермяцком языке в функции уничижительного суффикса выступает формант -жуг (к-з. жуг "полова, мякина", к-п. жуг "мякина, отбросы, разбитая при молотье солома", к-язв. жуг "обломки, крошки", удм. жуг-жуг "отбросы, мусор"). Процесс грамматизации аналогичен грамматизации коми-зырянского -шой: значение непригодности, ненужности, содержавшееся в лексическом значении имплицитно, развилось в грамматическое значение уничижительности (мортжуг "человечишко", керкужуг "избенка, домишко", песжуг "полешко").

Оба суффикса отличаются высокой продуктивностью.

-пу: началом эволюции самостоятельного слова пу (к-з., к-п., к-язв., удм. пу "дерево") в грамматический формант Д.В. Бубрих (Бубрих 1949:63) считает образование конструкций типа керкапу "дерево для постройки дома". В дальнейшем подобные образования стали переосмысляться и получили более общее значение "материал для чего-л.". В современном коми языке элемент -пу может образовать такие дериваты, в которых его первоначальное значение "дерево" никак не обнаруживается: гётырпу "невеста, будущая жена, кандидатка в жены" - ср. гётыр "жена"; зятьпу "кандидат в зятя".

Семантическая эволюция "дерево" → "материал для чего-л." → "кандидат в кого-л." вполне объяснима.

Интересно, что в ижемском диалекте и в говоре кольских коми суффиксу -пу соответствует суффикс -л'эс, возникший из русского заимствования лес:⁴ куранл'эс "материал для граб-

⁴ Возможно также формант -л'эс имеет отношение к самостоятельному слову л'эс "набор разных вещей, предметов", бытующему в ижемском диалекте. В таком случае первоначально конструкции с -л'эс должны были обозначать "разные вещи для чего-л.", например: пад'л'эс "разные предметы для саней, заготовки для саней" - ср. пад' "сани"), а затем получили более общее значение "материал для чего-л., то, что годно для чего-л.". Но поскольку в других родственных языках и диалектах никаких соответствий к л'эс не обнаружено, можно предположить, что само это значение ("набор чего-л.") развилось на базе русского заимствования.

лей", бригадир'эс "кандидат в бригадиры". Очевидно, этот формант прошел тот же путь развития, что и литературный -пу, с той лишь разницей, что эволюция его проходила быстрее. Возможно катализатором при этом послужила аналогия к конструкциям на -пу.

Оба форманта вступают в деривационные отношения только с основами существительных, но весьма продуктивны.

-туй: суффикс -туй является специфическим словообразовательным формантом коми-зырянского языка, развившимся из самостоятельного слова туй < общеп. *tɔj "дорога, путь".

В образовании деривационных моделей -туй подобен суффиксу -лун; его основная функция - образование абстрактных существительных от именных основ. Оба суффикса находятся примерно на одной ступени грамматизации и часто - особенно в сочетании с основами прилагательных - вполне взаимозаменяемы: ср. дыштлун = дыштуй "леность", мичлун = мичатуй "красота", варовлун = варовтуй "проворство, разговорчивость" и др. Однако стремление языка к экономии средств ограничило потенциальную продуктивность -туй в пользу конкурирующего -лун. В словаре современного коми языка (КРС 1961) нами обнаружено только 5 производных с суффиксом -туй, что примерно в 20 раз меньше количества дериватов с -лун.

Семантическое опустошение -туй зашло настолько далеко, что очень трудно восстановить начальные этапы грамматизации. Первоначально элемент вступал в словообразовательные отношения только с основами существительных, образуя достаточно прочные единства со значением "след чего-л., дорога кого-л.", как в: аньтуй "навык, умение в женских работах" - ср. ань "женщина"; морттуй "мастерство, умение" - ср. морт "человек", киподтуй "мастерство, почерк" - ср. кипод "рука"; коктуй "след" - ср. кок "нога"; пиньтуй "огрызок" - ср. пинь "зуб". В таких ситуациях -туй постепенно формировался как грамматический формант, распространив деривационные связи и на сферу прилагательных, в сочетании с которыми он полностью утратил свое лексическое значение.

-пом, (-пон): Бубрих (Бубрих 1949:62) считает, что вначале -пом было самостоятельным словом и употреблялось в сочетаниях типа сись пом "конец свечи", но получило новое значение вроде "остаток свечи". В дальнейшем значение "конец чего-л." утратилось. Однако он ничего не говорит о формировании значений суффикса. Видеман считает, что суффикс -пом обозначает

"etwas wohin Gehöriges, damit Zusammenhängendes, daraus Hervorgehendes" (Wiedemann 1884:72).

Из имеющихся у нас немногих примеров (скр. рöдпöн "дальний родственник", туйпöн "след, путь") трудно определить какую-либо общую функцию суффикса, тем более восстановить первоначальные стадии грамматизации.

Нам представляется возможным связать суффикс -пöм (-пöн) не с общекöми словом пöм "конец", а лишь с одним из его диалектных значений, именно: "вещь, предмет" (ив., вым. пöм "вещь, предмет", туйтöм пöм "негодная вещь", скр. казьтллан пöм "вещь на память", к-язв. пöн "предмет, вещество, объект" - ср. удм. пум "причина"). В пользу такого предположения говорит тот факт, что употребление -пöм в функции суффикса ограничено диалектной сферой. Между тем такой подход позволяет легко объяснить бытование в диалектах таких слов как с'екьппöн "трудность, тяжесть" - ср. с'екьд "трудный, трудно", где -пöн выступает в функции, синонимичной функциям литературных суффиксов -лун, -туй, а также суффикса -тор в его обобщенно-абстрактном значении.

-удов: генетически, очевидно, связан с заимствованным русским словом удов. В качестве словообразовательного суффикса имеет значение собирательности. В какой-то степени может выполнять функции суффикса множественного числа -яс; ср. зонудов = зоньяс "парни", мужикудов = мужикьяс "мужики, мужчины", челядбудов = челядь "дети". Однако совпадение нерегулярное. Слова с -удов отличаются ярко выраженной экспрессивной окраской и довольно часто употребляются в просторечии. В книжной речи они почти не встречаются, хотя в нормативных словарях зафиксировано несколько таких образований.

Сдвиг в значении от семантического (рус. грудa, куча рыбы) к грамматическому (собирательность) вполне объясним.

Суффикс -удов - принадлежность исключительно коми-зырянского языка.

-кодь: в присыктывкарском диалекте коми языка послелог кодь "как, вроде наподобие" может подвергаться грамматизации, приобретая значение собирательности, например: вöлöс' - ткод'лы н'ин сийö уджйöза "он уже всему селу должен", а также уничижительности; кöн бара пинджаккод'öй мөнaм? "где же мой пиджачишко?" (Жилина, Бараксанов 1971:89).

Обе функции, очевидно, развились из первоначального значения приблизительности.

Элемент -кодъ может быть отнесен к разряду суффиксов весьма условно, поскольку он употребляется ситуативно, в контексте и не образует устойчивых лексем. Неслучайно -кодъ как словообразовательный суффикс существительных не зарегистрирован ни в одном из словарей коми языка.

Рассмотренные нами суффиксальные элементы находятся на разных стадиях грамматизации. Так, абстрагирующие суффиксы -дун, -туй, а также деминутивные -тор, -шой, несомненно, являются наиболее оформившимися суффиксами, тогда как -ин, -пи, -пом находятся лишь на начальной стадии грамматизации и очень часто выступают скорее как компоненты сложных слов, нежели как суффиксы. Но общим для всех них является то, что они сохраняют в той или иной мере свое первоначальное лексическое значение, чему способствует тот факт, что в языковой системе они продолжают функционировать в качестве самостоятельных слов.

Л и т е р а т у р а и п р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

Б у б р и х Д.В. 1949, Грамматика современного литературного коми языка. Ленинград.

ГСУЯ 1962 - Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск.

Ж и л и н а Т.И., Б а р а к с а н о в Г.Г. 1971, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. Москва.

К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н А.С. 1967, О грамматизации самостоятельных слов, сб. Вопросы финно-угорского языкознания, Ижевск.

КРС 1961 - Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова, Коми-русский словарь, Москва.

КЭСК 1970 - В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва.

Л ы т к и н Г.С. 1889, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, С.-Пб.

Л ы т к и н В.И. 1961, Коми-язвинский диалект, Москва.

Л ы т к и н В.И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.

М а й т и н с к а я К.Е. 1965, Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках, сб. Морфологическая типология и проблема классификации языков, Москва-Ленинград.

- ОФУЯ 1975 - Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки), Москва.
- ОФУЯ 1976 - Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки), Москва.
- Сахарова М.А., Сельков Н.Н. 1960, Некоторые особенности говора кольских коми, Историко-филологический сборник, вып. 6, Сыктывкар.
- Серебrenников Б.А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Серебrenников Б.А. 1965, Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка, сб. Морфологическая типология и проблема классификации языков, Москва-Ленинград.
- Цыганкин Д.В. 1976, Суффиксальное словообразование имен существительных в диалектах эрзянского языка. - *Fenno-ugristica*, 3, Тарту.
- Lazar O. 1975, *The Formation of Abstract Nouns in Uralic Languages*, Uppsala.
- Lwb 1938 - Kettunen L., *Livisches wörterbuch mit grammatischer einleitung*, Helsinki.
- Wiedemann F. J. 1880, *Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakische-deutschen im Anhang und einem deutschen Register*, St.-Pb.
- Wiedemann F. J. 1884, *Grammatik der Syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und Wotjakischen*, St.-Pb.

Сокращения языков
и диалектов

внм. - вьмский диалект коми-зырянского языка; к-з. - коми-зырянский язык; к-п. - коми-пермяцкий язык; к-язв. - коми-язьвинский диалект; лив. - ливский язык; морд.э. - эрзя-мордовский язык; морд.м. - мокша-мордовский язык; нв. - ниже-вычегодский диалект; печ. - печорский диалект; прс. - при-сыктывкарский диалект; рус. - русский язык; саам. - саамский язык; удм. - удмуртский язык; фин. - финский язык; эст. - эстонский язык.

G. Fedjunjova
(Syktywkar)

ÜBER SEKUNDÄRE SUBSTANTIVSUFFIXE IN DER KOMI-SPRACHE

Z u s a m m e n f a s s u n g

In den permischen Sprachen gibt es ungefähr 10 sekundäre Substantivsuffixe, die aus selbständigen Wörtern durch Agglutination entstanden sind. Der Prozeß der Grammatikalisierung ist sehr ungleichartig, aber in den meisten Fällen betrifft er nur die Semantik; sekundäre Elemente erleiden phonetisch und morphologisch fast keine Veränderungen. Gegenwärtige sekundäre Suffixe stehen auf verschiedenen Stufen der Grammatikalisierung; sie sind sehr verschiedenartig in bezug auf die Produktivität, Häufigkeit, stilistische Wertung usw.

In diesem Artikel betrachtet man die Suffixe -ДУН (urspr. "Tag"), -ИН (urspr. "Platz"), -ТОП (urspr. "Stück"), -ПИ (urspr. "Sohn"), -ПОЙ (urspr. "Leihe"), -ПУ (urspr. "Baum"), -ТУЙ (urspr. "Weg"), -ПОМ (urspr. "Ende, Sache, Ding"), -КОДЬ (urspr. "wie"), die im Komi-Syrjänischen breite Verwendung finden. Jedes Ableitungssuffix wird synchronisch beschrieben.

A. K ü n n a p
(Tartu)

KAMASSISCHE PARTIZIP- UND GERUNDIUMFORMEN AUF

- β i, - m ũ, - b ũ

Dieses Kennzeichen des Partizips und des Gerundiums (s. bes. Donner-Joki 1944 : 176, 179) hat viele Varianten: (Klaproth, Adellung) -be, (Castrén) -βi, -bi, (Donner) -βi, -βi, -m, -bi, -bI, -bē usw., (Künnap) -bE-.

Das Zeichen steht am absoluten Ende der Verbform oder ihm folgt die Lativ-Lokativendung der possessiven Deklination mit dem entsprechenden Possessivsuffix.

Die Sondervarianten des Zeichens sind rein phonetischer Herkunft. Dem Kamassischen ist nämlich der Wechsel β ~ m ~ b eigen (s. Donner 1920 : 17-18; Künnap 1971 : 67-68, 156-157, 198).

Den einzigen ältesten Beleg (Klaproth, Adellung) kubé toť muß man wohl als Partizip des Präteritums (Aktiv) deuten. Nach M. A. Castrén bildet das betrachtete Kennzeichen das Gerundium des Präteritums (od. das II. Gerundium) und das Partizip des Präteritums (Aktiv), manchmal auch das Partizip des Passivs. In K. Donners Material bildet das betrachtete Kennzeichen das Gerundium, das stets in der Lativ-Lokativform der possessiven Deklination steht und eine mit der Handlung des Hauptverbs gleichzeitig verlaufende Handlung ausdrückt. Ferner bildet dieses Kennzeichen in K. Donners Material auch das selten vorkommende Partizip des Präteritums.

T. Lehtisalo behandelte nur die Variante (Klaproth, Adellung) -be des Zeichens, indem er annahm, daß es von dem auf *p anlautenden Suffix der deverbalen Nomina des Uralischen abstammt (1936 : 257-261).

FORMENVERZEICHNIS

Die Reihenfolge der Buchstaben in den Stichwörtern ist folgende: a ā ä b c d e ė g i i̇ k k̄ m n o ö p r s š t^c t̄ t' u.

¹ de būšəm a m b ĩ n a n d'ōrlal 'w e n n du diesen Alten i s s t, wirst du weinen' 86 (Lat.-Lok. mit Px2Sg=Ger.), vgl. amfām, amnam 'essen' 5a.

² amnoβi ("Ger." von amñōla.m 'сажусь'); man a m n o β i n i t'axše 'если я сажусь, ладно (будет)', amnoβinan, amnoβinde, amnoβiniβei, -nilei, -ndei, amnoβiniβa², -nila und -nden SM 103 (Lat.-Lok. mit Px1Sg, Px2Sg usw. = Ger.); t'uaamnoβind² keg²rārije 'als er ankommt, ruft' 96 [A.J. Joki: "Eig.: 'a l s e r ankommend s a β'" 115] < *t'ua-la²) a m n o β i n d² (Lat.-Lok. mit Px3Sg = Ger.), vgl. am²l'am 'sich setzen' 5a.

³ ārdaderbi ("Prät." von ārdaderl'im 'испорчу') SM 177; "Prät. Pass." ārdaderō.βi SM 177; a r d a d e r o β i-kusa 'и с п о р ч е н н ы й человек' SM 177, vgl. ārdādērōl'am 'verderben (intrans.), faulen, verfaulen' 6a. Vgl. auch ma² ā r d ā d r o β i 'das Haus i s t v e r d o r b e n' 6a; ferner ardaderōβiam 'я испорченный', -rōβial, -rōβi, -rōβiβei, -rōβilei, -rōβiege², ardarōβiβa², -rōβila, -rōβije ("Prät.") SM 177.

⁴ e β i nu ("Ger." von em nu² 'не стою'), e β i tol'era² ("Ger." von em tol'era² 'я не украду') SM 183.

⁵ ibōβi ("Ger." von ibōzit ['liegen']) SM 114; ḫ²b²ō β i n d² kōška²ada βopt² 'w e n n e s l i e g t, niedriger als die Katze' 85 (Lat.-Lok. mit Px3Sg = Ger.), vgl.

i²b²m 'liegen' 21a.

- ⁶βi ("Ger." von igäm 'jag är') CM 180; IbIfé 'während ich bin od. war' und ibind^o 'während er (sie) ist od. war' (Ger. von igēm 'sein'; vgl. auch Igem id. 22a) 162 (Lat-Lok. mit Px1Sg und Px3Sg); d²TI I z b i f i e, p^cārbIfé i¹TIim š i²ñIfé 'w e n n i c h leben b l e i b e, bei meiner Rückkehr werde ich auch nehmen' 92, būfē kusa i b i n d e būfēm mōli 'w e n n e s eine Mannsperson i s t, wird er mein Alter', nē kusa i b i n d e hēle^m mō^ui 'w e n n e s eine Weibsperson i s t, wird sie meine Kameradin' 96, ko²bdo i b i n d^o nēn old'a ku-^u l^ui 'w e n n e s ein Mädchen i s t, schaut sie auf die Frauenkleider', ñI i b i n d^o Iñen old'a ñulucⁱ 'w e n n e s ein Bursche i s t, betrachtet er die Pferdegeschirre' 98.

- ⁷i β i n bilä ("Ger. & /enitiv?") von ilim 'возьму') CM 273 (möglicherweise Lat.-Lok. mit Px1Sg i β i n i bilä 'е с л и я в о з ь м у, плохо (будет)', vgl. ²).

- ⁸iāk^cšān m u ñ u b i pā 'gut gekrümmter Baum, das Holz beugte sich gut' (Part.), vgl. m- ñu²i²om 'biegen, krümmen' 42b.

- ⁹kadaropi ("Part.Pass." von kadarl'am 'караул') CM 137.

- ¹⁰kambi ("Ger." von kallam 'уяду') CM 127.

- ¹¹kārbi ("Ger." von kārl'im 'отворю') CM 141; "Part.Pass." ka- ro-βi CM 141, vgl. k^cārōl'am 'sich öffnen' 27a.

- ¹²kojopi ("Ger." von kojolam 'останусь') CM 195; Part. kojōpi CM 195, vgl. kojōl'am 'bleiben, nachbleiben, zurückbleiben, übrigbleiben' 31a.

- ¹³kubé 'tot' (von Klaproth und Adelung, s. Donner 1932 : 47; Lehtisalo 1936 : 258).

14 k u b i n d ə n bust'ērle'anna 'wie sie hinein
 s e h e n, sitzt er lachend' 99, k u b i n d ə n bōz're
İns'bi ā.ā'p İōn-anna 'a l s s i e s e h e n, kommt
 ein Hōld auf einem braunen Pferde' 92, k u b i n d ə n:
dəyā s'İyend' nu' dāle'b', u'mle' İōbi'ia' 'a l s s i e
 s a h e n: ein Messer sie in ihr Herz sticht, laufend ka-
 men sie' 96; (Lat.-Lok. mit Px3Pl = Ger.). k u b i n d e
uār t'ali'dedele 'a l s e r das Schaf zerrissen
 s a h' 95 (Lat.-Lok. mit Px3Sg = Ger.). Vgl. kul'am, ku-
l'om, kul'im 'sehen, wählwn, prüfen, betrachten, wahrneh-
 men, beobachten, merken; finden, kriegen' 34a.

15 kudō.βi ("Part.Pass." von kutl'im 'уОЮ') CM 168.

16 mandōβi ("Ger." von mandōl'am 'МОТРО'), "Part.Pass." man-
donō.βi CM 117.

17 moβi ("Ger." von molam 'буду, стану') CM 181.

18 nerēβi ("Ger." von nerel'ā ['erschrecken']) CM 107. nerēβifi
 'bei meinem Erschrecken, während ich erschreckt
 werde od. wurde, nerēbinan 'bei deinem Erschrecken,
 während du erschreckt wirst od. wurdest' und
nerēbind', nerēbind' 'bei seinem (ihrem) Erschräcken, wäh-
 rend er (sie) erschreckt wird od. wurde' (Ger. von nerē-
l'iem, nerēl'om, nerēl'əm 'erschreckt werden') 146-147, d'İ
n ĩ r ĩ b i n d' bospost'be t'aj'arl'de 'b e i d e m
 E r s c h r e c k e n schneidet sie sich selbst' 95;
 (Lat.-Lok. mit Px).

19 nuβi ("Ger." von nugam 'ich stehe' CG 562), "Part.Pass." nu-
nōβi CM 113.

20 paβi ("Ger." von pal'im 'делаю, доспею'), "Part.Pass." pa-
noβi CM 119.

21 parβi ("Ger." von parlam 'ворочусь') CM 126; "Part.Pass."

- ṣārləpī CM 126, vgl. ṣārləl'ām 'sich wenden, sich umkehren' 51a; d'ilt Ibīne, ṣā r b I f e Itlim Ṣī'āfla 'wenn ich leben bleibe, bei meiner Rückkehr werde ich euch nehmen' 92 (Lat.-Lok. mit Px1Sg), vgl. ṣārl'ām 'zurückkehren, -gehen, sich wenden' 51a.
- 22^c pārgabīfī "usw." 155 (Lat.-Lok. mit Px1Sg "usw." = Ger.) vgl. ṣārgəl'iam 'schnitzen' 154.
- 23 ṣā m ə n d ə urā ṣ'nd urā ṣ' ṣābi 'als er zu Urāṣ' kletterte [?], Urāṣ' kletterte' 93 [A. J. Joki: "... vielleicht irgendein Irrtum in der Aufzeichnung" 111 pro eigtl. 'Kletternd Urāṣ' kletterte'] (Lat.-Lok. mit Px3Sg = Ger.), vgl. ṣāl'ām 'emporklettern, klettern; kopulieren ...' 61a.
- 24 ṣārbīnən 'während sie spiel(t)en, bei ihrem Spielen' (Lat.-Lok. mit Px3Pl =) Ger. von ṣārl'ām 'spielen' 151.
- 25 ṣālpī 'nicht ganz voll, gefüllt, voll' (Part.), ṣ. bəra 'gefüllter, voller Sack'; vgl. ṣāid'om 'schließen, beenden' 63b, 179.
- 26^c t'e'ṣi ṣā 'vermoderter Baum' (Part.), vgl. t'e'ṣim 'vermodern, faulen, verfaulen, verwesen' 70a.
- 27^c t'upī ("Ger." von t'ulam 'оживу'), "Part.Pass." t'unō·ṣi CM 105.
- 28 ei t'ū ṣ b ṣ' 'не о о л ъ н а я', vgl. t'ussittē 'СОЛИТЕ; KH.
- 29 t'ipī ("Prät." von t'itlim 'ст/р/елю') CM 177; "Prät.Pass." t'idəpī CM 177, vgl. d'ṣidōne īne 'erschossenes Pferd' 15b-16a, 178.
- 30 u'Ḃtubīndə īnəgədē ṣurṣə 'wenn es aufsteht, höher als das Pferd' 85 (Lat.-Lok. mit Px3Sg = Ger.), vgl. u'Ḃtul'ām 'aufsteigen, kommen; lassen, loslassen' 79a.

Abkürzungen

Seitenzahl = K. Donners Aufzeichnungen (Donner-Joki 1944).
Abkürzung + Seitenzahl = M. A. Castrén's Aufzeichnungen:
CM - Castrén 1847; CW - Castrén 1855.
KH - A. Kännaps Aufzeichnungen (Handschriften).

Literatur

- C a s t r é n, M. A. 1847, Manuscripta Castreniana. Vol. XIX. Samoiedica 13. Kamass-Samoiedica (Handschrift in der Bibliothek der Universitäts Helsinki).
--- 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
D o n n e r, K. 1920, Über die anlautenden labialen spiranten und verschlusslaute im samojedischen und uralischen, Helsingfors (MSFOu XLIX).
--- 1932, Samojedische Wörterverzeichnisse, Helsinki (MSFOu XLIX).
D o n n e r, K. - J o k i, A. J. 1944, Kamassisches Wörterbuch, Helsinki.
K ä n n a p, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
L e h t i s a l o, T. 1936, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).

А. К ю н н а п
(Тарту)

КАМАСИНСКИЕ ПРИЧАСТНЫЕ И ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ

НА -βi, -mÿ, -bÿ

Резюме

У показателя причастий и деепричастий -βi, -mÿ, -bÿ много фонетических вариантов. Рассматриваемое причастие и деепричастие выражает по М. А. Кастрену действие прошедшего времени. По данным К. Доннера деепричастные формы выражают способ протекания действия главного глагола, а причастные формы - совершившееся действие.

В статье приводится перечень камасинских причастных и деепричастных форм на -βi, -mÿ, -bÿ.

ELATIIV KARJALA DJORŠA MURRAKUS

Alljärgnevas käsitletakse elatiivi tähendusfunktsioone karjala keele Djorša murrakus. Mõningal määral võrreldakse neid karjala lähimate sugulaskeelte soome ja vepsa elatiivi kasutamisuutudega.

Elatiivi lõpp on murrakus -št või i järel -št, mis teatavasti on lähtunud varasemast kujust -sta või -stā.

1. Elatiiv väljendab kohta, mille tšelistest või kujutletud sisepiiridest teo tegija või objekt lahku (Penttilä 1957: 390).

Järgnevalt esitatakse näitematerjal rühmiti selle järgi, mida vastavad elatiivis olevad sõnad väljendavad. Need võivad tähistada:

a) paikkonda kohanimedes: moskušt ol tuad vakat 'Moskvas oli toodud advokaat', hüä ašuttijh ogorelvašt 'Nad tulid Pogorelojast';

b) teatavat piirkonda: emu uidinnun fikuh omašt küläšt 'Me ei läinud kuhugi oma külast', mišt ajettijh pois küläšt 'Meid aeti külast ära';

c) eri pinnavormi: tua omašt tüfär mečäšt 'Too oma tütar metsast', ukon võmmel ottaw veš jovešt 'Vikerkaar võtab jõest vett', tul' peļmošt 'Ta tuli põllult';

d) teatavat piiritletud ala: ubrittijh ogordašt kaik šab ukked ak 'Taat ja eit koristasid juurviljaaiast kõik viimani'; juan täšt hawdžešt 'Joon sellest augukesest', avannošt šuahuštlihä kičči 'Jääaugust püüdsime saada kivikesi', toin bruvvušt veš 'Tõin loigust vett', hän joi bornan kabizen jälješt 'Ta jõi oina sõrakese jäljest', otettijh kaumašt 'Võeti hauast';

e) ehitust, selle osa: vijittijh kodežešt 'Tulid majakesest välja', ukot mändih koišt 'Taadid läksid kodust', šaw mänöw peřtišt 'Suits läheb tarest', čil' vidiw karžešt 'Siil tuleb keldrist välja', šizmaš ottah rištü kiw-

gušt 'Pannihargiga võetakse panni ahjust', poigana pečurkašt i šanow 'Pojake ahjuaugust ütlebki';

f) asutust: hiän tül' bol'ničašt 'Ta tuli haiglast', tül' p'enušt 'Tuli vangist';

g) tarbeeset, tööriista: i miä kočin tel'gäšt 'Ja mina hüppan vankrist', a ič kočaht pois reješt 'Aga ise hüppas reest', visipl' zuhkrit värčišt 'Puistas kuivikud kotist välja', hiän i Maŋgei grobuš 'Ta kukkuski kirstust välja', vial' ei nowžekšenne muu poštlišt 'Veel ei tõusnud voodist', ühešt malläšt šüwväh 'Nad on ühes leivas (= söövad ühest kausist)';

h) kehaosa: nokašt mänöw vef 'Ninast tuleb veri', mozgut vijittih piäšt 'Ajud tulid peast välja', vef vihtiw korvašt 'Vesi tuleb kõrvast välja', omašt nänništ čirkaidih maidu 'Oma tissist tilgutasiid piima';

i) koosviibimist või rühma, kust lahkutakse: tül' hiäšt, kivišt piä 'Tuli pulmast, pea valutab', tulin iŋkezrošt 'Tulime istjatelt', hüä tudih gošt'ist kodih 'Nad tulid küllast koju', tap' ühen hiän parteišt 'Tappis ühe nende hulgast';

j) peret või isikut, kelle juurest lahkutakse: pois uijin diadošt ed buabošt 'Tulin ära taadi ja eide juurest', härg jo uidiw báb, jagašt 'Härg juba lahkus Baba-jagaa juurest', uidičku pois miwšt 'Minge minu juurest ära', lähtitih hüppümäh tützešt pois 'Hakkasid ära jooksma tüdrukukese juurest', naiŋ šanow, kešt hiän vei, pakkoi prošeŋu 'Naine ütleb, kelle juurest ta varastas, palus andestust', tütäf uid' muamoštah 'Tütar lahkus oma ema juurest'.

Enamasti võetakse neil juhtudel kasutada ka hilistekkinud kääned (sõnesteivi): tütäf uid' muamošduh 'Tütar lahkus ema juurest'. Keelejuhtide arvates on aga skladneje, s. o. ladusan, silski elatiiv.

k) ainet, materjali, millest midagi valmistatakse: pi-däw keitti pudru pijost 'Peab pudru keetma piimast', rugi-zešt jawhošt na šašt pirošku 'Rukkijahust küpsetame pirukat', täšt ijušt šašt keitäh 'Sellest linnasest keedetakse õlut', lihašt keitetti ročku 'Lihast keedeti suppi', ruavaŋ šarik-zi leiväšt 'Teeme leivast pallikesi', täšt tahakšešt voit paistu kaikki šu 'Sellest taigast võid kõike küpsetada', läkkimüä ruavaŋ tüčen tumešt 'Lähme teeme tüdrukukese lumest', raijašt pletittih muapoš'loi 'Pajukoorest punuti viis-

ke', hõltsast omblia rācnõi 'Linasest riidest õmblesime nais-
tesärke', a nahkast viäl' liännäh vijet suapput 'Aga nahast
saavad veel viied saapad', vanhaast lanhāst koivu ed rua (va-
nasõna) 'Vanast lepast kaske ei tee', halloast ruaduiččow hīl',
a hīleest tuhk 'Halust saab süsi, aga sõbest tuhk', vuūst rua-
tah kruwgan 'Võõst teevad ringi';

1) elatiiv väljendab kohta, kust tegevus algab. Sageli
esineb elatiiviga koos illatiiv, mis osutab, kuhu välja jõu-
takse. Näit. kolmest koh viitettih, mõlemist piälõist i
keššeld küli 'Kolmest kohast süütasid, mõlemast otsast ja kü-
la keskest', nel' virštu külāst 'Neli versta külast', lišai
lehmāst tartuw kāšlõih 'Sammaspool nakkab lehmast kätesse',
rubei kāvelmāh šijašt šijah 'Hakkas kõndima kohast kohta',
tawtettih hīrūn i nieglan prodiñtah korvašt korvah 'Püüdsid
hiirekese ja nõelaga pistavad (niidi) kõrvast kõrva'.

Elatiiv ja illatiiv võivad tähistada ka vahemaad kahe
koha vahel. Sel juhul võidakse illatiivile lisada postposit-
sioon suaten ~ šutten ~ šuten ~ šut ~ šua 'saadik'. Viimane
võib esineda mõlema käändega samaaegseltki. Näit. pua'loist
virštu galhvast botnah šua 'Poolteist versta Galahhovast Bo-
tinasse', pogrelvast šutten moskuh šutten šād kaheksanküm-
mend virštu 'Pogorelojest Moskvani on 180 versta';

m) muid kohti: ow šašvat žēšt puaļēšt 'Uks on aletud väl-
jastpoolt', aštuv tūt žēšt piāšt 'Tuleb tüdruk teisest ot-
sast', mišt otit, šin i viā 'Kust võtsid, sinna ka vii', vo-
rat mištliū ajettih 'Kuskilt sõitsid vargad', kevil' mēnōw koiv-
yušt mahл 'Kevadel tuleb kasest mahl'.

Samas sisekoha tähenduses esineb elatiiv ka teistes läh-
nemeresoome keeltes. Vrd. näit. sm Miehet palasivat metsās-
tä (Setälä 1926: 57) 'Mehed tulid metsast tagasi'. Poika läh-
ti huoneesta (ss.) 'Poiss lahkus toast'. Mies palasi vierais-
ta (Setälä 1926: 58) 'Mees tuli külast tagasi'. Kaivoista
loppui vesi (Penttilä 1957: 390) 'Kaevudest lõppes vesi'. Me-
rimiehiä karkasi laivasta (ss.) 'Meremehi põgenes laevast'.
Palaan lääkäristä (ss.) 'Tulen arsti juurest tagasi'. - Vps
tulen kodišpäi (Зайцева-Муллерен 1972: 727) 'Tulen kodust',
tudob matvejaspä (Kettunen 1943: 281) 'Tuleb Matvei juurest',
pätsispei läm astub perthe (Kettunen 1943: 280) 'Ahjust soo-
jus tuleb tarre', vädrä prolubaspä veden amūdaba (ss.) 'Ämb-
riga ammutavad jääaugust vett', sok astup koivuspä (ss.) 'Mahl

tuleb kasest', tämäh sumagi, Yakkikryyvä maitjärke mset
suah mäh (m.t. 281) 'Tüna on väne ilm, Guah läks taas Vakk-
järvest Maitjerve'.

2. Elatiiviga väljendatakse ühenduse katkemist: poolest
kistah parki 'Pajast kistakse parkiniskoort', kääk etta keem
õidind viakist katokist 'Käkie võtta kolm sidet vööras-
test katustest', ottih suost katokist 'Vötsine oma katu-
eest', ottah rodu iknast i täl' reval' voitah täitard 'Vötavad
aknalt higi ja selle higiga määrivad sammaspoolt', täitru
käästist reval' voijettih 'Sammaspoolt määriti kätpeasa-
nüst mastusega', nekkah nimittih täst jalast i nekkast
viikah 'Nad vötsid sellest jalast naha naha ja nahast kar-
va', röö köökt hävist 'Rebane hüppas seljast', öömäh suah
jalast 'Nöürtakvli viskame jalast', i suamoh sorviö kää-
list nardand i Ja,gei havidah 'Ja oma kiakus end inimeste
kättest lahti ja kukkus hauda', a suurem kiäst käsin otory
'Aga noorem rebis randnest kää ära', dafin roski karto-
koist 'Kiskusin kartuleist idusid', siä naber viik arost
pratjat, röömäh, fatan ...' Siis kahmie veel varandusast
kleidid, särgi, rätiku...', i madumäio rasu snimi iknast
'Ja etsustas rasu akna eest ära võtta', leiktah viöcoi na-
jikast 'Lõikavad vitsu pajupedrikust', suam poolest efis
eikw 'Ema elab pojast eraldi'.

Sellesamas tähenduses kasutatakse elatiivi ka soome ja
vepsa keeles. Nait. sm Lakki putosi pojan pääst (Setälä
1926: 60) 'Nite kukkus poisil peast'. - Vps su i huilä nahk
lähtäm (Kettunen 1943: 262) 'Suust ja huultelt nahk läi-
mäh'.

3. Helmisele lähedane on elatiiv, mie väljendab isikut,
olemist või eest, kellest või millest midagi jääb, kallelt
midagi saadakse. Nait. miw jändih tuatost heboi i lehm' Mul-
le jäid isast hobune ja lehm', survenhast lehmist puväioöäh
hijäh maidu 'Mönedelt lehmadelt saame palju piima', jähiet
jändih ruastost 'Arnid jäid haavadest', viinast fi mid ei
jäänin. 'Söjast si jändud mitte midagi'.

Samatähenduslikku elatiivi esineb vepsa keeles, kas
seda kõhklevalt on peetud vene sõjuka (Kettunen 1943: 284).
Nait. jäi heille leibat tataspä da manaspä ahi vähähie (ss.)
'Jäi neile leiba isalt ja emalt väga vähe'. Soome keeles ka-
sutatakse sel puhul ablatiivi (ss.).

Kuid postpositsioon võib sel juhul esineda mõlema käändega: roostust sütt'en muajuh šu 'Jõulust maini'.

Ajateljivi esineb ka soome ja vepsa keeles, näit. sm Juhannuksesta päivät taas rupeavat lyhenemään (Penttilä 1957: 398) 'Jaanipäevast hakkavad päevad jälle lühenema'. - Vps mä golu pihes oleiñ pafzištõs (Kettunen 1943: 292) 'Ma olin päris väiksest peale palgimetsades'.

7. Elatiiv väljendab põhjust. Näit. česotk ruaduiččow revust 'Sügeline tekib mustusest (= porist)', iänd eij.ollun vilust veješt 'Häält ei olnud külmast veest', kuałow höijüšt 'Sureb solkmest', vilust ollah paišet 'Külmast on paised', ak ruadostišt zapoič virt 'Eit hakkas rõõmust laulu laulma', mi it'en gofašt 'Ma nutan murest', huwñet halgillah tuwlešt 'Haled lõhkevad tuulest', häjvššt iñehmiñ kuałow 'Vingust inime sureb', šivut proštitaš široišt mašt 'Ristluud külmetavad niiskest maast', tām kodin uvveštah päl utugašt 'See majake põles uuesti triikrauast', šuvdñukšešt daps itkõw 'Kaetamise pärast laps nutab'.

Põhjust väljendab elatiiv ka koos postpositsiooniga šüin 'pärast, eest'. Näit. tuat andaw deñgoišt šüin tütešt täl vanhañ urhoñ 'Isa annab raha pärast tütart sellele vanale mehele', tām urhošt šüin on hñlüt 'See sõeke on mehe pärast', paimendmizešt šüin (~paimendmu) 'Karjatamise eest'.

Samatähenduslikku elatiivi esineb soome ja vepsa keeles: sm Mies kuoli myrkvštä (Setälä 1926: 61) 'Mees suri mürgist', Eivät asiat huutamisesta parane (Penttilä 1957: 394) 'Ei asjad karjumisest parane'. - Vps järv läikišese ahavošpä (Kettunen 1943: 288) 'Järv lainetab tuulest', hambhat kibištah viluspei (ss.) 'Hambad valutavad külmast'.

8. Eraldi võiks mainida juhtumit, mil elatiiv märgib kõnealust objekti, nagu näit. šuarin vañuškašt 'Muinasjutt Venjuškast', paištih omašt elännäšt 'Kõnelesid oma elust'. - Vrd. sm Oletteko kuulleet asiasta? (Penttilä 1957: 295) 'Kas olete asjast kuulnud?'

9. Elatiiv väljendab teed, avast, mille kaudu mingi tegevus toimub. Näit. rēb tunģič ravošt tanhuh 'Rebane tungis praost karjalauta', a naiñ kačaht iknašt 'Aga naine vaatas aknast', kukkoñ ojend piähün iknašt 'Kukeke sirutas peakese aknast', ovešt mäñet peñvih 'Uksest lähed tarre', poigañ

kaččow korrnist 'Pojake vaatab taskust'.

Liikumise teed tähistab elatiiv veel järguiste pre- ja postpositsioonidega: läb 'läbi', poik 'põiki üle', piälic 'pealt üle', širic 'mööda'. Näit. l'üps'täh, štob maid määls läb lowkzešt 'l'üpsavad, et piim läheks augukesest läbi', uwtta hähnen šiaqlašt läb 'Kurnatakse ta läbi sõela', ajal- lah mašnat jovešt poik 'Sõidavad masinad üle jõe', aštuim poik jovešt 'Tulime üle jõe', važ kočah piälic aijašt 'Va- sikas hüppas üle aia', Luaksittih šelläšt piälic kiwgu 'Vi- sati üle selja ahjule (piimahammas)', hüppuw rëb širic täšt tützešt 'Jookseb rebane sellest tüdrukukesest mööda', aštuw tām naiñ kodih matugnašt širic 'Tuleb see naine koju Matju- ginast mööda'.

Samas tähenduses esineb elatiiv soome ja vepsa keeles. Näit. sm Juoksin ovesta ulos, mutta ikkunasta tulin jälleen sisään (Setälä 1926: 62) 'Jooksin uksest välja, aga aknast tulin jälle sisse', Mennä joesta poikki (Penttilä 1957: 396) 'Minna üle jõe'. - Vps savu lähtop trubaspä (Kettunen 1943: 285) 'Suits läheb korstnast'.

10. Elatiiv võib väljendada olukorda, seisundit, saged- li mitmesuguseid haigusi. Näit. piäšt miwn šuwrešt hädäšt 'Päästis mind suurest hädast', i täl' ka i juatetah gr'išist 'Ja sellega joodetaksegi songa puhul', kuivattu čerjohmu juatettih ponossušt 'Kuivatatud toomingamarju joodeti kõhu- lahtisuse korral', pidäw män hän i'tetiäšt kukolnuh 'Peab mi- nema "õõitketaja" (teat. lastehaigus, mida uskumuse järgi põhjustab olend, kes last õõsel nutma ajab) korral kuke juur- de', äijäld on hüw prostudašt 'On väga hea külmetuse kor- ral', ak maht vorži mal'reišt 'Eit oskas nõiduda malaariast', ak kuatlow ae'lhuksešt 'Eit proovib pistetest', šuwduksešt šualah puhuttih 'Kaetamise korral puhuti soola', rügizäšt po'ltah suahru čuajuh i juwvah 'Kõha korral kõrvetatakse suhk- rut teesse ja juuakse'.

Samatähenduslikku elatiivi leidub teisteski läänemere- soome keeltes. Näit. sm Veljeni parani kuumeestansa (Setälä 1926: 58) 'Mu vend paranes palavikust'. - Vps mahtan i ma- don kokädandas puitõda (Kettunen 1943: 290) 'Oskan ka ussi nõelamisest nõiduda'.

11. Suhteelatiiv väljendab eseme osa, mille kohta mi- dagi öeldakse või millest kinni hoitakse (Setälä 1926: 62).

tat lugemine aida seinu', vaesast lehet struuskat ollah 'Vi-
halehed on laastud (kirstus pea all)', kagrast polvat 'Kae-
rast agamad', lehmän kabisešt hawdaš 'Lehma sõrakese auk',
kuñ pāin gurbast šok jangiw, šin pāin i mišheš vījit 'Kahu-
poole nõrtuhvli nina kukub, sinnapoole lähedki mehele'.

Samatähenduslik elatiiv võib esineda (vane keele mõjul)
ka järelasendis. Näit. vījäh kätkün lapsešt nikkarešt si-
šoh 'Viivad väikese lapse hälli eeskotta', kondj komaiččow
ovi peftišt 'Karu lõhub maja ust', a owšen teigšat kukkul
'Aga vankri uksekese pani lukku'.

Võimalik, et see on arenenud ainet tähistavast elatii-
vist. Vrd. Oma esimesest küülikust prae jätame sõumata ('Eda-
si').

13. Elatiiv võib adverbides väljendada viisi, kuid sa-
nuti kohta ja aegagi. Üldiselt on aga elatiivseid määrõnu
murrakus vähe. Näit. šän uwveštah 'Ütle uuesti', ruudoš ušeš-
täh 'Tõetasime üheskoos', šu mišt ei pišššün jälilešt 'Kus-
kilt ei pääsenud järele', eizišt puijah 'Esitaks pektakse
noht'.

Vrd. vps aiõdas sina paksus (Kettunen 1943: 293) 'Sõi-
detakse sinna sageli', tulleife puhub vilus (ss.) 'Tuul pu-
hub külmal', käfedas pagišta (Зайцева-Муллерен 1972: 203)
'Vihaselt kõnelda'.

Soome keeles on üldisim adverbisufiks -sti, kuid murde-
ti ja vanemas kirjakeelse, mõnikord ka ühiskeeles kasutata-
se elatiivi: lujasta 'lujasti', totisesta 'totisesti' (Haku-
linen 1968: 188). Kaikille sattuu välistä erehdyksiä (MS 1961:
635) 'Kõigile juhtub vahel eksitusi', Yritä uudestaan (m.t.:
222) 'Proovi uuesti'.

14. Elatiiviga seostuvad murrakus järgmised kaassõnad:
(postpositsioon) šüin 'eest', (pre- ja postpositsioonid) läh
'läbi', piällic 'pealt üle', poik 'põiki üle', širic 'mõõda',
šimbä 'ümber'. Tagasõna pāin 'pool, poole' kasutatakse ta-
valiselt illatiiviga, võib aga esineda ka elatiiviga tähnen-
duses 'poolt'. Harva võib teinegi illatiiviga kasutatav post-
positsioon šuatēn ~ šutten ~ šuten ~ šut ~ šua 'saadik' seos-
tuda elatiiviga. Näit. Üks kaikišt šüin, a kaik ušešt šüin
'Üks kõigi, aga kõik ühe eest', piällic aišoišt ei pi käveš
'Üle aiste ei tohi käia', šimbä kätküšt ruattiš ranžen 'Eel-

Võrdlusest elatiivi kasutamisega soome ja vepsa keeles selgab, et neilki keeltes on kändadel üldjootes sarnasugused funktsioonid.

Lühendid ja kirjandus

- Hakulinen, L. 1968, Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos, Helsinki.
- Kastunen, L. 1943, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, Helsinki (MSPOn, LXXXVI).
- NS 1953 - Nykysuomen sanakirja. Valtion toimeksiantamasta teettänyt Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Toinen osa, J-K, Porvoo-Helsinki.
- NS 1956 - Nykysuomen sanakirja. Valtion toimeksiantamasta teettänyt Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Kolmas osa, O-R, Porvoo-Helsinki.
- NS 1961 - Nykysuomen sanakirja. Valtion toimeksiantamasta teettänyt Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Kuudes osa, Ts-Ö, Porvoo-Helsinki.
- Penttilä, A. 1957, Suomen kielioppi, Porvoo-Helsinki.
- Setälä, E. H. 1926, Suomen kielen lauseoppi, Helsinki.
- Сайцова М. Н. - Мулхонен М. Н. 1972, Словарь вепского языка, Ленинград.
- m.t. = mainitud teos
su = soome keel
ss. = saalsamas
vps = vepsa keel

П. П а л ь м е с
(Тарту)

ЭЛАТИВ В ДЕРЖАНСКОМ ГОВОРЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Р е з ю м е

Основной функцией элатива в держанском говоре является выражение места, из внутренних границ которого выходят (käläst 'из деревни', mesäst 'из леса', boinicaäst 'из больницы', rejäst 'из саней', korvaäst 'из уха'). Однако элатив может обозначать и иные пространственные отношения, такие как 'совместное пребывание' или 'семья, которую покидают' (hiäst 'со свадьбы', äladöst 'от деда'), вещество, из которого что-то готовят (majjöst 'из молока'), время или место, откуда начинается деятельность (äijäst äijäh 'с места на место', (ill'än päiväst 'начиная с ильина дня'). Элатив выражает прерывание прямого контакта (selläst 'со спины'), личность, от которой нечто остается (tuatoäst 'от отца'), предмет или деятельность, закончив которую, возвращаются (alshäbäst 'с военной служб', vavarnoäst 'с малины'), объект, за который платят (haldjoäst 'за дрова'). Элатив обозначает причину (vičuäst vejäst 'от холодной воды'), отверстие, через которое происходит действие (ravoäst 'сквозь щель'), а также связь (jaljoäst 'за ноги'), принадлежность (äkäveiäst künnet 'ногти пальцев'), в наречиях - способ действия (ühentäh 'вместе'). С элативом выступают предлоги и послелоги (äin 'из-за', läb 'сквозь', piäl'ic 'по-над', poik 'поперек', äiric 'мимо', ümbär 'вокруг').

Сравнение употребления элатива в финском и вепском показывает, что в этих языках элатив имеет в основном одинаковые функции.

DER ELATIV IM DJORŽA-DIALEKT DES KARELISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die grundlegende Bedeutungsfunktion des Elativs im Djorža-Dialekt ist die Bezeichnung des Ortes, der verlassen wird (kül'äšt 'aus dem Dorf', mač'äšt 'aus dem Wald', hoš'äšt 'aus dem Krankenhaus', raš'äšt 'aus dem Schlitten', korvašt 'aus dem Ohr'). Der Elativ kann aber auch andere lokale Beziehungen anzeigen, z.B. ein geelliges Beisammensin oder die Familie, die man verläßt und weggeht (oišt 'von der Hochseit', diadošt 'vom Großvater weg'), auch den Stoff, aus welchem etwas gemacht wird (maič'äšt 'aus Milch'), den Ort oder die Zeit, wo oder wann die Handlung ihren Anfang nimmt (šijašt šijah 'von einem Ort zum anderen', il-Iannäiv'äšt 'von Iljas Tag an'). Der Elativ zeigt ebenso, daß direkte Kontakte beseitigt werden (šell'äšt 'vom Rücken weg'), weist auf die Person hin, die etwas hinterlassen hat (tuatošt 'vom Vater'), auf eine Arbeit, die man aufgegeben hat, oder auf einen Gegenstand, den man geholt hat (šiuw'äšt 'vom Militärdienst', vavarnošt 'vom Himbeerensuchen zurück'), auf ein Objekt, wofür etwas bezahlt wird (hašg-košt 'fürs Brennholz'). Der Elativ bezeichnet den Grund (vjušt veješt 'wegen kalten Wassers'), die Öffnung, durch welche sich die Handlung vollzieht (ravošt 'durch die Spalte'), ebenso eine Beziehung (janšošt 'an den Füßen'), drückt das Besitzverhältnis aus (šorangošt künnet 'die Nägel der Finger'), in Adverbien auch die Art und Weise (üheštäh 'gemeinsam'). Den Elativ regieren einige Präpositionen und Postpositionen (šuin 'wegen', l'äh 'durch', piš'ic 'über', poik 'querüber', širic 'entlang', ühär 'um'). Wenn das Finnische und das Wepsische zum Vergleich herangezogen werden, erweist sich, daß der Elativ in jenen Sprachen im wesentlichen dieselben Funktionen hat.

17. - 19. SAJANDI KUNSTI AJALUGU KUNSTI KIRJAKOOLIS LAHUVUUS
FRANTSUSE KIRJAKOOLIS SÕJU SÕJANDUSE ALAL

Iga keele sõnavara rikastamisel on tähtis osa loomisel, mille puhul võib täheldada asjaolu, et teatud semantilised grupid on võetud ühest, teised teisest keelest. Nii on eesti kirjakeelde loomunud 17. - 19. saj. kuuksümenda aastani, nn. eesti rariteetse raamatu ajajärgul prantsuse päritolu sõnu kõige rohkem teitlustamises alalt. Järgmise suurema rühma moodustavad sõjandusalased terminid, mida käesolevas vaadeldakse.

Sõjapidamiskunst ja uusim sõjatehnika pärines vaadeldaval ajajärgul Lääne-Euroopast. Pöördeajast alates tuntud sõjapidaja Prantsusmaa ajalugu seostub sõdadega. Tähtsamatest tuleks nimetada 12. saj. sõda Inglismaa kuninga Henry II-ga, 13. saj. paavstiga, kelle residentai prantslased pikemaks ajaks Roomast Avignoni tšid, 14. ja 15. saj. Saja-aastane sõda (kus osales ka kuulus sõjakangelanna Jeanne d'Aro) Inglismaaga, alalised heitlused oma maal krakvondade ja hartsekkondade vahel kuni nende ühendamiseni ühtseks Prantsusmaaks (1532). 16. sajandi kunstipärgimised olid kestnud sõjad Itaaliaga, kust tulus oldi tšienunud sõjatehnika ja kvati tes renessansilis Prantsusmaal, edasi ususõjad, 17. saj. võitlused Austria ja Hispaaniaga, mispuhul Prantsusmaa oli liidus Rootsiaga (1635. a. alanud 30-aastases sõjas), samal sajandil sõditi veel Hollandiga. 18. saj. andsid tegevust Hispaania, Poola ja Austria pöörilussõjad. 19. sajand on kuulus Napoleoni retkega Venemaale; järgnes Krimmi sõda ja koloniaalsõjad Indo-Hiinas (1858-1862).

Sellestki lühikesest ülevaatses järeldub, et Prantsuse sõjakunst ja -tehnika pidid alalises kasutuses kiiresti arenema.

13. saj. Baltimaadele tunginud saksa vallutajad

tšid kaasa ka uut sõjatehnikat ja selle nimetusid, mis olid nendemi jõudnud Prantsusmaalt, laenuisid edasi eesti keelde ja esinevad juba selle vanimates kirjalikes alltekstides. Reetsi liit Prantsusmaga suurendas võimalusi terminite siir-
damiseks reetsi keelde.

Reetsi ala vallutamise järel 17. saj. Reetsi riigi poolt oli sõjaväkke värvatud eestlaste jaoks avaldatud isegi ees-
tikeelseid käsked ja kerralõuad, millega tuli 17. saj. arvu-
kalt sõjanduslaseid prantsuse päritolu termineid eesti keel-
de. Nende terminite vahendajaks olid elameksa ja saksa
keel, 19. saj. sesses tsaaririigi elavnenud sõjategevusega
ka vene keel.

17. saj. laenuisid sõnad tähistavad peamiselt sõjaväe
isikkoosseisu (kindral, ohvitser, naturall; root), vähem va-
rustust ja konstraktsioone (siik, tšük, trass; rondeel). 18.
saj. Põhjasõja järel sõjategevuse vaibumisega Reetsi alal
tuleb eesti keelde tunduvalt vähem sõjanduslaseid sõnu, la-
enuisid sõnad näitavad aga mõningal määral sõjatehnika are-
ngut (salarii, possi; kanoniir, küraasiir). 19. saj. suureneb
kalendrilisade kirjutistes uuesti prantsuse päritolu sõnade
hulk, nende kasutamisevajadust põhjustavad Napoleoni, Krimmi
ja Pürgi sõda. Sõjategevuse kohta annab ka 19. saj. arenev
ajakirjandus rahvale informatsiooni. Sõnad näitavad sõja-
tehnika edasiarenemist, moodsamaid formeeringuid ja varus-
tust (armee, division, garnison, frekatt, artilleeria, mun-
der).

Prantsuse päritolu sõnadena vaadeldakse prantsuse ge-
nuiniseid sõnu, samuti sõnu, mis on kujunenud prantsuse kee-
les kaugete maade (araabia, kreeka, teiste romaani keelte
jt.) tüveelementidest; siia kuuluvad ka sõnad, mille tüve-
elementid pärinevad kaugematest keeltest, kuid on saanud
prantsuse keeles kuju ja tähenduse, milles nad on levinud
teistesse keeltesse.

Märksõnad esitatakse tänapäevastatud kujul, igast sõ-
nast vaadeldaval sajandil esmakordselt kasutatud kuju lühikese
näitelause (mõnel juhul ka erineva sõnakujuga näite-
lause). Märksõna järel antakse selle tähendus. Kui tähendus
keelst keelde laenumisel ei muutu, ei anta seda uuesti. Näi-
telause eel antakse selle esinemisteos lühendina ja lehe-
külj. Etümoloogia selgitamisel kasutatud teatmeteosed mär-
gitakse lühendina sulgudes.

Järgnevalt esitatakse sõnad sajadite kaupa.

17. saianä

admiral 'admiral' IAK 68; Claus Fleming, Rehtsi Rikunä
se Admiral-as/amel.

pr amiral, amiralt, admiral¹ (ar amir 'ülem', amir al-
bahr 'prince de la mer') 'chef de la flotte' > 16. saj. sks
Admiral (LaRE; HW), rts amiral (VO), eesti keelde tõenäoli-
selt saksa tõlkijate kaudu.

arkli 'arkli, sõjavarustuse ladu; sõjariistad, artil-
leeria'. KES 178: Kes Krono rattist /..Arklüst/ ehk Rust-
wanekrist middakit warrastap.

pr artillerie (seoses vpr verbiga artil(l)ier 'relvade-
ga varustama') 'krigamaskiner' > rts artilleri > arkli (SEO);
alates 14. saj. spetsialiseerue pr artillerie tähendus suur-
tükidele (LaRE). Saksa keeles esinesid vordid arculey, ar-
telarei (K HW; Gr DW), alates 17. saj. pr artillerie, kaaks
archelle, arkelei² kui artillerie variandid vahendasid root-
si ark(elli) (SKES, sub arkkeli), mis laenus eesti keelde.

kaarad 'kaarad, relvavend, kaaslane, seltsimees'.
KES 178: Kui kekik omalt .. Kaaratild middake warrastap.

pr camarade 'compagnon d'armes, camarade de chambre' (ku-
junenud hisp camarada 'relvakaaslased' mõjul; LaRE) ja pr
camerade (it camerata 'toakaaslased; kaaslane' mõjul) > 16.
saj. sks Kamerad (HW) > 17. saj. rts camerath, trätkaarat
(SEO) 'vapenbroder' (VO), kust sõna laenus eesti keelde.

kapral 'kapral, auaste mõne riigi sõjaväes'. KES 176:
Kä omma allemba Põhliko Corporali .. ruskikaga ehwerdab.

pr corporal 'chef; ülemus alamauastmes' (< it capo-
rale, kujunes ümber prantsuse sõna corps mõjul), corporal

¹ d vormis admiral on ilmselt rahvaetümoloogiline ladi-
na admiratus'e mõjul. - H. S u o l a h t i, Der französische
Einfluss auf die deutsche Sprache im dreizehnten Jahr-
hundert. - Mémoires de la société néophilologique de Helsing-
fors, t. VIII, Helsinki 1929, S. 45.

² Vrd. H.S. F a l k, A. T o r p, Norwegisch-däni-
sches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Oslo & Bergen 1960,
S. 32: .. nhd Arkelei, dasselbe Wort wie artilleri.

> aks corporal (17. saj., itaalia laenu corporale asemel) (LaRE; K EW) > rts corporaler (SBO), hiljem ssinss corporal, alamsaksa kuju oli kapral (DIL). Eesti keelde on sõna tulnud rootsi tekstist, kuju aks kapral oletatavasti kasutatud sõnasa tsüklijats poolt.

Kaptein 'kapten, ohvitseri auaste; laevajuht'. MLO 152: Capitain/Kaptein/pehmees.

(v)pr capitaine 'Anführer, Hauptmann' > küak kapitän (HW), holl, aks kaptein (SBO; SKES, sub kapteeni) > eesti keelde.

Kindral 'kindral'. KrKR 367: Keslime .. Kinral Kuvernaaril.

pr général 'Üldine', 15. saj. sõjandusalal ühendites capitaine général, colonel général jt., millest on lühendatud substantiveeritud général (LaRE; DF), 1600. a. rts general (SKES, sub kenraali, VO), 16. saj. aks General (HW); rts general laenus eesti keelde.³

Komandering 'komandering, lähetus; käsklus'. TES 489: Kuy tenne .. kessep komderinge assian; comderinge assian.

pr commander 'käsutama, käske andma' > 1600. a. paiku samas tähenduses aks kommandieren (HW) ja > rts commandera (SBO); rootsi tuletis kommandering 'käsklus; lähetus (siin: 'teenistus') laenus edasi eesti keelde.

Kompanii 'kompanii, sõjaväelüksus'. KSS 177: Johzeb kekit omne Compagnie jurast arra; KSV 270: Se Kumpani alt.

pr compagnie sõjandusterminina > 16. saj. lõpul aks compagnie (K EW), kompanie, kompanie > 17. saj. rts. kompanie (SKES, sub kompania); keskajalamsaksa vormid olid kumpnie, kumpenie (MHW), eesti keelde rootsi või alamsaksa keele kaudu. Compagnie võib olla kirjalik laen prantsuse keelest rootsi algteksti kaudu.

³ Vt. P. A r i s t e , Rootsiaegseid rootsi laensõnu eesti keeles. - Svia-Estonica, Tartu 1936, lk. 191, 200; H. R ä t s e p , Võõrsilt laenatud sõnadest eesti keeles. - Kodumurre, 5, 1962, lk. 22-39.

kont korr 'vahihoone, peavaht, arestinaja'. TES 480:
peavaht peame kont korriin pallema.

pr corps de garde 'vahieõdurite üksus; vahihoone (nõu-
ts saksa keelses arhiividokumendis on Corps de gardien)⁴, mis
oli sõjanduse terminina Rootsi sõjaväes kasutusel ja eest-
lastelegi nii tuttav, et tsitaadi vorm oli kasutamisel maa-
nutatud (vrd. Schlüteri nomkras pro kommas) ja kohanenud
eesti keeles. Mõeldav on ka esimeses komponendis corps dis-
similatiivselt n pro r, teises assimileerumine rd > rr. na-
gu küsks kurdevan (oordonan) > küsks korrun.⁵ Vt. ka kort-
kar, 18. saj.

leitnant 'leitnant'. KMH 362: Feld-Marschall-Lieute-
nant.

Tsitaadi komponent pr lieutenant (tõlkelaen < kesklaad
locum tenens 'Stellvertreter, Statthalter') esines 16. saj.
sõjalise aumäe tähenduses, > aks lietanant (LaRE; K EW),
Lieutenant > rts leutenant (SKES, sub luutnantti). kust ta
võis tulla eesti keelde.

marss 'marss, sõjavägede rännak'. KSS 177: sis kui
Marsi mõlle Minnaxe; TES 489: ülles marsima peame.

pr marche (postverbaalne subst. verbist marcher 'tal-
lama; käima' < frangi ^m markön 'jõulgi jätma') > 16. saj. 'ac-
tion de marcher'⁶, sõjalise terminina 17. saj. > aks Marsch,
aks marz (K EW); rts marsch < aks (VO), mis võis laenuda
eesti keelde (kirjakuju olenevalt toleaeegsest eesti kirja-
viisist). marasima on tõenäoliselt eesti tuletis.

marssal 'marssal'. JAK 68: Jacob de la Gardie Rohtsi
Ricku/se Mar/oh.

⁴ A. B e a u j e a n, Dictionnaire de la langue fran-
caise. Abrégé du dictionnaire de E. Littré de l'Académie
Française. Paris 1891, p. 237; RARA, f. 955, nim. 2, s. LXIII
27, l. 3.

⁵ W. S c h l ü t e r, Über die Beeinflussung des Est-
nischen durch das Deutsche mit besonderer Berücksichtigung
des Niederdeutschen. - SBGEG, Jurjev-Dorpat 1909, S. 27-28;
H. S u o l a h t i, op. cit. viites 1, lk. 139.

⁶ Võimalik on ka pr marcher lähtumine galloromaani tü-
vest marcars (G. W a h r i g, DW, 2441); ladina tüvest
marous (B. W e s s e n, VO, s. 275).

vpr mareschal (< frangi maršalk ja lad mariscalcus) 'officier chargé du soin des chevaux', 13. saj. pr. maršal 'grand officier commandant une armée (LaRE) > 16/17. saj. aks Marschall (W DW) > rts marshall; rts marškalk < aks marshalk (VO),⁷ sssti keelds tulnud rootsi keele kaudu.

musket 'musket, tahtlukuga eestlaetav käsitulirelv'. MLO 302: Musquet /(folopetum) musket; KSS 177: kui keekit.. anna Musqvati .. lahti laseep.

pr mousquet 17. saj. (< mousquette 16. saj., < it moschetto 'arbaleti nool' << lad musca) 'tahtlukuga käsitulirelv' (LaRE), hisp mosquete; see romaani relvanimetus > aks muscete. 17. ja 18. saj. prantsuse eekujul musquet, mousete. musket 'ein Schießgewehr (Gr DW), 17. saj. > rts musquetter, hiljem musköt (SEO). Eesti vormid võisid laenu- da nii saksa kui rootsi keele kaudu.

ohvitser 'ohvitser'. KSS 178: se peab omma officeril sedda teeda andma.

pr officioier 'Befehlshaber über Soldaten' > 16. saj. aks Officioier ja Offizier (DF) > rts officer (VO); esitatud kuju võis laenuda rootsi keele,⁸ hilisemad saksa Offizier'i kau- du.

panzer 'panzer, soomus(kate)'. MLO: 123: Bantzer/ panser-Baud-Serck (wörck).

vpr pancier(e) (< lad panter 'vats, köht') 'Leibru- stung, Brustpanzer' > küüaks pancier (HW), pancier. M. Luthe- ril Panser (K EW), kaaks panser. panzier (MNW), kust on tõe- nÕoliselt eesti keelde tulnud panzer.

parool 'parool, märgusõna'. KSS 177: Annab aggas ke- kit wainlaselle Parolli ehk lösanna.

pr parole (< rhvlad 'paraula < kirikulad parabola 'võrd- lus') 'Wort, Spruch' > 17. saj. sõjalises tähenduses aks Parole (HW) > rts paroll (VO), kust ta on tulnud eesti keel- de.

⁷ Vt. ka E. T a r a n d, Ebatavalist sõnade aja- loost. - Keel ja Kirjandus, 1960, nr. 9, lk. 567.

⁸ Sõna ohvitser kujunemise kohta vt. P. A r i s t e, op. cit. viites 3, lk. 194; H. J. S t r e n g, NRL, lk. 247- 248, 306.

patrull 'patrull, liikuv valvesalk'. KSS 177: Kes patrulli ehk Rundi Wasto .. omma mõhk wälja tombab.

pr patrouille (verbist patrouiller 'mudas tampina, valvesse minema' < patte 'jalg, käpp') > 16. saj. sks Patrouille. Patrulle (HW; DF), rts patrull, kust laenumine on tõenäoline, kuid võimalik ka saksa keele kaudu (SKES, sub patrulli).

piik 'piik'. VTK 112: Kui /inna omma nioki Ulla tanna aiat.

pr. piege 'Spieß, Lanze' > 1500. a. paiku sks Pike (HW), aaks päk, peke (MNW), vanaaurootsi piik, rts pik, eesti keelde võis tulla saksa või rootsi keele kaudu (SKES, sub piikki).

rondel 'rondel, poolringikujuline ehitis kindlusemüüris'. MLO 93: Rundel/Rundeeli.

pr rondelle 'Ummargune es; Ummargune kindlus' > sks rundel, Rondel, hiljem Rondell, Rundell (K EW), kaks rondel, rundel (MNW) > rts rundel (SKES, sub runteli). eesti keelde arvatavasti alamsaksa või rootsi keele kaudu.

rootmeister 'rooduvanem, -ülem'. KSS 176: Kä omma .. Root-Meistri russikaga ehwerdab.

Liiteõna esiosa root: vpr rote 'Schar, (Heeres-)Abteilung' > küsks: rot(t)e, rot (K EW), kaks rote, rata (MNW) > rts rote⁹ (VO), rotmästare (HRL), mille kaudu võis laenu- da eesti kuhu.

rund 'rund, partull; vahiposti ringkäik'. KSS 177: Kes patrulli ehk Rundi Wasto omma mõhk .. wälja tombab.

pr ronde (< lad rotundus)¹⁰ > 17. saj. sks Ronde, Run- de (P DW; W DW), rts rond, rund (VO), mis vahendas eesti ku- ju.

seersant 'seersant'. TES 489: Ewerdep .. omma scher- santit.

⁹ Vrd. P. A r i s t e , op. cit. viites 3, lk. 200.

¹⁰ Fr. K l u g e , EW, lk. 614 seletab sõna kui sõjala- lise termini kujunemist: ar arob 'vile v. rohkeas sõduriga vahisalk' > hilsp rohda, rolde, ronda > pr ronde.

pr sergent (< lad serviens) 'kohtuteener; kõrgem all-ohvitser' > 17. saj. sõjalises tähenduses sks sergeant (Kl. etym.) > rts skeersant, skärsant (SKES, sub kerantti), arvatavasti sealst häälduse järgi eesti keelde.

tragun 'tragun, ratsaväelane mõnedes maades'. MLO 416: tragoner/(dimacha) Razguma.

pr dragon 'soldat de cavallerie' (lipumärgi nimetuse järgi, < lad draco; LaRE) > 17. saj. sks Dracoens, Draguner, Tragoner (K EW), dragon > rts draca(u)n, dragon > soome drakuna, rakoonu, rakuna, viimased võisid mõjutada Gõsekeni eesti sõna kirjapilti.

tross 'tross, voor; kraamikoorem'. MLO 318: Pasagi/(Trog) Roswanoker.

pr trousse (< vpr torse, tourse << gallorom ^{torciare} 'pampu nõõrima') 'koms, pamp' > hilisküaks, kaks > trosse 'Heeregepäck' (W DW), viimase kaudu võis tulla eesti keelde.

täak 'täak'. VTK 126: Ebrelei fet ei pea üttekit.. tägi tegema.

pr dagus, idamurretes degus (< prov daga 'pistoda') 'pikk pistoda' > 15. saj. hilisküaks degen (NW), kaks degan (MNHW), mille kaudu võis sõna laenuda eesti keelde.

upser 'upser, ohvitser'. KSV 270: neile Upserville .. pean minna Sannakunialik ollema.

pr officier > sks > rts officer (> soome upseeri) (MEL), mis laenus eesti keelde. Vt. ohvitser.

visserima 'viserima, sihtima'. MLO 143: blintseh/sielen/ Ein Auge su machen/ ferima.

pr viser un but (< rhvlad ^{visare}, lad videre) (LaRE) > sks visieren, kaks viseren (Gr DW), > eesti keelde saarima rõhuta eessilbi äralangemisega.

Vanaprantsuse verbaalsufiks -er (-air) + sks -en andsid (vana)prantsuse nominaalsufiksi -ier koosmõjul sks -ieren, mis eraldus põhisõnast ja muutus produktiivseks sufiksiks, esines 13. saj. juba sagedasti (K EW); asks -eren, rts. -era.¹¹

¹¹ H. S u o l a h t i, op. cit. viites 1, lk. 32; vt. ka T. K õ i v, Sufiksi -er levikuteedest. - Keel ja Kirjandus, 1964, nr. 6, lk. 356-358.

Mitme taise keele mõjul on kujunenud:

proviant 'proviant, toidumoon, -varu'. KSS 178; Kas Krono rattist/Proviant-hobnaat .. middakit warrastap.

Vrd (v)pr provende (< rlvlad probenda) '(sõjaväe) toidumoon' > holl, aks provande (K HW; W DW); veel esimes Alam-Reini alal ~ profand. Lõuna-Saksamaal (it proviana >) ~ profiant, milledest kujunes üks Proviant (HW); rts proviant < aks < it (VO; HRL); rts proviant < aks Proviant v8i rts provent, -e < pr provende (SKES, sub proviantti). Eesti keelde v8is tulla rootsi v8i saksa keele kaudu.

18. sajand

bajonett 'bajonet, tšük'. Lfs Kal 1772, 23; Omne Bajonettidega.

pr bajonette (Bayonne'i linna järgi, kus relv esmakordselt valmistati) > aks Bajonett (W DW) > eesti keelde.

galerii 'galerii, ehitist piirav kükruum; rõdu (teatris)'. Lfs Kal 1775, 44: laikid .. fuurte tükidena allatris .. vallide ja Kalleride pealt.

pr galerie (< it galleria < ? Galilea '(paganlike galilealaste) eesruum kirikus'; LaRE) 'kaetud kük' > aks Galerie, ka 'kindluse kük laskavadega' (W DW; HW); vene галерея, галерия < aks Galerie v. pr. galerie (REW), eesti keelde arvatavasti saksa keelest.

Krenadir 'eliviivõessa kuuluv sõdur mõnedes maades'. Lfs Kal 1771, 53: monned Krenadir rasingid; 1773, 29: Krenadirid.

pr grenadier (esialgu 'granaadiheitja') > 17. saj. aks Grenadier (W DW); aks Grenadier(er) < it granatiere (K HW); saksa keelset Peeter I ajal vene гранадир, гранодер¹² hiljem гранадёр (< aks < pr, it; REW). Krenadir on arvatavasti saksa, Krenadir saksa v8i vene keelest tulnud.

kaart 'kaart, kaardivägi'. Lfs 1774, 26: laik ja rüki omne Kardi foldatidega.

¹² Vrd. Л. Г а л ь д и, Слова романского происхождения в русском языке. - IV Международный съезд славистов. Москва 1958, с. 20.

kanoniir 'kanoniir, reames suurtükiväes'. Lfs Kal 1775, 36; ned kanonirid välja oppstavad.

pr canonnier (< pr canon < it cannone < lad canna) > 17. saj. aks Kanonier (HW) (> vene КАНОНИР, КАНОНЕР; REW), eesti keelde v8is tulla saksa keele kaudu.

komandant '(kindluss, garnisoni) ülem'. Lfs Kal 1773, 44; linna pugges le Kommandant.

pr commandant (verbist commander) > 17. saj. aks Kommandant, Commandant 'Befehlshaber (eines Schiffes, einer Festung usw.)' (DF; HW). Eesti kommandant'i psab olema mõ-justanud alamsaksa keel (u pro o nasaali ees).

kortkar 'corpe de garde, vahihooone, peavaht, aresti-maja'. Lew 317: Patrull peab neid Soldanid Kortkari vya.

pr corps de garde 'vahisõdurite üksus; vahihooone' oli Rootsis kasutusel ja esines a. 1700 eestikeelses ametlikus tekstis kont korr. Sõna kortkar peab olema tulnud rootsi keele kaudu, kirjas prantsuse häälduse lähedastelt. Vt. kont korr. 17. saj.

kürassiiir 'kürassiiir, raskeratsaväelane'. Lfs Kal 1773, 44; viis riggementi Kirrasfirid.

pr cuirassier (< cuirasse '(Leder-)Panzer') > 15. saj. aks küresser. 17. saj. Kürassier (K HW), vene keeles кирасир (REW), eesti keelde v8is tulla saksa (aks ü > aks mõjul i ü-i ees) või pigem vene keele kaudu.¹³

nekryt vt. rekrut.

part van. 'part, jagu sõdurid; osa, hulk'. KA Kõn 305 Wainla /le püvväkä .. Kui neile meye Pardiit mahtu /aab.

(v)pr part 'osa; külg; pool' (LaRE) > aks Part 'Anteil' (HW), aks part 'Theil, Antheil' (MHW), mille kaudu sõna on laenuud eesti keelde (Wied. part, park, Park, Abtheilung Soldaten, Schar, Menge).

pompa 'pompa'. KA Kl 310; Tükki-Mürrin ning Pombi Häl. pr bombe (< it bomba < lad < kr bombos) > 17. saj. aks Bombe (HW; Kl etym.), vene бомба (REW), saksa keele kaudu v8is tulla eesti keelde.

¹³ Vrd. E. R a i e t, Prantsuse päritoluga sõnades eesti keeles. - ESA, IX, Tallinn 1963, lk. 216-217.

rekruüt 'nekruut, noorsõdur'. Lfs Kal 1773, 55: need Rekrutid.

pr recrute (min. part. < recroître 'järel kasvama', varem vorm recrute) > sks Rekrut (K EW), vrn рекрут, rahvakeeles dissimilatsiooniga некрукт (REW); eesti rekruüt võis tulla saksa keele kaudu.

trasse 'tress, poort'. ESpr 488: Treffe kart. trés. r. pr trésce, trasse (< lad < kr τρίχης 'dreifaoh') 'Schnur, Borte' > 18. saj. sks Trasse. kust ta on tulnud eesti keelde.

trupp 'trupp, salk, rühm; trupp'. LEG 172: Trop - ein Trupp Menschen; ESpr 489: Trupp Soldaten .. rop. r.

pr. troupe (< vpr trope < gallorom troppus 'Herde') 'rühm sõdureid, inimesi, loomi,' > sks Truppe (W DW), ka Tropfen pl. (K EW), eesti keelde tuli saksa keele kaudu.

Prantsuse päritolu sõnade hulka tuleb lugeda ka mitmes teises keeles häälikulistele muutustele allunud sõna:

matrus 'matrus, sõduri medalain aste sõjalaevastikus'. Lfs Kal 1774, 45: meie laeva Kaptain .. laakis omagd Matro- lid .. peäle josta.

pr matelots pl. (vpr matenot 'meremees' < keskhooll matenot 'magamismati kaaslane') > holl matroos > sks Matrose (EW); vene матрос < holl < pr (REW). Eesti keelde võis tulla saksa keele kaudu.¹⁴ Vrd. ka pr matras 'madrats', var. < matras < it materasso < ar (LeRE).

19. sajak

armee 'armee, riigi relvajõud'. MNL 1822, 298: kõige suurema armé wasto.

pr armée (verbist armer 'relvastama') 'sõjavägi' > sks armee. Armee (HW; K EW); eesti keelde võis tulla saksa keele kaudu (võiks oletada ka kirjalikku laenu prantsuse keelest, kuid samas artiklis esineb veel fülle, mées jt. rõhuga märgitud 6-ga sõnu).

artilleria 'artilleria, suurtükivägi'. Wi Kal 1851, 58: suurtükide .. wäe .. ehk artilleri kindraliks.

¹⁴ Vrd. H. R ä t s e p, op. cit. viites 3, lk. 31.

artillerie (esialgu 'kindluse relvastamine', vrd. prov
artilla 'kindlustus' < keeklad articulo) > 17. saj. aks Ar-
tillerie (W DW), kust arvatavasti tuli eesti keelde. Vt. ka
arkli. 17. saj.

brigade 'brigaad, väekoondis'. FP 1860, 213: Brantfus-
je wäe .. 164 Brigadi-kindrali.

pr brigade (< it brigata 'Streithaufen') 'trupp' > aks
Brigade (W DW), sealt eesti keelde.

division 'väeüksus'. FP 1860, 213: Brantfusje wäe ..
92 Divi/ioni-kindrali.

pr division (12. saj. 'jagamine', 18. saj. 'sõjaväe-
osa'; LaRE) > aks Division 'Heerestell' (HW), arvatavasti
sealt edasi eesti keelde.

kipas 'kipas, laeva vm. meeskond'. TP 1857, 97:
13^{mas} kipas (jagro) lük/id .. laevasa tele.

pr equipage (< verbi normanni-pikardia kujust equiper
'varustama', 12. saj. eschiper < germ skip-, 'laev') ('lae-
va)meeskond' (LaRE) > aks Equipage (W DW), eesti keelde prant-
suse hääldust taotlevalt ja rõhuta eelsilbi üralangemisega.

flankör 'tiibaja, häirijana liikuv ratsanik'. Mrk Kal
1824, 30: kõrvalkäijate (Flankör) .. nakkemis/ega.

pr flanqueur (1770, verbist flanquer < frangi tüvest
flanke; LaRE) > aks Flanqueur. tõenäoliselt sealt
eesti keelde.

fregatt 'fregatt, sõjalaev; suur troopikalind'. Kor
III, 64: wregatti lind ehk fõjalaev.

pr fregate (< it fregata; LaRE) > aks Fregatte (W DW),
kust tuli eesti keelde.

garnison 'garnison, (asula) väeosa; sõjaväeasutused'. R Be
6, 1816, 98: ehk liina karni/oni; TP 1857, 123: Perlini ..
Karni/ongi (linna sõdatide) kirrikus.

pr garnison (verbist garnir < frangi garnier) 16. saj.
sõjaväeosade ja nende asukoha tähenduses, > aks Garnison
(HW) > eesti keelde nii kirjapildi kui ka prantsuse hääldu-
se järgi.

invalid 'invalid, (sõjas) vigastatu; tõeõõu kaota-

mu'. MNL 1822, 73: invalid .. kari vina.

pr invalid. 18. saj. > sks Invalide (HW) > eesti keelde.

kasarm 'kasarm' MNL 1825, 38: kes kas/armus ellab.

pr caserne (< prov caserna < rlvlad quaderna) 'väike ruum neljale garnisonisõdurile' > 17. saj. sks Kaserna 'alaline sõjaväeosade majutuspaik' (HW), paralleelvorm Kasarna(e) < it caserna (P DW); sks kasarne < it < prov,¹⁵ eesti kas-larn on tulnud saksa või vene keele kaudu (SKES, sub kasarmi). (Vene казарн < it < prov; REW).

komandeerima 'komandeerima, juhtima'. FP 1859, 27:

Keifer is/te komandiris.

pr commander > sks kommandieren > vn КОМАНДИРОВАТЬ (REW), eesti keelde tõenäoliselt saksa keele kaudu.

komandör 'komandör, väeüksuse ülem'. TKR 11, 1856, 8:

komandir. Uilen Mafentfow.

pr commandeur (< commander) > sks Kommandeur (W DW) > vn КОМАНДИР (v. < otse prantsuse keelest; REW), mis laenus eesti keelde.

korvet aj. 'kornet, ohvitseri madalaim auaste ratsaväes'. Kor: õts hirmus .. laugu. õttejt Korneti/it.

pr cornette 'ratsaväe lipp, hiljem selle kandja' (LeRE), terava kaju järgi õieti 'sarveke', (vrd. lad cornu) > sks Kornett (W DW), vn КОРНЕТ (REW), eesti keelde tulnud arvatavasti saksa keele kaudu.

marssima 'marssima'. R Be 4, 1815, 148: Marssimine

//adab/ mar/ina/ marssija. R Be 7, 1817, 77: mede mar/ia. marssimine. ST 1856, 160: Jäme .. marssimis/ist .. vässi-nuka.

pr macher (< vpr 'käima, tallama', vt. marss, 17. saj.) 'käima, marssima' > 17. saj. sks marschieren (HW), mis laenus eesti keelde; uus laen on õigesti seostatud 17. saj. laenu-
nunud substantiiviga marss ja tuletatud marssima, marssimi-

¹⁵ Prantsuse päritolu märgib ka L. H a k u l i n e n, Suomen kielen rakenne ja kehitye. 3. korjattu ja lisetty painos. Helsinki 1968, s. 298.

na ja nargassia. Mõnedes rahvalaulu vormides oleks mõeldav ka soome sõnade nar(s)si, nargassia (SKES) eeskuju.

nunder 'nunder, vormiriietus'. Gres Kal 1809, 46: aurahha nunderi peil.

pr monture (< monter 'varustama'; LaRE) 'varustus; vormirõivastus (sõduril)' > sks Monture. Montirung. Mundirung (DF; HW) > vn мундир, rahvakeeles мундер (REW), mis laenus eesti keelde.

nekru 'nekru, noorsõdur'. ETKS 7: Nekruiti andmis/e läbbi. nekru võib olla laenumud vene keele kaudu. Vt. rak-ru, 18. saj.

padrun 'padrun'. AHS 72: padroni-kastid ärrapõllistades. pr patron 'kaitsja; mudel (LaRE) > 17. saj. sks Patrone 'kaitsev kest' (Wo), millest arenes tänapäevane tähendus (HW), vn патрон (REW); eesti keelde võib tulla saksa või vene keele kaudu.

palet van 'epolett, õlak'. PP 1859, 12: paletti õlla paalt .. wiind.

pr épaulette (< épaule 'õlg'), 18. saj. sõj. (su)märk, õlak' (LaRE) > sks Épaulett(e) (W DW), vn эполет (REW), eesti keelde saksa või vene keelest rõhnta eessilbi äralangemisega.

paraad 'paraad'. PP 1858, 253: paradi plat/i peil.

pr parade (vrd. verb parer. hisp parar. parada) 16. saj. 'defilee; näitus' (LaRE) > sks Parade (W DW), vn парад (REW), saksa või vene keele kaudu eesti keelde.

patalion 'pataljon, väeosa'. KoR I, 25: 2 patalionis.

pr bataillon (< it battaglione 'lahingurühm' < rlvlad battalia < lad battuere (battere) < keldi tüvest) 'väeosa' > sks Bataillon (HW), vn батальон (REW); eesti keelde tuli sõna saksa keele kaudu, kinnistavat mõju võib avaldada ka vene keel.

paterei 'paterei, suurtükiväeüksus'. TKR 1, 1854, 8: 4 uretükiriga patterei.

pr batterie (< battre 'lõõma') 'võitlev väesalk, suurtükivägi' > sks Batterie (W DW), vn батарея (REW), eesti keelde võib tulla saksa või vene keele kaudu.

~~pisitong~~ 'pisitong, (padrumi) sütik; kolb'. TP 1856,
315: Is pudub pistoni .. ehk tulle fütamisje riista külge.
pr piston (< it pistone; LaRE) > sks Piston (Wied.
piston, pistoŋ (püstoŋ)), vn пистон (REW), eesti keelde
saksa keele kaudu.

resery 'reserv, tagavara'. TKR, 10, 1855, 5: abbimeh-
hed ehk referwi-foldatid.

pr réserve (verbist réserver < lad) 'tagavara; varu-
meeskond, tagavaravägi' > sks Reserve (HW), vn pesépb, ees-
ti keelde saksa või vene keele kaudu.

~~sinel~~ 'sinel, riietuses'. PP 1858, 177: foldati ja-
nel'.

pr chenille 'hommikumentel'¹⁶, > vn снмчнб 'teekonna-
rõivas' (REW), mille kaudu laenus eesti sinel.

~~suuav~~ 'suuav, prantsuse sõdur Aafrikas'. TP 1859, 209:
Prant/ufte wäe fees on .. T/uaavid.

pr suave. 1830. a. Alžeeria kabillide suguharu 'svava'
järgi (LaRE), > sks Zuave (W DW), saksa keelest häälduse
järgi eesti keelde.

tsitadelli päritolu kohta on erinevaid arvamusi, kuid
ta on levinud ikkagi prantsuse keeles kujunenud vormis ja
tähenähes.

~~tsitadell~~ 'tsitadell, kindlus, kants'. TP 1857, 187:
Ria linna tsitadelli wallid.

pr citadelle (< it cittadella 'väike linn' < oittä <
< lad civitas; LaRE; Kl. etym.) 'linnkindlus' > sks Zita-
delle (GD), sealt eesti keelde.

Uurimuseks kasutatud materjalid moodustab kogu 16. ja
17. saj. eestikeelne kirjandus, 18. sajandist ja 19. saj.
käsitletud osast enamik ilmalikku kirjavara, välja arvatud
väiksemad tekstimaterjalid, kus eeldatavalt ei esine prant-
suse päritolu sõnavara.

Vaadeldud ajavahemikus on eesti kirjakeelde laenunud
66 prantsuse päritolu sõjandustermineid, 6 neist ei esine enam
tänapäeva sõnaraamatutes. Sõnad tulid eesti keelde saksa,

¹⁶ Grand Larousse encyclopédique, t. II, Paris 1960, p.
952.

rootsi ja vene keels kaudu. Üle võeti tüvemoorfeemid, mis al-
 lutati eesti keele süsteemi morfoloogilistele ja häälikulis-
 ortograafilistele kohandamistavadele. Võõrhäälikuid katsuti
 asendada omadega, kuid kirjanekul toetati kuni 1860. aast-
 tani eesti keele kohta kehtinud saksapärasele kirjavõttele.¹⁷
 Või arvatud sõnad arkli, kont korr, kund, upeer, kortkar
 ja part ('salk') on need prantsuse päritolu sõjandussõnad
 integreeritud eesti keele sõnavarasse kui kindlad rahvusva-
 heliselt kasutatavad terminid.

N ä i d e t e a l l i k a d j a l ü h e n d i d

ANS = Keiser Aleksander I eestikeelne kuulutus Napoleo-
 ni sõjakäigu puhul Venemaal 1812. a. - Ajalooline Ajakiri,
 I, 1922, lk. 71-73; DF = H. S o h u l z , Deutsches Fremd-
 wörterbuch, I-II, B. S t r a s b u r g 1913; DL = J. Seh-
 w e r s , Die deutschen Lehnwörter im Lettischen, Zürich
 1918; Espr = A. W. H u p e l , Ebstnische Sprachlehre für
 beide Hauptdialekte, Riga und Leipzig 1780; ETES = Eesti-
 Tallorahva Kohto-Sõidus, Tallinn 1804; GD = Der Große Duden,
 16. Aufl., Leipzig 1970; Gr DW = Jacob und Wilhelm Grimm,
 Deutsches Wörterbuch, Bd. I-XIV, Leipzig 1854-1939; Ges Kal =
 Ma Rahva Kalender ehk TähtRaamat 1809, Tallinn, Gressel;
HW = Der Große Duden. Herkunftswörterbuch, B. 7, Mannheim
 1963; IAK = Piiskop Joach. Iheringi ametisse kinnitamise kir-
 ja eestikeelne tõlge 1638. a., VEKVM, lk. 66-68; KA Kl =
 = K ä s u A n t s /Käsu Hans/, Kaebelaul Tartu hävitamise
 puhul, 1706, VEKVM, lk. 306; KA Kõn = K ä s u A n t s /Kä-
 su Hans/, Kiri pastor Kõnik Kõniksonile, 1706, VEKVM, lk.
 305-306; K HW = Fr. K l u g e , Etymologisches Wörterbuch
 der deutschen Sprache. 21. unveränderte Aufl., Berlin - New
 York 1975; Kl. etym. = E. W a s s e r z i e h e r , Klein-
 es etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Leipzig
 1971; Kõn = A. J. d e l a G a r d i e "Korraldus nah-
 kade ja hülgemasva müügi ja ostu kohta" 1696. a., VEKVM, lk.
 362-364; Kor = Üts hirmus, et tõest sündinu Luggu, üttest

¹⁷ A. K a s k , Eesti kirjakeele ajalooost, I, Tartu
 1970, lk. 23-134.

Kornetist. /19. saj. I pool?/; KoR I = /G. Schwartzs,/ Koli-ramat. Esimese jaggo. Lühikeste õppetuse õigest kirjotamisest, Tartu 1852; KoR III = /E. F. Lossius,/ Koli-ramat. Kolmas jaggo. Õppetuse Jumala loomadest, mis Ma peäl on, Tartu /1853/; KrKR = 1646. a. pärinev Eesti kuninganna Kristiina kiri "Kuninga Kesse Ramatust see Tartu Linnast". - E Kirjandus, 1920, lk. 367; KSS = A. Saareste, Eesti sõduri määrustik ja vandetekst a. 1697. - Vi- rittäjä, 1958, lk. 175-182; KSY = 1697-1700 pärinev eesti- keelne kahurvälase või sõduri vandevormel Karl XII ajast, VEKVM, lk. 175-182; LaRE = A. Dausat, J. Dubois, H. Mitterand, Larousse Étymologique, Paris 1971; LEG = S. H. Vestring, Lexicon Ethnico Germanicum. /Käsikiri./ 18. saj. I veerand; LeW = Kindral A.L. Le- wenhaupti teadaanne süütamiste puhul, 1707, VEKVM, lk. 316- 317; Lfs Kal = Eesti-Ma Rahwa Kalender ehk Täht-Ramat 1771- 1775, Tallinn, Lindfors; MLO = Henricus Güssen, Manuductio ad Linguam Oesthonicam, Reval 1660; MNW = A. Lasch, C. Borchling, Mittelniederdeut- sohes Handwörterbuch, Hamburg 1928-1934; MNL = O. W. Ma- sning, Marahwa Häddala-Leht, Tartu 1822, 1825; MSW = K. Schiller und A.L. Übben, Mittelniederdeutsches Wör- terbuch, Bd. I-VI, Bremen 1875-1881; Msk Kal = Marahwa Ka- lendar ehk Täht-ramat, 1824 Pärnu, Markquardt; MRL = H. J. S t r e n g , Nuoremmat ruotsalaiset lainasanat vanhemmas- sa suomen kirjakeielessä, Helsinki 1915; P DW = H. Paul, Deutsches Wörterbuch. 8. Aufl., Halle 1961; PP = Perno Pos- timees ehk Häddalileht, 1857-1860, Pärnu; RAKA = Eesti NSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv (Tartu); R Ro = J. H. Rosenn- plänter, Beiträge zur genauern Kenntniß der ehstni- schen Sprache, Pernaun 1806, 1815-1817; RW = M. Vas- mer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg 1950-1958; SEO = E. Hellquist, Svanak etymolo- gisk ordbok, B. I-II, Lund 1970; SKES = Y. H. Toivo- nen jt., Suomen kielen etymologinen sanakirja, I-V, Hel- sinki 1955-1975; TES = Tartu eeslinlaste sõjaastiklid aast- tast 1700. - Keel ja Kirjandus, 1965, lk. 488-491; TKR = /N. F. Russow,/ Tallinna koddaniko ramat, 1, 1854; 10, 1855; 11, 1856; TP = Tallorahwa postimees, 1857-1859, Tartu; V DW = G. Wahrig, Deutsches Wörterbuch. Völ-

lig überarbeitete Neuaufgabe, Gütersloh. Berlin 1977; **VEKVV** = A. R. Cederberg, A. Saarests, Valik eesti kirjakeele vanemaid mallestusi a. 1524-1739, Tartu 1925-1931; **Wied.** = F.J. Wiedemann, **Eintrisch-deutsches Wörterbuch**. 4. muudata tr., Tallinn 1973; **Wikäl** = Eesti rahva kalender 1851, St. Petersburg, Wienöber; **YO** = E. Weissén, **Vära ord.** Kortfatted etymologisk ordbok. 2. uppl. Nacka 1975; **Wo** = E. Wasserzieher, **Woher? Ableitendes Wörterbuch der deutschen Sprache**. 17. neubearb. Aufl., Bonn 1966; **YTK** = Vana Testamendi osaline lüu-naeesti-murdeline tõlge /J. Gutslaff?/, **VEKVM**, lk. 102-127.

ar = arabia; **aks** = alamsaksa; **f.** = fond; **gallorom** = galloromaani; **germ** = germaani; **hispan** = hispaania; **holl** = hollandi; **it** = itaalia; **kaks** = keskalamaksa; **küaks** = keskülemsaksa; **l.** = leht; **lad** = ladina; **min. part.** = mineviku partitsiip; **nim.** = nimestik; **pl** = pluraal; **pr** = prantsuse; **prov** = provanseali; **rhylad** = rahvaladina; **r.** = der revaleche Dialekt; **rts** = rootsi; **s.** = säilik; **sks** = saksa; **sub** = all; **subst.** = substantiiv; **vn** = vene; **vnr** = vanaprantsuse; **üks** = ülemsaksa, **kr** = kreeka.

K a s u t a t u d k i r j a n d u s

A r i s t e , P., **Rootsiaegseid rootsi laenusõnu eesti keeles.** - **Svio-Estonica**, Tartu 1936.

B e a u j e a n , A., **Dictionnaire de la langue française. Abrégé du dictionnaire de E. Littré de l'Académie Française**, Paris 1891.

F a l k , H. S. **T o r p , A.** **Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch.** 2. Aufl. Oslo & Bergen 1960.

Grand Larousse encyclopédique, t. II, Paris 1960.

H a k u l i n e n , L., **Suomen kielen rakenne ja kehitys.** 3. korjattu ja lisätty painos, Helsinki 1968.

E a s k , A., **Eesti kirjakeele ajalooost**, I, Tartu 1970.

K l u g e , Fr., **Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.** 21. unveränd. Aufl., Berlin. New York 1975

- Kõiv, T., Sufiksi -ar levikuteedest. - Keel ja Kirjandus, 1964, nr. 6.
- Raie, E., Prantsuse päritoluga võõrsõnadest eestikeeles. - ESA, IX, Tallinn 1963.
- Rätsep, H., Võõrsilt laenatud sõnadest eesti keeles. - Kodumurre, 5, 1962.
- Schlüter, W., Über die Beeinflussung des Estnischen durch das Deutsche mit besonderer Berücksichtigung des Niederdeutschen. - SbgEG, Jurjew-Dorpat 1909.
- Streng, H. J., Nuoremmat ruotsalaiset lainasanat vanhemmassa suomen kirjakiielestä, Helsinki 1915.
- Solahki, H., Der französische Einfluss auf die deutsche Sprache im dreizehnten Jahrhundert. - Mémoires de la société néophilologique de Helsingfors, t. VIII, Helsinki 1929.
- Tarand, E., Vastavalist sõnade ajaloo. - Keel ja Kirjandus, 1960, nr. 9.
- Wahrig, G., Deutsches Wörterbuch. Völlig überarb. Neuaufg. Gütersloh. Berlin 1977.
- Wessén, E., Våra ord. Kortfattad etymologisk ordbok. 2. tillökade uppl. Nacka 1975.
- Галъдн И., Слова романского происхождения в русском языке. IV Международный съезд лингвистов, Москва 1958, с. 20.

И. Трейман
(Тарту)

**ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В
ЭСТОНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ С XVII ДО 60-х гг. XIX ВЕКА**

Резюме

Определенную часть слов французского происхождения, проникших в эстонский язык, составляют термины по военному делу. Эти слова заимствованы через немецкий, шведский и русский языки. Из 66 слов 60 встречаются и в современных словарях. Эта тематическая группа охватывает слова, обозначающие личный состав войск, наименования военных подразделений, военное имущество, снаряжение и пр.

По своей внешней форме эти заимствования в эстонском языке подверглись изменениям. Графически они соответствовали написаниям по немецкому образцу, распространенному в рассматриваемый период.

Упомянутые термины ассимилировались эстонской лексикой и рассматриваются как исконные.

L. T r e i m a n
(Tartu)

MILITÄRFACHWÖRTER FRANZÖSISCHER HERKUNFT IN DER
ESTNISCHEN SCHRIFTSPRACHE VOM 17. Jh. BIS ZUM
SECHZIGSTEN JAHR DES 19. JAHRHUNDERTS

Z u s a m m e n f a s s u n g

Einen Teil der in die estnische Schriftsprache aufgenommenen Entlehnungen französischer Herkunft bilden die Militärfachwörter. Diese Wörter sind durchs Deutsche, Schwedische und Russische vermittelt worden. Insgesamt sind es 66 Fachwörter, von denen 60 noch in den heutigen Wörterbüchern verzeichnet sind. Diese semantisch-thematische Gruppe umfaßt Bezeichnungen für Militärpersonen, Truppeneinheiten, Ausrüstung u.a.

Die Entlehnungen haben Wandlungen in ihrer äußeren Form durchgemacht und die in den entsprechenden Jahrhunderten gültige estnische Schreibweise angenommen. Sie sind fest eingebürgert und werden als eigenes Sprachgut empfunden.

СЛОВОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА СУФФИКСА
-ась- В КОМИ ЯЗЫКЕ

Изучение словообразовательной семантики является одной из важных задач финно-угорского словообразования, поскольку не выработали пока более или менее общепринятые практики описания ее. Многим из существующих в финно-угористике описаний глагольной словообразовательной семантики, например, характерно то, что указывается только инвариантные (общие) значения суффиксов, без приведения хотя бы наиболее распространенных конкретизаций этих значений.

Глагольный суффикс -ась- в литературном коми-зырянском языке и его диалектах описывается как суффикс возвратного залога (Бубрих 1949:149-150; СКА 1955:236-238; Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966:108). Даже в работах последних лет наблюдается эта установившаяся "традиция" (Сорвачева 1978: 50-51; Лиев 1977:148-149). Иногда отмеченные значения глаголов с суффиксом -ась- представлены как подкатегории низаранского значения "возвратного" действия (Илиина, Баранович 1971:145). В коми-зырянском диалекте коми языка В.И. Литкин выделяет лишь отмеченный суффикс -ась- (Литкин 1965:73). У него нет никаких ссылок относительно того, употребляется ли этот суффикс в отглагольном словообразовании, хотя и указывается на наличие суффикса -ась- и в отмеченной, и в отглагольной сфере уже в древне-пермском языке (Литкин 1952:115-116). В коми-пермяцком языке с помощью суффикса -ась- "от глаголов, имеющих в инфинитиве -ны, образуются глаголы длительного вида" (КПЯ 1962:259). Кроме того, исчерпывающе представлены все оттенки возвратности, которые выражаются этим суффиксом. Указывается, что суффикс -ась- употребляется и в отмеченном глаголообразовании, однако здесь же отмечается, что это суффикс возвратного залога, и, таким образом, собственно отмеченные значения суффикса не рассматриваются (КПЯ 1962:276).

Итак, ни видим, что в существующих исследованиях по коми языку при описании суффикса *-ась-* часто игнорируются те или иные его функции. В данной статье делается попытка наиболее полно выявить семантику суффикса как в отглагольных, так и в отглагольных глаголах.

Суффикс *-ась-* инвариантен.

I. Глаголы, мотивированные существительными, охватывает несколько семантических тем.

I.1. Семантическая тема "надевать, снабжать тем..." (= "делать так, чтобы субъект имел...") реализуется в следующих подкатегориях:

I.1.1. "надеть то, на что указывает мотивирующий субстантив", например: напяльсьын 'накинуть, надеть лужан' < луж 'лужан', дёрпясьын 'одеться в рубанку' < дёрп 'рубанка', гачсьын 'надеть штани (брики)' < гач 'штани', ривсьын 'опоясаться, подпоясаться' < рив 'пояс'. Словообразовательный тип продуктивен. Практически возможно образование глагол от любой субстантивной основы, обозначающей предмет одежды.

I.1.2. "родить того (тах), на кого указывает мотивирующая основа": кагасьын 'рожать, родить (о женщине)' < кага 'ребенок', чакосьын 'жеребиться, океребиться' < чак 'жеребенок', кычасьын 'цениться, оцениваться' < кычан 'молодая собака', кукласьын, куквасьын 'отелиться' < кук, куван 'теленос', баласьын 'агниться, огниться' < бала 'агнений', шлясьын 'родить, рожать (о диких животных)' < шляк 'сыновья'. Продуктивность типа ограничена вышеприведенными примерами.

I.1.3. "образоваться тому, что выражено субстантивной основой", например: гадясьын 'образоваться - о пузырях' < гади 'волдырь, пузырь', кольчасьын 'образоваться - о петле' < кольча 'кольце (не украшение)', пуртосьын 'образовываться стручки (о стручковых растениях)' < пуртос 'стручок', равасьын 'продираться' < рова 'дыра'. Возможно дальнейшее словообразование по данному типу.

I.1.4. "создать то, на что указывает мотивирующая субстантивная основа".

I.1.4.1. Дополнительный компонент значения - "объединяя, огребая, складывая, собирая...", например: кельбосьын 'собраться, сбиться в стаю' < кельб 'стая, стайка', дёлвасьын 'огребать сено в вал' < дёлва 'вал', сёрмасьын 'заниматься скирдованием' < сёрм 'скирда', пурвасьын 'заниматься ошлоткой, ошлотить плет' < пур 'плет'.

1.1.4.2. Дополнительный компонент значения - "разрывать, разрезать ...", например: косяться 'раздвинуться, разойтись' < кося 'промежуток, расстояние, перерыв', лестукасыны 'переваться на лоскутки, разерваться в клочки' < лесту 'лоскуток, клочок, клон', кракельсыны 'кракелать, заниматься раскраивкой' < крак 'крик, обрубок дерева (около 2-2,5 м)'.
Типы малопродуктивны.

1.2. Семантическая тема "совершать действия с помощью чего..." представлена следующими значениями:

1.2.1. "совершать действия непосредственно тем, на что указывает мотивирующая основа", например: кнасыны 'показать руку, поведороваться за руку' < кн 'рука', кнмасыны 'подписаться под чем-л., расписаться в чем-л.' < кнм 'румя', чепотыны 'щипаться, щипать, брать пальцами, щепотью' < чепот 'щепоть, щепотка', петурадыны 'облачиться крапивой' < петура 'крапива' и др.

1.2.2. "совершать действие с помощью того (используя для этого то), на что указывает мотивирующий субстантив", например: чесадыны 'заниматься чесанием (льна, конопли)' < чу 'чесалка', точысыны 'точить (на точильном бруске)' < чуд 'точильный брусок', зібасыны 'плыть на местах' < зіб 'мест', агасыны 'заниматься боронованием, борошить' < агад 'борова', паньсыны 'хлебасть' < пань 'локва'. Тип имеет большую продуктивность.

1.2.3. Глаголы, образованные от существительных, обозначающих различные приспособления для охоты и рыбной ловли, имеют значение "охотиться, ловить рыбу с помощью того, на что указывает мотивирующая основа", например: лечкасыны 'охотиться силками и лозуками' < леч(к) 'сенок, лозука', гымгадыны 'ловить (рыбу) вершами' < гымга 'верша, морда', кудымысыны 'ловить (рыбу) ставной сетью' < кудым 'ставная сеть', киснадыны 'ловить рыбу на блесну' < киснан 'блесна'. Тип продуктивен.

1.3. Семантическая тема "совершать действия, свойственные тому (чему), кто (что) выражен (о) мотивирующей субстантивной основой" находит свое выражение в следующих значениях:

1.3.1. Значение "теми", без дополнительных компонентов, например: эртасыны 'I) сойтись для работы, завести напарника

2) находясь в приятельских отношениях' < ѡрт 'товарищ', тунасыни 'гадать, ворожить' < тун 'веду, знахарь, колдун', цѣлительасыни 'дружить (о женщинах и девочках)' < цѣлитель 'подруга', путьасыни 'дружить (о мужчинах)' < друт 'друг, приятель', зѣвасыны 'находиться в приятельских отношениях' < товарищ 'товарищ, друг', рѣдныасыни 'считаться родственниками, ходить друг к другу в гости' < рѣднѣ 'родня, родственники'. Можно предположить, что данный словообразовательный тип сформировался недавно, поскольку для него характерно сочетание суффикса -асы- о замкнутых основах из русского языка основами.

1.3.1.1. Некоторые глаголы имеют дополнительный компонент значения "неодобрение действий, свойственных тому, кто совершает действие, направленное на объекты, выраженные мотивирующей основой", например: зѡныасыни 'неодобр. гулять с парнем (о девушках)' < зон(и) 'парень', зоньзасыны 'гулять с парнями (о девушке)' < зѡныас 'парни', друтгѣасыны 'неодобр. иметь любовника' < друтгѣас 'друзья, приятели, любовники'. Интересно, что в последних глаголах словообразовательный суффикс -асы- следует за формообразовательным суффиксом множественного числа -го-. Возможно, -яс- способствует выражению значения "неодобрения".

1.3.1.2. "совершать действия, уподобляясь при этом тому, кто (что) выражен(о) мотивирующей основой", например: чѣлѣасыни 'вести себя легкомысленно, впасть в детство' < чѣлѣ 'дети', нѡгѣасыни 'извиваться' < нѡгѣ 'минога', везгѣоны 'тягучься (о жидкости)' < вез 'нить, тетива', тѣмбасыны '1) упереться, став в дверях, 2) перен. упереться, заупрямиться' тѣмбс 'стойка, опора, козлы, упор'.

1.3.2. "праздновать, проводить праздник". В этой подкатегории выступает дополнительный компонент значения "в тот период, то время, которое выражено мотивирующей основой", например: внѣвасыны 'праздновать, провести Новый год' < Внѣ 'Новый год', отпусказыны 'провести отпуск' < отпуок 'отпуск', нѣкылдунасыны 'праздновать пасху' < нѣкылдун 'пасха'. Список можно дополнить примерами из диалектов коми языка: сс. Николаасыны 'отпраздновать Николин день' < Никола 'Никола', жк. кѡлыасыны 'справлять свадьбу, участвовать на свадьбе' < кѡлыс 'свадьба', вв. стырейасыны 'устар. гулять, праздновать в день Агрофены купальницы', дл. нѣмкунасыны 'справлять именины' < нѣмкун 'именины', вс. н'ѣд'ѣл'ѣасыны

'использовать выходной день, проводить воскресенье' < н'вд'ва 'воскресенье', ис. нмал'вд'с'ны 'проводить, использовать выходной день' < нмал'вд'с'ны 'выходной день', ис. ноябе-с'ны 'праздновать ноябрьские праздники' и др. В этом значении глаголы с суффиксом -ась- употребляются в устной разговорной речи. Тип продуктивен.

1.3.3. Значение "темы" с дополнительным компонентом "в том месте, которое выражено мотивирующей основой", например: мбсьтрасьны 'перетаскивать, волочить (лодку)' < мбсьбр 'ложбина, лог' пурт'касьны '1) купаться (в песке, в шпичи), 2) играть, валяться (о детях)' < пурт'к 'песчаное место, где купаются куры или лесные птицы', гм'к'асьны 'запутаться - о рыба (в образовавшемся в сети мешке)' < гм'к 'мотня (в сети)'.

1.4. Семантическая тема "совершать действия, названные мотивирующей основой" представлена следующими значениями:

1.4.1. "называть друг друга так, как указывает мотивирующее существительное", например: нч'касьны 'называть по отчеству' < нч'к 'отчество (у мужчин)', сват'асьны 'называть друг друга сватами' < сват 'сват', кум'асьны 'называть друг друга кумом (или кумой)' < кум 'кум'.

1.4.2. "играть в ту игру, играть на том инструменте, которые выражены мотивирующей основой", например: ч'к'касьны ч'к'к'касьны 'играть в чикики' < ч'к'к 'чикики', нег'к'асьны 'играть в козы' < нег 'козы', кар'к'асьны 'играть в городки' < кар 'городки', дзод'к'асьны 'играть в палочки' < дзод'к 'колышка, палочка', дб'в'касьны 'играть в шанки' < дб'в'к 'шанки', гу-д'к'асьны 'играть на гармонке' < гул'ок 'гармонь', тул'уд'к'асьны 'намгивать на петушке' < тул'уд'к 'глиняная свистулька в виде петушка', пб'л'ан'асьны 'дудеть, играть на дудке' < пб'л'ан 'дудка, свирель'. Тип продуктивен.

1.4.3. "произносить то, на что указывает мотивирующая основа", например: эт'ал'асьны 'делаться вот так (говорит, когда не находится нужное слово)' < эт'ал'е 'вот так' - субстантивированное наречие, нл'з'асьны 'здороваться, приветствовать' < нл'з'а 'приветствие', чол'б'асьны 'здороваться друг с другом, приветствовать друг друга при встрече' < чол'б'и 'привет'.

1.4.4. "охотиться на того, кто выражен мотивирующей основой", например: к'оч'асьны 'идти на зайца (а собаке)' < к'оч 'заяц', дзод'з'о'к'асьны 'охотиться на гусей' < дзод'з'о'к 'гусь', ут'ка'асьны 'стрелять уток' < ут'ка 'утка'.

1.4.5. "происходить (о явлениях природы) тому, на что указывает мотивирующая субстантивная основа", например: кимаасын 'ходить (об облаках), хмуриться (о небе)' < кимо 'туча, облако', востымаасын 'колыхать' < восты 'зарница, северное сияние', ик. туцаасын 'покрываться, заволакиваться тучами' < туца 'туча'.

2. Глаголов, мотивированных прилагательными, значительно меньше. Они выступают в следующих значениях:

2.1. "приобрести признак, названный 'мотивирующей основой", например: урсаасын '1) изурочиться, испортиться от дурного глаза, 2) испортиться' < урбс 'хмлив, неопрятный', дзибрасыны '1) кренить, накренить (лодку), 2) крениться, накрениться' < дзибыр 'неустойчивый, валкий (о лодке)', ыгырасыны '1) ежится, позиться, 2) коробиться (о досках)' < ыгырбс 'покоробившийся, вогнутый', сыбласыны '1) чернеть, почернеть, 2) темнеть, потемнеть' < сыбл 'черный, темный', пекасын 'поганиться, сскверниться' < пек 'поганный'.

2.2. "совершать действия, проявляя при этом признаки, названные мотивирующим прилагательным": кычаасын 'хвастаться, бахвалиться, гордиться, кичиться' < кыча 'высокомерный, кичливый, горделивый', медяасын 'ласкаться, любезничать' < меді 'ласковый', норасын 'жаловаться' < нор 'жалостный, жалобный', вильынаасын 'шалить, баловаться, озорничать' < вильдын 'шаловливый, резвый, озорной', кокниасын 'дурачиться, вести себя несерьезно' < кокни 'легкомысленный, 'несерьезный', кокныдыасын 'проявлять легкомыслие, несерьезность' < кокныд 'легкий' и некоторые другие. Словообразовательные типы 2.1 и 2.2 малопродуктивны.

3. Наречия, мотивирующие глаголы с суффиксом -ась- делятся на две группы: наречия места и наречия образа действия. В зависимости от этого мотивированные глаголы имеют следующие значения:

3.1. "совершать действия таким образом, способом, методом, как указывает мотивирующая основа", если глаголы мотивированы наречиями образа действия, например: кысындыбын '1) лечь ничком, 2) опрокинуться, повернуться кверху дном' < кысынды '1) ничком, ниц, 2) вверх дном', гатыасын 'перевернуться на спину' < гаты 'навзничь, лицом вверх' вомбнаасын 'стать поперек, лечь поперек' < вомбн 'поперек', падуясын 'мувыркаться' < падуябн 'кувырком', вочаасын 'встретиться, повстречаться' < воча 'навстречу, напротив', сыбрасы-быбрасыны 'го-

няться за кем-либо' < сьбсья-ббсья 'друг за другом, вереницей', отарб-моларбасьны 'двуличничать, быть двуличным' < отарб-мбларб 'и в ту и в другую стороны, в противоположные стороны'.

3.1.1. Диалекты коми языка представляют богатый материал о тех случаях, когда суффикс -ась- присоединяется к изобразительным словам, имеющим наречную природу со значением "совершать действия таким образом, способом, на который указывает мотивирующая изобразительно-наречная основа", например: сс. тури-баткмас'ны 'полететь кубарем', мыжги-мужгмас'ны 'тайком, украдкой что-л. делать', нси-космас'ны 'колебаться, испытывать нерешительность', вым. чин'чи-брин'чмас'ны 'прыгать, резвиться, скакать (о жеребятках)', широчи-виочмас'ны 'заигрывать, любезничать', печ. ун'ки-ман'киас'ны 'делать тайком, скрытно готовиться делать что-либо', вв. тутти-кокас'ны 'растянуться, упасть всем телом', чичи-рачкиас'ны 'сесть на корточки, сидеть по-турецки'. Тип употребителен в устной разговорной речи.

3.2. "быть, оказаться в том месте, которое выражено мотивирующей основой", если глаголы образованы от наречий места, например: отвьесътасьны 'стать, оказаться на одной линии, на одном уровне' < отвьесътбн 'друг против друга, на одной линии', отлаасьны, отлявасьны '1) соединиться, присоединиться, 2) объединиться, 3) сойтись, сходиться' < отляман 'в одном месте, на одном месте'. Словообразовательные типы 3.1 и 3.2 малопродуктивны.

4. Глаголов, мотивированных изобразительными словами, незначительное количество. Трудно выделить внутри них какие-либо семантические темы. Значение таких глаголов можно определить следующим образом: "совершать действия, дополнительно характеризующиеся в отношении зрительных, звуковых и моторных признаков мотивирующей изобразительной основой", например: подсьясъны 'выступать, наворачиваться (о слезах)', визгырасъны 'ежиться, каться (от холода и голода)' < визгыр - изобразительное слово, передает представление о холоде, голоде, беспомощности (человека или животного), бультікасьны 'бультыхаться, плескаться' < бультік 'бултых!', ловьясьны '1) растрястись, растрепаться, 2) разлиться, растечься' < лов - изобразительное слово, передает состояние чего-либо растекшегося, рассыпанного, дзурликасьны 'ковылять со скрипом' < дзурлик 'скрип-скрип', муткылясьны 'ворочаться, перевер-

тываться' < мутьасьны - изобразительное слово, передает неуверенное ворочание, зутвасьны 'упираться, наткаться' < зуты 'тык!'. Этот словообразовательный тип находится в коми языке в процессе становления, поскольку, например, в "Зырянско-русском словаре" П. Саввантова (СПб. 1850) нами не обнаружено ни одного глагола с суффиксом -ась- от изобразительных основ, в "Кратком коми-русском словаре" Н.А. Шахова (Усть-Сысольск 1924) мы находим два глагола: бавасьны 'встать на четвереньки' и зурасьны 'натолкнуться', а вышеприведенные примеры взяты нами из "Коми-русского словаря" (М. 1961). Возрастание продуктивности данного словообразовательного типа свидетельствует о больших словообразовательных возможностях суффикса -ась-.

5. В диалектах коми языка отмечено несколько случаев мотивации глаголов с суффиксом -ась- причастиями и местоимениями: печ. бранас'ны 'готовить поюло' < бран 'питье' (причастие от мны 'пить'), вым. абут'мас'ны 'жаловаться на нехватку, недостаток, отсутствие чего-л.' < абут'ом 'недостаточный, немудрый' (причастие от абу 'нет'), вым. вермыт'мас'ны 'быть нездоровым, нездоровиться' < вермыт'ом 'бессильный, беспомощный, немощный' (причастие от вермыны 'мочь, обладать силой, трудоспособность'), вым. аслан'ас'ны 'хитрить, присваивать' < аслан - приблизительный падеж усилительно-личного местоимения I лица ачим 'я сам'. Безусловно, выделить какое-либо словообразовательное значение в этих отдельных примерах невозможно, однако они являются показательными, свидетельствуя о больших возможностях сочетаемости суффикса -ась- с основами различных частей речи.

6. Глаголы, мотивированные глаголами, имеют следующие значения:

6.1. "совершать возвратные действия".

6.1.1. "совершать действия, возвращающиеся на собственно субъект (для себя)", например: пасьтасьны 'одеваться, одеться' < пасьтавны 'одеть', чипкасьны 'обжечься, опалиться, обгореть' < чипкавны 'палить, спалить, опалить', чуткасьны 'колоться' < чутканы 'ткнуть, вонзить, уколоть', пблласьны 'закриваться' < пбллавны 'закрывать'.

6.1.2. "взаимно совершать действия, мотивированные основой глагола", например: вермасьны 'бороться, мериться силами, состязаться' < вермавны 'перебороть, побороть (многих)' или

вермыны 'побороть, преодолеть, победить кого-либо', оцасыны 'целоваться, поцеловать друг друга' < оцанын 'целовать', куцкасыны 'бить друг друга, биться' < куцканын 'бить, побить, избить, поколотить' или куцкыны 'ударить, стукнуть кого-л.', лэптасыны 'поднимать друг друга' < лэптавын 'поднимать, вытаскивать' или лэптыны 'поднимать, поднять', вачкасыны 'биться, бить, ударять друг друга' < вачканын 'ударить, стегать, бить (многих)' или вачкыны 'ударить, стегнуть'.

6.1.3. "заниматься тем, на что указывает мотивирующая глагольная основа". Это т.н. "медвальный" оттенок возвратного значения, например: вочасыны 'заниматься выделкой чего-л., поделками' < вочын 'делать', вбласыны 'заниматься строганием' < вбланын 'строгать', песласыны 'стирать, заниматься стиркой' < пеславын 'стирать', нббасыны 'заниматься закупками, скупкой' < нббон 'купить', ректасыны 'заниматься мотанием пряжи' < ректанын 'мотать, намотать, смотать (пряжу на мотовило)', пбурасыны 'заниматься обманом, обманывать' < пбурывын 'обмануть'. В этом значении суффикс -ась- чрезвычайно продуктивен и может быть мотивирован субстантивными основами, например: твдурасыны 'заниматься уборкой сена' < твдур 'сено', (ср. твдуранын 'задать сена скоту'), письмбасыны 'переписываться, заниматься перепиской' < письмб 'письмо', спектакасыны 'заниматься постановкой спектакля' < спектак 'спектакль'. В целом нужно заметить, что суффикс -ась- в значении "возвратности" действия обладает большой продуктивностью.

6.2. "длительно, в силу привычки или постоянной необходимости, совершать действия, названные мотивирующим глаголом" тэргасыны 'торопиться, спешить', отсасыны 'помогать' и некоторые другие. В литературном коми языке данный словообразовательный тип малопродуктивен. Наряду с этим, большая продуктивность суффикса -ась- "выражающего длительное, не ограниченное во времени действие" отмечается в нижневичегодском диалекте коми языка (Сорвачева 1977:51).

6.3. "многokrратно совершать действия, на которые указывает мотивирующая основа". Это значение выделяется у некоторых глаголов путем словообразовательного анализа, когда устанавливается непосредственная мотивация их глаголами однократного действия, например: чепсасыны 'рваться, бросаться, кидаться' < чепбсыны 'броситься, кинуться, рвануться'. Выделение данного значения подтверждается примерами из диалектов

коми языка. Так, в среднесокольском диалекте находим следующие случаи: Турун вайас'ым тӧлбни 'Сено возили всю зиму'; Зерас'ны кутіс 'Часто стало дождить' (Н.А. Колегова, II7). Кстати, глагол зэрасьны обнаружен в вышеуказанном значении также в верхнесокольском, ижемском и вымском диалектах. В вымском же диалекте существует глагол пегъясьны 'часто менять что-л.'

Поскольку глаголов с суффиксом -ась- в значениях 6.2 и 6.3 ограниченное количество, мы можем говорить лишь об остатках многократно(-длительного) значения у суффикса. Б.А. Серебrenников полагает, что залоговое значение суффикса возникло на базе видового, когда глаголы длительного действия создавали возможность для возникновения медиального, а затем и других возвратных значений (Серебrenников 1963:336). Принимая во внимание высокую продуктивность -ась- как возвратного суффикса и реликты его многократно(-длительного) значения, такой путь развития функций данного суффикса является вполне допустимым.

Суффикс -ась- сложный. Ф.И. Видеман отмечает, что суффиксы -аа- и -аіа- имеют одинаковое значение, однако гораздо чаще встречается -аау, нежели -аіау. например, аіаіау (dänken), коаіаіау. → коааау (zerreischen, intr.) (Wiedemann 1884:88-89). И. Буденц прямо указывает, что "в возвратном зырянском аа, удмуртском ааk 1 выпало: аа < *аіа ~ *аіа (Budenz 1884:28). Д.В. Бубрих также полагает, что глаголы на -асьны образуются от глаголов на -авны (Бубрих 1949:149), что наводит нас на мысль о том, что первый элемент вышеуказанных суффиксов идентичен. В элементе а многократного суффикса аі И.Буденц усматривает различные элементы, возводя а к многократному *а; в непереходных глаголах, имеющих соответствующие образования с каузативным значением, - к суффиксу возвратных глаголов *у; в отыменных глаголах - к *а (смотри Uotila 1933:207-208).

А.И. Емельянов считает, что во всех производных с аі (как отыменных, так и отглагольных) а является притяжательным именным суффиксом (< ф.-у.*а3 ~ *а3), который в настоящее время представлен зырянским а, удмуртским о (< *а) (Емельянов 1927:66-68). Данного мнения придерживается и Б.А. Серебrenников (Серебrenников 1963:341). Т.Е. Утила подвергает сомнению гипотезу А.И. Емельянова, полагая, что в этом случае трудно согласовать известную дивергенцию удмуртского а в

al и o в других отглагольных образованиях, как, например, а́лэ 'gemischt', а́лэ 'öffnung, lech', а́лэ (-e + n) → 'schlüssel', а́лэ 'ted' и в отглагольных типа а́лэ 'preis-ba-bend', а́лэ 'gehört' (Uotila 1933:210). Однако, по мнению Т.Е. Уотила, а безусловно не является и гласным основы. Это надо понять, очевидно, так, что в то время, когда образовался суффикс -ась-, элемент а уже выполнял функцию суффикса. Наше предположение подтверждается тем, что в современном удмуртском языке глаголы с суффиксом -а-, -д-, выражая "действия длительные, неоднократные, незавершенные, например: кóланы 'ночевать неоднократно' - кóлыны 'ночевать', пыраны 'заходить' - пырыны 'зайти' и т.д." (ГСУЯ 1962:223), противопоставляются глаголам с суффиксом -и-, который обозначает действия недлительные, однократные, законченные. Что касается допермской и еще более ранней истории элемента а, то в ней много еще остается недоказанным. Т.Е. Уотила предпологает, что а мог быть гласным глагольной основы, поскольку производные в удмуртском языке всегда образуются от а-основ: а-ак, а-т (глаголы и имена), а-тá, а-тá (1) < а-л-л-а (1). Аналогично в зырянском: а-а (глаголы), а-тá. Данные обоих языков согласуются в том, что основы с а являются первичными образованиями. Об этом, по мнению Т.Е. Уотила, говорят без-эловне формы в парадигмах спряжения глаголов с суффиксом al в сысольском, верхнесысольском и верхневьчегодском диалектах коми языка. В.И. Лыткин, однако, считает, что здесь имело место позднейшее выпадение l (Лыткин 1930:35-36). Элементы l и á в суффиксах al и al Т.Е. Уотила рассматривает как позднейшие. Нет убедительных доказательств ни той, ни другой гипотезы, однако нельзя исключить и то, что без-эловне формы могут быть остатками парадигмы глагольной основы на -а (Uotila 1933:211).

Второй элемент суффикса -ась- идентичен суффиксу возвратных глаголов -сь-. Не будем подробно вдаваться в историю данного суффикса, ограничимся лишь ссылкой на то, что, по мнению В.И. Лыткина, в пермском языке-основе он уже являлся формой возвратного залога (Лыткин 1977:72).

Глаголы с суффиксом -ась- в коми языке сопоставимы с глаголами на -аськ-, -йаськ- в удмуртском, например: к.-зыр. сынасьны 'причесаться, расчесаться' - удм. сынаськыны 'причесаться' (сынань 'причесать'), к.-зыр. касьны 'спрашивать, осведомляться' - удм. каськыны 'спроситься'. Соответствий в

марийском и мордовских языках не наблюдается, поскольку суффикс оформился при самостоятельной жизни пермских языков. В лепехинско-евгеньевских текстах, язык которых указывает, по мнению В.И. Лыткина, на их происхождение во времена Стефана Перского (Лыткин 1952:33), обнаружено несколько глаголов с суффиксом -ась-: век-ас' - 'освятиться' (ЛЕ 180), мор-тас' - 'очеловечиться' (ЛЕ 122), кек-ас' - 'надеяться' (ЛЕ 15), пбей-ас' - (ЛЕ 190), вис'т-ас' - 'исповедоваться', вомыч'-ас' - 'дивись, удивляйся' (ЛЕ 65). Отсюда мы можем предположить, что суффикс -ась- начал формироваться приблизительно в XIV-XVII веках.

Выводы:

1. Суффикс -ась- чрезвычайно продуктивный элемент в системе глагольной деривации в коми языке. Его сочетаемостные возможности практически неограничены. Он может образовывать глаголы от основ различных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов, наречий, изобразительных слов, даже причастий и местоимений, выражая и в отглагольной, и в отменной сфере самые разнообразие значения. Описание системных (общих) и контекстных значений (сводится к системным) инвариантных суффиксов имеет большое значение в исследовании по словообразованию, создавая основу для изучения окказиональных значений суффиксов, их сочетаемости, синонимии и других аспектов словообразования.

2. Суффикс -ась- сложный, формирование его из суффиксов -а- и -сь- происходило на пермской почве. В допермской и более ранней истории составляющих его элементов остается еще много недоказанного.

Л и т е р а т у р а

- Б у б р и х Д.В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- Е м е л ь я н о в А.И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Ж и л и н а Т.И., Б а р а к с а н о в Г.Г. 1971, Присытывкарский диалект и коми литературный язык, Москва.
- К о л е г о в а Н.А., Среднесысольский диалект коми языка. Научный отчет за 1967-1970 г. Архив КЭАН СССР, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 17.

- Л и т к и н В.И. 1930 - Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Под редакцией В.И. Литкина. Выпуск I. Сыктывкар.
- Л и т к и н В.И. 1952, Древнепермский язык, Москва.
- Л и т к и н В.И. 1961, Коми-зырянский диалект, Москва.
- Л и т к и н В.И. 1977, Историческая морфология коми языка, Пермь-Сыктывкар.
- Л я ш е в В.А. 1977, Фонетико-морфологические особенности нымского диалекта коми языка. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, Сыктывкар.
- С е р е б р е н н и к о в В.А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- С о р в а ч е в а В.А., С а х а р о в а М.А., Г у л я е в Е.С. 1966, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар.
- С о р в а ч е в а В.А. 1978, Нижневычегодский диалект коми языка, Москва.
- U o t i l a, T. E. 1933, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen (= MSFOu, LXV), Helsinki.

С о к р а щ е н и я

вр. - верхневычегодский диалект коми языка; вс. - верхнесольский диалект коми языка; взм. - вьмский диалект коми языка; ГСУЯ - Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962; ик. - иксмский диалект коми-зырянского языка; к.-зыр. - коми-зырянский язык; КПЯ - Коми-перматский язык, Кудымкар 1962; ЛЕ - лепехинско-евгеньевские тексты; лл. - лузско-летский диалект коми-зырянского языка; печ. - печорский диалект коми-зырянского языка; СЯ - Современный коми язык, I. Фонетика. Лексика, Морфология, Сыктывкар 1955; удм. - удмуртский язык.

V. C h e r n y h
(Syktyvkar)

WORD-BUILDING SEMANTICS OF THE SUFFIX -ag-
IN THE KOMI LANGUAGE

S u m m a r y

The study of word-building semantics is one of the important problems in the theory of word-building because there still is no single universal principle of describing it. With invariant verbal suffixes in the Finno-Ugric languages often general (systematic) meanings are conveyed, leaving aside the contextual meanings, by which the systematic meaning is expressed. In dealing with the suffix -ag- in the Komi language often either only its reflexive meaning is represented, or its denominal functions. In this way some of the inherent functions of the suffix -ag- are ignored. In the present article an attempt is made to describe as fully as possible all the functions of this suffix - denominal as well as deverbal.

As a result, we come to the following conclusions: The combinative abilities of the suffix with stem-morphemes of various parts of speech - nouns, adjectives, verbs, adverbs, onomatopoeic words, even participles and pronouns - are practically unlimited. The suffix is of great productivity in the sphere of denominal verb-building, performing different functions there. It is also productive as a reflexive suffix. The study of all the functions of the suffix -ag- will further facilitate the study of the problems of suffix-combinations, synonymy of suffixes, nonce word-building and some other aspects. The suffix -ag- is complex. It was formed from the suffix -g- and the reflexive suffix -g- in Old Permian. In Pre-Permian and the earlier history of the elements g and g much remains to be proved.

LIIVI VERBISUFIKS -n + i-

Tänapäeva liivi keeles on 7 algupärast verbisufiksit, mis on produktiivsusest erinevad. Neist kuut on lähemalt käsitletud seni ilmunud artiklites.¹ Suure rühma moodustavad verbid, milles leidub peamiselt kausatiivsust väljendav liide -tt ~ -t-. Järgnevas esitatakse aineklikku ja analüüsitakse selliseid verbe, milles sufiks -t- liitub n-konsonandile.

akant 'emmata, kaisutada'.

Akant pr. akantob umarmen (LDW, 3).

Verb akant leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud läänemeresoomelise tüvega sõnast akko 'haarata, kinni hakata'.

alantä 'alandada'.

Aländ, alänt, pr. aländo, aläntob herabsetzen, tadeln, erniedrigen, demüthigen (LDW, 3); Sie perahft kis ih/eh ehnt/ehnta alahntob nei neku se laps (MEL, 43) 'See pärast, kes iseennast alandab nagu see laps'; Alantigid siz ni äntata Jumal vegiz käd ala (PK, 19) 'Alandage siis ennast Jumala vägeva käe alla'; Ta alantiz äntata (Livli, 3, 1934) 'Ta alandas ennast'; tämä aläntiz äntata / ku tämä um piski

¹ E. V ä ä r i, Frekventatiivse ning retsiprookse liitega verbid ja algupäraste liidetega adverbid liivi keeles. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 323. Tõid eesti filoloogia alalt, IV, Tartu 1974, lk. 35-105; Liivi verbisufiks -b- ja -g-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 344. Fenno-ugristica, Труды по финно-угроведению, I, 1975, lk. 371-378; Liivi verbisufiks -iks-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 382. Fenno-ugristica, Труды по финно-угроведению, 2, Tartu 1976, lk. 67-89; Liivi verbisufiks -nd ja -z-. - Труды по финно-угроведению, 6, Tartu 1980, lk. 30-31.

(Kl) 'Ta alandas ennast, sest ta on väike'.

Verb alāntā (vrd. sm alantaa, e alandada) leidub varasemas kirikukirjanduses, kust levis kõnekeelde. Võib oletada, et alānd väljendab rohkem enesekohast, alāntā aga teostatavat tegevust. Mõlemad verbid on tarvituselt kadunud ning erinevused kontekstidest ei selgu. Tüvi alg- on soomeugrilist päritolu.

alint 'haljendada'.

Alint pr. alintub (lvSal) grünen (LDW, 3).

Verb alint leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud balti laensõnast ālijaz 'haljas'.

apāntā 'hapendada'.

Apānt pr. apāntob sauer machen, einsäuern (LDW, 4); sēnda sōb lemdiksiss un pottiss apānttāt (LW, 12) 'Piim hapendatakse puunõudes ja pottides'; apāntab -hapittaa (KA); sellist azād sōbōd apāntāt (Kl) 'Sellised asjad hapendatakse'.

Verb apāntā (vrd. sm. hapantaa) on tuletatud soomeugrilise tüvega sõnast apān 'hapu'. Translatiivsust märgib samatüveline verb apāndā (FU, 6, 147).

idāntā 'idandada'.

māgdēt sōbōd idānttāt (LW, 65) 'Linnased idandatakse'; idāntābōd māgdidi / tēbōd v'glitē tegiz (Kl) 'Idandatakse linnaseid, tehakse ka õlut'; māgdidi idāntāš / vīla un jarā idān (Va) 'Linnaseid idandatakse; vili on idanenud'.

Verb idāntā (vrd. sm idäntyä) on tuletatud kaugemalisse sugulaskeelisse ulatuvast tüvest, mis leidub ka liivi substantiivis idgāz 'idu'.

ilāntā 'ülüstada; ülendada'.

Ilānt pr. ilāntob (auch ilānd) erhöhen, aufrichten (LDW, 125); ilānttā (ülānttā) (LW, 70) 'Ülustada, ülendada'; ilāntab (KA) 'Ülustab'; Ilāntōt ne leb Jumal jōva kād (Livli, 5, 1936) 'Ülendatud Jumala parema käe läbi'; tāmā tānda

iläntšä (Kl) 'Ta teda ülendab'; tšända alavintšä / iläntšä / iläntšä (Va) 'Ta teda kiidab, ülistab, ülendab'.

Verb iläntšä (vrd. e. ülendada, sm ylentää, krjL ülendä) on tuletatud genuinsest tüvest üle-.

inü 'uinutada'.

Int pr. intqb (oder unt pr. untqb) maggom einschläfern (LDW, 21); inü (LW, 74) 'Teatud olukorda viia'; ne innöbäd maggom / sis intšbäd (Kl) 'Panevad magama, siis unustavad'.

Verb inü (vrd. e. uinutada, sm uinuttaa) on tuletatud algupärase tüvega verbist innü 'uinuda'. Liite -t- ess olev n kuulub tüvesse.

istantsä 'istuma panna; istutada'.

Istānt pr. istāntqb, istānd pr. istāndqb setzen, einpflanzen (LDW, 23); istānt kilaliz, löda jürs (LW, 77) 'Pane külaline laua juurde istuma'; ku tulda tübbä sillä / sis ne istāntšbäd (Kl) 'Kui tullakse tuppa sisse, siis panakse nad istuma'; nüo-istāntšbäd löda jür (Mn) 'Panevad istuma laua juurde'.

Verb istantsä (vrd. sm istaantua) on tuletatud soomeugrilise tüvega verbist istä 'istuda'. Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus on ka t-liiteline istat.

jaränt 'uuesti ära võtta'.

Jerānt pr. jarāntqb wieder wegnehmen (LDW, 26).

Verb jaränt leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud soomeugrilise tüvega sõnast jarä 'ära' (<"erä").

kazantsä 'Ules kasvatada'.

Kazānt pr. kazāntqb erziehen (LDW, 33); Kazāntab (läpsä) erziehen (KA); un mis ma wöib teedö med lihwö rand keel ilšokasantömöks (F 175, M 6:1) 'Ja mis ma võin teha meie liivi ranna keele kasvatamiseks'; lapst kazantsä / un va¹škist un doh püoga / un püdi (Mn) 'Last kasvatatakse ja vasikat ja vooa ja puuld'.

Verb kazantsä esineb peamiselt kirjalikes allikais. Kõ-

nekeeles on levinum kazãttõ. Aluseks on soome-ugrilise tüvega verb kazã 'kasvada'. Muutus sv > zz:z on liivi keeles reeglipärane.

kãstãnti 'kasta'.

Kastãnt pr. kastãntõb (lvSal kastandub) spritzen, bespritzen (LDW, 32).

Verb kãstãnt leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud läänemeresoomelise tüvega põhiverbist keetõ 'kasta'.

kõidãntõ 'sukka panna'.

kõidãntõ (LW, 118) 'Sukka panna'; kõidãntõB / kõidãntõD (KL) um sie / miõ panõb lãnga pãlõ / siz ne kõidãntõbõD (KL) 'Pannakse sukka, suga on see, kuhu pannakse lõng pesle, siis pannakse sukka'.

Verb kõidãntõ on tuletatud laensõnast kõidaz 'suga'. A. Ahlqvisti arvamus järgi on tegemist germaani laenuga.² Usutavam on V. Thomseni etümoloogia, mille järgi kõidaz on pärit balti keeltest.³

kustãntõ 'kustutada'.

Kustãnt pr. kustãntõb (kistãnt pr. kistãntõb, lvSal kistãnd pr. kistãndub) löschen, auslöschen (LDW, 50); võlgõ kustãntõ (LW, 130) 'Võlga kustutada'; Kustãntõb, kustãntõb = sammutaa (KA), un kustãntõnad sie tul jera (NLK, 343) 'Ja kustutanud tule ära'; ta kütãb õb kustãntõb tulkõks jara (EMÜ, 8) 'Ta põletab igavesse tulega ära'; un sie tũrijiz dakt ta jera õb kustãnt (EMW, 42) 'Ja tuhast tahti ta ära ei kustuta'; un-fahktõ eitõd õb kustãntõ tultõ (MEL, 44) 'Ja saaksite heidetud igavesse tulle'; Siz um rõõskã semdaks kustãntõmast (LF, kat) 'Siis tuleb rõõsa piimaga kustutada'; Un nei n(e)at ka nuokustãntõnd sie kõrãnd (LF, IV) 'Ja nii on nad kustutanud ka talu'; Kõrli alliz ildin ezmizõ krũõgõ, laz kustãntõg tũ-

² A. A h l q v i s t , Die Kulturwörter der westfinnischen sprachen, Helsingfors 1875, lk. 87.

³ V. T h o m s e n , Beröringer mellen de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog, København 1890, lk. 218.

da eñtš kurksõ (Līvli, 7, 1932) 'Kaarel jooksis kohe esimese kõrtsi, et kustutada tuld oma kurgus'; ku metsä palāB / siz mēg amād lām kištāntōm (Kl) 'Kui mets põleb, siis me läheme kõik kustutama'; tūlda ka kištāntāb jarāndōz (Va) 'Tuld ka kustutatakse'; kištāntāb tul jarā (Mn) 'Kustutatakse tuli ära'; ku tūlda lāp kištāntōm (Kr) 'Kui tuld minnakse kustutama'; um kištāntimist / as tul palāB (Ii) 'Tuleb kustutada, kui tuli põleb'.

Verb kištāntā on tuletatud läänemeresoomelise tüvega verbist kiātā 'kustuda'. Sugulaskeeltes on verbid ta-liiteli-sed (vrd. e kustutada, eL kistuūtaDa, vđj kusuttaG).

k^oštāntā 'parandada, paraneda'.

Kostānt pr. kostāntōb od. kuostānt heilen (act.), curiren (LDW, 42); um kostāntōb amād sin vigād (LG, 405) 'Ja parandab kõik sinu vead'; k^oštānttiji āina (LW, 174) 'Ravimtaim'; um kuostāntis ama suglimizi tōbidi (EMÖ, 32) 'Ja parandas kõikisuguseid tōbesid'; Tulgō kuostāntōm siz Sin alastōm (LVL, 28) 'Tulge parandama siis sinu alastust'; Mis vanad rouvz kuostāntist ja arštist sipōlōks (Līvli, 4, 1934) 'Mida vanad inimesed parandasid ja arstisid sibulaga'; laz ni tāiz puustōg ja kuostāntōg (F 175, M 3:10) 'Puhastagu ja parandagu nii jälle'; keiž um katki / sis k^oštāntāB (Kl) 'Kui käsi on katki, siis paraneb'; ku um katki miņgi s^orm / sis k^oštāntāB (Va) 'Kui on katki mõni sõrm, siis paraneb'; vei-daB / las k^oštāntāG (Kr) 'Võitakse, et paraneks'; k^oštāntāB / ne ka katki um (Mn) 'Parandab, kui on katki'.

Verb k^oštāntā on tuletatud läänemeresoomelise tüvega sõnast k^oštā 'kostuda'. Varasem tüvi on koste-.

lūdotāntō 'lohotada'.

Aga jūdist volt pāgin tund Marta ja Maria jūr nēdi luotāntōm vel pierast (UT, 206) 'Paljud juudid olid tulnud Marta ja Maria juurde neid lohotama venna pärast.'

Verb lūdotāntō on kirikukirjanduse laen soomekeelsest sõnast lohduttaa. Kasutusele pole laensõna tulnud.

lõuants 'lõuematada'.

lõuats võlkats min kakkast iära-lõuantsand (F 175, N 7:2) 'Muidu oleksid minu kanakesed ära lõuematanud'.

Verb lõuants leidub juhusliku tuletisena ühe liivlase kirjas. Tegemist on kõrvalekalduisega üldkasutatavast verbist lõuats. Tüvi on genuinne.

märgants 'mädandada'.

Märgant pr. märgantõb faulen machen (LDW, 69); vī-nš märgantõb, ains (LW, 240) 'Viim mädandab heina'; Ab-vul-jari märgants (Pz) 'Ei tohi ära mädandada'.

Verb märgants on kausatiiv samatüvelisest frekventatiivist märgand (FU, 6, 149). Tüvi on balti päritolu.

nälkants 'näljutada'.

nälkantõb = kiusaa nälkllä (KA).

Verb nälkants leidub E. H. Setälä kirjapanekuis. Vaadeldav kausatiiv ja frekventatiiv nälkand (FU, 6, 149) on passiivsed läänmeresoomelise tüvega verbid.

paikkant 'kohta kätte näidata'.

Paikant pr. paikantõb eine Stelle anweisen (LDW, 75).

Verb paikkant on tuletatud läänmeresoomelisest sõnast paikka 'koht, paik'. Verb pole tarvitusel.

parants 'parandada'.

Parant pr. parantõb, parint pr. parintõb verbessern; heilen, curiren; erquicken (LDW, 77); sie kera um parantõbust (LW, 275) 'See kiri tuleb parandada'; un ist uotõ siegid peräst ehtsta parantõnd (EMO, 39) 'Ja ei olnud ennast sellegipärast parandanud'; Parantigid miöldõ, sieniarast ku touvõd vald un ležgõl jürõ tund (UT, 6) 'Parandage meelt, sest et taeva vägi on lähedale tulnud'; parantõhtõ miöldõ / aigs ta tieg s'edä / mis ärkelB (Kl) 'Paranda oma meelt, ärgu ta tehku seda, mis ei kõlba'; taks nei parants ehtsta (Pz) 'Tahaks nii parandada ennast'.

Verb parants (vrd. e parandada, sm parantaa) on tuletatud soome-ugrilist päritolu tüvest para-.

paakantõ 'roojata, pasandada'.

Paskant pr. paskantõ beschmutzen (LDW, 47); paakantõ (LW, 276) 'Roojata, pasandada'; paskantõ tükis pakkad jara (KA) 'Pasandab kõik kohad ära'; tämä paakantõB (KL) 'Ta pasandab'.

Verb paakantõ on tuletuslikult kausatiiv, kuid on kaotanud vastava varjundi ning muutunud samatähenduslikuks sõnaga paakandõ (FU, 6, 150). Tuletamisel on lähtunud soome-ugrilise tüvega sõnast paakõ 'pask'.

piiskintõ 'vähendada'.

Piiskint pr. piiskintõ vermindern (LDW, 83); tämä veigB s¹e ašä sur volda / meG tända piiskintõB (KL) 'Asi võib suur olla, ma seda vähendame'.

Verb piiskintõ (v d. e. pisendada) ei kuulu keeletarvitusse, kuigi adjektiivivi piiski 'pisike' põhjal võidakse sõnale anda ligikaudne tähendus. Liitehäälikulis ilmneb lätipärane palatalisatsioon. Tüvi *piis- on genuinne.

pitkantõ 'pikendada'.

Ja pitkantiz siedo rökkõ puolstyödõ säpi (UT, 277) 'Ja pikendas kõnet poole sõni'; pitkantist / v¹edist noi ni kälD (KL) 'Pikendasid, vedasid nii pikalt'.

Verb pitkantõ on laen eestikeelsest pikendada, mida on häälikuliselt kirjakeeles kohandatud. Sõna pole aktiivses keeletarvituses.

puontõ ~ puottõ 'puhuda, õhutada'.

puontõ, puottõ, puotsõ (LW, 317) 'Õhutada, puhuda'; Luoiik kyla karendõd saitõ ka raziñ yd jõugõks jara puontõ (Lõvli, 10, 1932) 'Luoiiki küla talud aeti tasahilju liivaga tasa'; puontõB / tõvas puõõB / jõugõ puontõB (Va) 'Puhub, tuul puhub, liiv puhub'; tul nuopuontõn jõugõks ta-zisõks (LT, 20) 'Tuul ajanud liivaga tasaseks'.

Verb puontõ ~ puottõ on tuletatud soome-ugrilisest tüvest puh-.

puskantõ 'ilustada, kaunistada'.

Puskant pr. puskantõ kränzen, bekränzen, schmu-

cken, zieren (LDW, 88); Sa puskantõd seda aigast enč juvā-
moks (LG, 402) 'Sa kaunistad seda aastat enda heaks'; kõz-
nikkāt, puskantõbõd, ibiži (LW, 319) 'Pulmalised kaunista-
vad hobuseid'; Nodalõks enčsta puskantõb (LVL, 38-39) 'Nõ-
gesega ennast ehib'; se neiki puskantub pa-rāz (VL, 254) 'See
tütarlaps ehib ennast natuke' ja tult puskantom mād mādlo-
tõb pävvo (F 175, M 3:10) 'Ja tulid kaunistama meie mäles-
tuspäeva'; puskantõbõd / tiep, knasõks (Kl) 'Kaunistavad, teeb
ilusaks'; puskantiz, ibiz un nei (Mn) 'Kaunistas hobuse ja
nii'.

Verb puskantõ on tuletatud läti laensõnast pusk 'lill,
kimp'. Läti keeles on küll verb puskuot schmücken (LVV, III,
438), mis siiski pole liivi verbi kujunemist mõjustanud.

pāgintõ 'paljundada'

Pāgint pr. pāgintõb vermehren (LDW, 78); pāginti / t
ne kubbõ (MEL, 56) 'Kogusid need kokku'.

Verb pāgintõ leidub verasemais allikais. Tuletamisel on
lähtunud sõnast pāgin 'palju', mille tüveks peetakse soome-
ugrilise tüvega substantiivi pē 'pea'.

sentõ 'sõnada, sõnatada'.

sentõ, ap-sentõ (LW, 361) 'Sõnada, sõnatada';
ap, sentõ ristij (Va) 'Sõnatud inimene'.

Verb sentõ (vrd. e. sõnatada, sm sanata, vps sanāta,
vdj senata) on tuletatud läänemeresoomelisest tüvest se-
na-.

sintõ 'sünnitada'.

Sunt pr. syntõb (lvSal šunt pr. šuntub) gebären
(LDW, 108); sintõ (süntõ) (LW, 366) 'Sünnitada'; ta um
sintõn (Kl) 'Ta on sünnitanud'.

Verb sintõ (vrd. e. sünnitada, sm synnyttää, krJL sün-
düü) on tuletatud läänemeresoome tüvest süntü-.

sitāntõ 'situtada'.

Sitānt pr. sitāntõb (lvSal šitānd pr. šitāndub) dūn-
gen; abhalten (LDW, 100); leõstā um sitāntõmist (LW, 368)

'Last tuleb situtada'; sitütab dungen, asettas lapsi situtama (KA); sitütäb lastä (Kl) 'Situtab last'.

Verb sitütä (vrd. sm sittaantua) on tuletatud soomeugrilise päritoluga sõnast sitä 'eitt'.

tasandä 'tasandada, siluda; lepitada'.

Tasant pr. tasantob, tasand pr. tasandob ausgleichen, gut machen, sühnen, vergüten, ersetzen, vergelten (LW, 111); las tulgo tagä jumäloks jera tasantõn (LQ, 461) 'Tulgu jälle jumalaga lepitama'; räkkä um tasantitäsät (LW, 410) 'Teed tuleb tasandada'; tasantab (KA) 'Tasandab'; ja tasantis nääi armõ pidõ rökandõs (UT, 245) 'Ja lepitab neid armust rühkides'; ja leb TÄ ma pälab ka Heimoklub isandidi ända nänt iista tasantõ (F 175, M 3:10) 'Ja teie kaudu palun ma ka hõimuklubi härrasid mind nendega lepitada'; tämä tasantie äie ää tasäke (Kl) 'Ta tasandas selle asja siledaks'; näo-tasantõn tää nai itlimisäka (Va) 'Tasandame ta nii ühetaoliseks'; ku kaks riidibõd / sia k^oõlmsä tazantõb (Sr) 'Kui kaks riidlevad, siis kolmas lepitab'.

Verb tasantä (vrd. e tasandada, sm tasantaa) on tuletatud läänemeresoomelisest adjektiivist tasä 'tasa'.

tijäntä 'tühjendada'.

Tujänt pr. tujäntob, tuänt pr. tuäntob leeren, ausleeren (LW, 120); um tijäks tijäntitäsät (LW, 420) 'Tuleb tühjaks teha'; tijäntab (KA) 'Tühjendab'; tijäntõbõd / tiebõd, tijäks (Kl) 'Tühjendavad, teevad tühjaks'; tijäntäb / mingi ää v^ogläks sisäl / vätäb ulzä (Sr) 'Tühjendab, mingi asi oleks sees, vätäb välja'.

Verb tijäntä (vrd. e. tühjendada, sm tyhjentää, krjL tühjendan) on tuletatud balti laensõnast tijä 'tühi'.

tähntä 'tähendada'.

tähntä (LW, 447) 'Tähendada'; Ku ta siestõ sugstõ voi, täntiz ka se, ku tämmõn voi mök (LF, IV) 'Et ta sellest soost oli, täendas ka see, et tal oli möök'; ne täntist / ku tämmõn selii mök um (Kl) 'Nad täendasid, et tal on selline möök'.

Verb tähiti (vrd. e. tähendada, sm tähenditi) on tuletatud gewiinsesest tüvest tähiti.

uputata 'uputada'.

Upant pr. upantob ertränken (LDW, 123) upantab (KA) 'Uputab'; upantiti (LW, 457) 'Uputada'; u-^uupantiti tähenda jä-ränäs (LW, 52-53) 'Uputada teda ära'; läh-kaas-p'oiigi upantisa (Va) 'Läheb kassipoegi uputama'; upantibid vanad kassid jära (Kl) 'Uputavad vanad kassid ära'.

Verb uputata kuulub idamurrakusse, olles samaast algupärasest tüvest verbidega upandata (FU, 6, 152-153) ja uputata.

vabandata 'vabandada'.

Aga ne järgist amad jätuoiz tagan äntsta vabantö (UT, 149) 'Aga nad hakkasid kõik üksteise järel ennast vabandama'; ijrgist äntsta vabantö / ku mit-iks äb-üo sili (Kl) 'Hakkasid ennast vabandama, et mitte keegi ei ole süüdi'.

Verb vabandata on tuletatud eesti sõnast vabandada ning on levinud eesti keelt oskavate liivlaste hulgas. Laiemalt sõna pole tarvitusel.

vaikseks teha 'vaikseks teha'.

Vagant pr. vagantob stillen (LDW, 127); liivokiel kilidi äb uot võinõd vagantõ iiz äjgast sadad Elumiernaigas (RA, II, 38) 'Liivi külasid ei ole suutnud vaikseks teha aastasajad Nerevaigurannas'; ku sⁱe ke^l um vägä sūr / siz^{ne} vagantibid tähnda (Kl) 'Kui kolin on väga suur, siis tehakse ta vaiksemaks'.

Verb vagantata on tuletatud läänemeresoomelise tüvega sõnast vaga 'vaga, vaikne'.

vanutada 'vanutada'.

Vant pr. vantob walken (LDW, 129); vanutita (LW, 470) 'Vanutada'; vanutibid vadmitis (Kl) 'Vanutatakse villast riiet'; villist oränd vantis (Va) 'Villast riiet vanutatakse'.

Verb vanutada (vrd. e. vanutada, sm vanuttaa) on tuletatud algupärasest tüvest vanu-.

venitada 'venitada'.

Vent pr. ventob (lvšal vent pr. vantub) strecken, recken (LDW, 132); vienttägēt, kättä (LW, 497) 'Venitage kätt'; Iks nei kätis, ku ta nei Irlii vientō un entlō 'Üks naine ütles, et ta hakkavat nii venitama ja haigutama'; ira ni kñolimi vientis entš luiniš suorrod tñm iang taagan (Lävi, 3, 1934) 'Igavene surm venitas oma luised sõrmed tema hinge järele'; maš un irä v entät (Kl) 'Kõht on ära venitatud'.

Verb vientš (vrd. e venitada, sa venyttää) on tuletatud algupärasest tüvest venä-.

mähkida 'mähkida'.

Vänt pr. väntob windeln (LDW, 30); pä-ppšn a-mät, šo-rmšd, viššš vñ-ñitšit (Lr, 14) 'Papil on kõik sõrmed kinni mähitud'.

Verb vñntš (vrd. e vähnutada, sa vähntää) on tuletatud algupärasest tüvest vñn-. Sõna pole praegu keeletarvitusas.

alustada 'alustada'.

alustab (KA) 'Alustab'.

Verb alustä leidub E. N. Setälä kirjapanekuis. Tüvi on genuinne (vrd. e ürg, ürgama, sa yrki : yran).

Liivi keelest on registreeritud 39 verbi, milles t-sufiks liitub n-konsonandile. Keeletarvitusse kuulub 25, passiiivseks on muutunud 14 verbi. Sjögrani-Wiedemanni sõnaramatus on esitatud 28 vaadeldavat verbi.

Tuletamisel on 31 juhul aluseks genuinne tüvi, laen 8 juhul. Balti tüved on verbides alint, käidantš, mürgantš, tiidantš, eesti laenud on piikantš, vahantš, soome laen lõotantš ja läti päritolu puhkantš.

Enamik verbe on kausatiivse tähendusega, üksikjuhtudel aga ilmneb kas frekventatiivsus või refleksiivsus. Enamikul juhtudel on liitunud sufiks -nt- (> -nd-) ja -ita-. Mitmel juhtudel on liivi keeles kõrvuti translatiivid ja kausatiivid, näit. aländš ja alantš, anändš ja anantš, kiständ ja kistantš, mürgantš ja mürgantš, nälgantš ja nälgantš, naränd ja narantš, nälkändš ja nälkantš, unändš ja unantš. Sõ-

nades intš. puantš. agantš. sintš. täntš. vaantš. viantš. vän-
šš leidub üksnes kausatiivne sufiks -t-, mis on liitunud tä-
 vesse kuuluvale n-konsonandile (näit. *sündüštš- > sintš.
*venüštš- > viantš.).

52830-sõnalises kaasaegse liivi keele tekstides leidub
 vaid 4 n-liitelist sõna, mis reastuvad tarvitamissageduselt
 järgmiselt: täntš (4), upantš (3), puškantš (2) ja akantš
 (1).

L ü h e n d i d

EW = Das Evangelium Matthäi in den westlichen Dialect
 des Livischen übersetzt von dem Liven J. P r i n z und des-
 sen Söhnen P. P r i n z und J. P. P r i n z, London 1863;
EW = Das Evangelium Matthäi in den östlichen Dialect des Liv-
 ischen zum ersten Male übersetzt von dem Liven N. P o l l -
 m a n n, London 1863; P = ENSV TA Fr. R. Kreutzwaldi nim.
 Kirjandusmuuseumi fondide liivi materjalide mapid (M); PU =
 Penno-ugristica, 6, Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 517,
 Tartu 1980; KA = E. N. Setälä kogutud keeleline ainetik Hel-
 singi arhiivis; LW = F. J. W i e d e m a n n, Joh. Andre-
 as Sjögren's Gesammelte Schriften, II₁₁. St. Petersburg 1861;
LF = ENSV TA Fr. R. Kreutzwaldi nim. Kirjandusmuuseumi ar-
 hiivraamatukogu liivi keele fondid; LF kat = ENSV TA Fr. R.
 Kreutzwaldi nim. Kirjandusmuuseumi rahvalaule osakonnas lei-
 duvad liivi keele materjalid; LG = P. J. W i e d e m a n n,
 Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften II₁. St. Peters-
 burg 1861; Livi = ajaleht "Livi", nr-d 7, 10, 1932; 3, 4,
 1934; 5, 1936; IT = J. M ä g i s t e, Iidivilkialä tekstejä.
 - Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 276. Hel-
 sinki 1964; LVL = Livialist valmi loulrantos, Helsinki 1939;
LVV. III = K. M ü l e n b a c h s, Latviesu valodas vard-
 nica, III, Riga 1927-1929; LW = L. K e t t u n e n, Livi-
 sches wörterbuch mit grammatischer einleitung. - Lexica Soci-
 etatis Penno-Ugricae, V. Helsinki 1938; NEL = Püva Matteus
 Ewangelium lihhi-ohki, Pechterburgs 1880; NK = E. N. S e t ä -
 l ä, Nkytteitš liivin kielestš. - Suomalais-ugrilaisen Seu-
 ran Toimituksia, 106, Helsinki 1958; PK = M. L u t h e r,
 Piski katkismus, Helsinki 1936; RA. II = Livod Randalist äj-
 garantoz 1934. äjgaston, kien at 365 pävvo, Riga; UT = Us
 Testament, Helsinki 1937; VL = G. L o o r i t s, Volklieder
 der Liven. - Opetatud Eesti Seltsi Toimetused, XIVIII,
 Tartu 1936.

ä = eesti keel; eL = lõunaeesti murre; li = liivi keele
 ira murrak; li = liivi keele Kolka murrak; Kr = liivi keele
 Kostrogi murrak; kril = karjala keele lüüdi murre; lySal =
 liivi keele Salatsi murre; Mn = liivi keele Mustanumme mur-
 rak; Pz = liivi keele Piza murrak; sm = soome keel; Sr = lii-
 vi keele Sirkögi murrak; Va = liivi keele Vaide murrak; vdj =
 vadja keel.

ЛИВСКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ СУФФИКС $-n + \dot{t}$

Р е з ю м е

В ливском языке встречается всего 7 глагольных суффиксов, продуктивность которых различна. Относительно много таких глаголов, в суффиксе которых встречается \dot{t} -элемент, который может соединяться с согласным или гласным.

Сравнительно много таких глаголов, в которых \dot{t} соединяется с согласным d . По всем данным, с помощью суффикса $-n + \dot{t}$ образовано 39 глаголов, которые выражают обыкновенно переходное, иногда и фреквентативное или рефлексивное действие.

Большая часть соединились суффиксы $d + \dot{t}$ в один сложный суффикс nt . В некоторых глаголах является d частью основы (напр. $si\dot{u}nd\dot{u}tt\dot{n}$ - > $si\dot{n}t\dot{s}$). В некоторых случаях употребляется рядом с суффиксом $-nd$ образованием транслативы и с суффиксом $-nt$ образованием каузативы (напр. $al\dot{a}nd\dot{s}$ 'уничтожать' и $al\dot{a}nt\dot{s}$ 'уничтожать другого'; $u\dot{r}g\dot{a}nd\dot{s}$ 'гнить, исплевать' и $u\dot{r}g\dot{a}nt\dot{s}$ 'гнить что-то', $u\dot{r}\dot{a}nd\dot{s}$ 'тонуть' и $u\dot{r}\dot{a}nt\dot{s}$ 'тонить').

Из 39 глаголов 25 входят в активный словарный состав, 14 - в пассивный. В словаре Пегрена-Видеманна 1861 г. 28 nt -глаголов.

Всего 31 основа исконного происхождения. Балтийские основы в глаголах $al\dot{a}nt\dot{s}$ 'зеленеть', $k\dot{a}id\dot{a}nt\dot{s}$ 'обсрдовать', $u\dot{r}g\dot{a}nt\dot{s}$ 'гнить что-то' и $ti\dot{l}\dot{a}nt\dot{s}$ 'опораживать', эстонские основы в глаголах $pi\dot{t}\dot{k}\dot{a}nt\dot{s}$ 'удлинять' и $u\dot{a}b\dot{a}nt\dot{s}$ 'навинчивать'. Финская основа в глаголе $lu\dot{t}\dot{a}nt\dot{s}$ 'утешать', а латинская основа в слове $pu\dot{u}\dot{k}\dot{a}nt\dot{s}$ 'цвести'.

Анализ текстов (52830 слов) показывает, что частотность глаголов следующая: $t\dot{a}nt\dot{s}$ (4), $u\dot{r}\dot{a}nt\dot{s}$ (3), $pu\dot{u}\dot{k}\dot{a}nt\dot{s}$ (2) и $ak\dot{a}nt\dot{s}$ (1).

DIE LIVISCHEN VERBALSUFFIXE -n+i-

Z u s a m m e n f a s s u n g

In der livischen Sprache gibt es 7 Verbalsuffixe von unterschiedlicher Produktivität. Verhältnismäßig zahlreich sind die Verben, in deren Suffix das Element i vorhanden ist, das sich an einen Konsonanten so wie an einen Vokal anschließen kann.

Eine Gruppe bilden die Verben, in denen sich das Element i an den Konsonanten n anschließt. Nach Durcharbeitung der Materialien konnten im Livischen 39 solche Verben festgestellt werden, die meistens Kausative sind, einige auch zu Frequentiven und Reflexiven gehören. In den meisten Fällen haben sich die Suffixe n und i zum Suffix *ni zusammengeschlossen. In einigen Wörtern rührt der Konsonant vom Stamm her (z. B. *sin-šūtš- > sintš). In mehreren Fällen haben sich gleichzeitig neben dem translativen nd-Suffix auch Verben mit dem kausativen ni-Suffix erhalten (z. B. aländš 'erniedrigen' und alantš 'jemanden erniedrigen', mārgandš 'verfaulen' und mārgantš 'faulen lassen', upāndš 'ertrinken' und upāntš 'ertränken').

Von den betrachteten 39 Verben gehören 25 zum Sprachgebrauch, zum passiven Wortschatz gehören 14 Wörter. In dem 1861. erschienenen livischen Wörterbuch von Sjögren und Wiedemann sind 28 Verben angeführt worden.

Bei der Ableitung sind in 31 Fällen die Wörter vom gemunden Stamm abgeleitet worden, in 8 Fällen von Lehnwörtern. Baltische Stämme finden sich in Verben alintš 'grünen', kāidantš 'die Fäden durch den Weberkamm ziehen', mārgantš 'faulen lassen' und tiantš 'entleeren', estnische Stämme haben die Verben plikantš 'verlängern' und vahantš 'sich entschuldigen', einen finnischen Stamm gibt es im Worte lūotantš 'trösten' und lettischen Stamm in puškantš 'blühen'.

In der 52830 Wörter enthaltenden Textsammlung gibt es 4 Verben, die nach Gebrauchshäufigkeit angeführt werden: tāntš (4) 'bedeuten', upāntš (3) 'ertränken', puškantš (2) 'blühen' und akāntš (1) 'umarmen'.

Л.А. АЛИТКИНА. Имя ПРИМЯГАТЕЛЬНОЕ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск 1978.

7 декабря 1979 года на заседании Специализированного совета Д 002.17.04 при Ленинградском отделении Института языковедения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации Л.А. Алиткиной на тему "Имя прилагательное в селькупском языке". Научный руководитель - кандидат филологических наук, доцент Э.Г. Беккер. Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук Н.М. Терещенко и кандидат филологических наук, доцент В.С. Библикова.

В последние годы многочисленные территориальные диалекты, составляющие в своей совокупности селькупский язык, подверглись интенсивному изучению. Тщательно подготовляются отдельные фрагменты - основа будущей грамматики языка селькупов. Написано большое количество статей по отдельным вопросам фонетики и морфологии этого языка. Защищены кандидатские диссертации: в 1973 г. Д.А. Моревым "Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка" (Томск), в 1974 г. Н.М. Воеводиной "Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке (деепричастие плюс вспомогательный глагол)" (Томск). В том же 1974 г. вышло из печати учебное пособие "Грамматика селькупского языка I. Селькупы и их язык" А.И. Кузьминой (Новосибирск). В 1978 г. опубликована монография "Категория падежа в селькупском языке" Э.Г. Беккер (Томск). Готовятся две докторские и несколько кандидатских диссертаций. Регулярно проводятся научные конференции, "Дульзонские чтения" с привлечением широкого круга лиц со стороны. Издаются сборники, в которых большое место занимают статьи по селькупскому языку. Исследовательская деятельность особенно широко развернулась в Томском педагогическом институте. После длительного периода собирательской работы наступил этап научного изучения имеющихся материалов. Таким образом, работа, начатая еще под руководством покойного профессора Томского педагогического института А.П. Дульзона, успешно продолжается его учениками.

Рецензируемая диссертация Л.А. Алиткиной органически

Входит в этот круг исследований. Актуальность работы как с общетеоретической, так и практической стороны не вызывает сомнения. Она послужит одним из звеньев, способствующих разрешению вопроса о грамматическом строе селькупского языка в целом, и может быть использована при создании описательной грамматики этого языка, а также сравнительной грамматики самодийских языков. Собранные материалы окажутся полезными и для селькупско-русского словаря. Работа Л.А. Амиткиной построена на большом фактическом материале (53 тома полевых записей, произведенных в течение многих лет сотрудниками Томского педагогического института, в том числе и самой диссертанткой, во время экспедиций в районы расселения селькупов в Томской области и Красноярском крае).

Диссертантка ставит перед собой ряд задач: обосновать выделение двух разновидностей прилагательных (качественных и относительных), описать грамматические и семантические признаки каждой из этих групп, выяснить способы выражения степеней качества и степеней сравнения, охарактеризовать основные приемы словообразования, установить наиболее распространенные словообразовательные модели, выявить критерии образования сложных имен прилагательных и особенности их структуры. Перечисленными задачами обуславливается и построение рецензируемой работы: предисловие, введение, две основные главы с соответствующими разделами и подразделами, заключение; в приложении даны список условных сокращений и библиография.

В предисловии обосновывается выбор темы и ее актуальность, ставится цель работы, характеризуется материал, послуживший для ее написания, излагается вопрос о классификации селькупских диалектов, сообщаются теоретические и методологические основы исследования. Во введении приводится краткий обзор существующих точек зрения на происхождение и развитие имени прилагательного как особой части речи, ограниченной от имени существительного; налагаются различные взгляды на принципы классификации частей речи в языках различных типов, формулируется определение имени прилагательного в селькупском языке и определяется структура работы.

Первая глава "Основные группы имен прилагательных в селькупском языке, их грамматические и семантические признаки" посвящена характеристике качественных и относительных прилагательных и включает в себя три раздела: А. Грамматические признаки качественных имен прилагательных; Б. Семанти-

ческие признаки качественных имен прилагательных; В. Семантические признаки относительных имен прилагательных. В первом разделе этой главы мотивируется отсутствие в приведенной классификации притяжательных прилагательных, вытекающих родительным падежом существительных или в определенных случаях относительных прилагательных, и характеризуются грамматические особенности качественных прилагательных. Большое внимание уделяется трактовке понятия о степенях качества, посредством которых передается качественная оценка со стороны говорящих. На большом количестве примеров рассматриваются возможные случаи ослабления и усиления качественного признака вне сравнения с качеством другого предмета и приводятся имеющиеся мнения о происхождении и направлении развития соответствующих формантов. Затем показаны типичные для языка селькупов (как и для ряда других языков) способы выражения степеней сравнения. Вслед за другими исследователями диссертантка настаивает на необходимости разграничить такие понятия, как степени сравнения, с одной стороны, и степени качества, с другой. Она подробно останавливается на существующих разногласиях по вопросу о количестве степеней сравнения. Приводит типичные синтаксические модели, служащие для выражения значения степеней сравнения, Л.А. Алиткина подчеркивает вспомогательный характер присоединяемых к основе прилагательного суффиксов субъективной оценки. Из приведенного в диссертации анализа отчетливо выясняется, что в селькупских диалектах используются в значении сравнительной степени определенные синтаксические конструкции, а в значении превосходной степени - синтаксические и аналитические построения.

Во втором разделе подробно рассматриваются семантические признаки качественных прилагательных. Большой подраздел здесь составляют "семантические признаки прилагательных-цветообозначений", т.е. те языковые средства, с помощью которых передаются различные оттенки цветовой гаммы. Показана свойственная многим (в том числе и самодийским) языкам особенность - основные цвета спектра названы по предмету, которому исконно присуща данная окраска. На селькупском языковом материале диссертантка подтверждает правильность высказанного в науке мнения - отсутствие в языке слов для обозначения тех или иных цветов спектра вовсе не свидетельствует о том, что говорящий на этом языке народ данных цветов не различает. Делаются попытки этимологизировать селькупские обозначения

цвета. Например, указывается несомненная связь между словами 'белый' и 'снег'. В третьем разделе первой главы предельно скато освещаются семантические признаки относительных прилагательных и их отличительные особенности по сравнению с качественными.

Вторая глава "Словообразование имен прилагательных в селькупском языке" начинается с общих замечаний о словообразовательной структуре прилагательных и методах, при помощи которых проводится их лингвистический анализ. Вторая глава, как и первая, состоит из трех разделов: А. Словообразование качественных имен прилагательных; Б. Словообразование относительных имен прилагательных; В. Сложные образования имен прилагательных в селькупском языке.

В диссертации показано, что пополнение состава селькупских прилагательных производится двумя способами: морфологическим и синтаксико-морфологическим. Выявлены основные структурные модели производных имен прилагательных. Их лингвистический анализ имеет определенный научный интерес не только для лиц, занимающихся селькупским языком. Заключение содержит краткие выводы по всему исследованию и завершается уточненным определением сущности изучаемой категории.

Основные положения диссертации изложены ясно и, как правило, доказательно. Диссертанткой тщательно изучена литература вопроса. Проводятся сравнения не только с родственными, но и с неродственными языками близкой структуры. Выводы и наблюдения диссертантки представляют немалый интерес. Ряд из них может быть использован и в общетеоретическом плане. Изложенные наблюдения иллюстрируются обширным, хорошо подобранным материалом. Подача и интерпретация его, а также сделанные на этой основе выводы свидетельствуют о способности автора к самостоятельному исследованию. Думается, однако, что без большого ущерба количество однотипных примеров можно было бы сократить. В отдельных случаях их избыток затрудняет чтение и не способствует лучшему пониманию.

По сравнению с качественными прилагательными относительным прилагательным уделено несколько меньшее внимание. Между тем и здесь возможны интересные наблюдения. В этом отношении диссертанткой использованы не все возможности. Например, ей удалось показать полисемантическую словообразовательного показателя прилагательных -л/-л' /-л/-л. На этой основе можно было бы сделать и более широкие обобщения, поскольку указан-

ный суффикс служит по существу оформителем более широкой категории - категории определения. В указанном обстоятельстве можно найти, в частности, объяснение, почему в некоторых случаях формант $-l$ присоединяется и к основам качественных прилагательных. Приведенный факт является одним из свидетельств тесной связи между морфологическими и синтаксическими категориями. - Спорными могут оказаться некоторые вопросы терминологии. Так, например, без соответствующих оговорок термином "отглагольные имена прилагательные" обозначается категория слов, имеваемая обычно причастиями. - Вызывает сомнение правомерность причисления к относительным прилагательным первого компонента в словосочетаниях типа: хазарл' мат 'чум моего отца' и др. Вообще прилагательные с притяжательным значением следовало бы выделить в особый параграф, а не рассматривать их в разделе "Грамматические признаки качественных имен прилагательных".

В качестве итога всего изложенного можно указать следующее. В диссертации Л.А. Альткиной впервые специально изучается одна из категорий селькупской грамматики - категория имени прилагательного. Новизна и актуальность темы очевидна. Не вызывает сомнения также возможность практического использования проведенного исследования. Основная цель рецензируемой диссертации является достигнутой.

Н. М. Т е р е щ е н к о (Ленинград)

Е. А. Х Е Л И М С К И Й, ДРЕВНЕЙШИЕ УГОРСКО-САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ. (АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ГЕНЕТИЧЕСКИХ И АРЕАЛЬНЫХ ВЗАИМО-ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ ЯЗЫКАМИ). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва 1978, 311 стр.

26 ноября 1979 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации Е.А. Хелимского на тему "Древнейшие угорско-самодийские языковые связи. (Анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками)" (научный руководитель профессор доктор филологических наук А.А. Зализняк). Официальными оппонентами выступили профессор доктор филологических наук А.Д. Клипп и старший научный сотрудник кандидат филологических наук Т.-Р.О. Вийтсо. Ведущее предприятие - Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (отзыв составлен старшим научным сотрудником доктором филологических наук Н.М. Терещенко).

Назрело время обратить внимание на связи между отдельными группами уральских - финно-угорских и самодийских - языков. Выявление и точное исследование этих связей на данном этапе развития финно-угроведения является попросту необходимым, имеет сейчас особое значение для изучения истории уральских языков. Наибольший интерес в области изучения подобных связей представляют именно связи между угорской группой финно-угорских языков и самодийскими языками: здесь мы имеем дело с одной из наиболее объемистых совокупностей очень древних ареально-генетических связей рассматриваемого типа. Языковеды располагают в наши дни уже настолько обширным материалом по самодийским языкам, что сопоставление самодийских данных с финно-угорскими открывает теперь качественно новые возможности и перспективы перед исследователями истории всей уральской семьи языков. Новое качество рождается, в частности, и в рассматриваемой диссертации Е.А. Хелимского, подтверждая тем самым лишний раз актуальность темы этой диссертации.

Попытка изложить весь корпус древних угорско-самодийских языковых связей делается впервые, критически пересматривается целый ряд точек зрения других авторов, выдвигается принципиально новая схема разветвления и группировки самодийских языков, уточняются некоторые методические приемы сравнительно-исторической уралистики, вводится в научный обиход значительное количество редкого архивного материала по самодийским языкам, решаются проблемы морфологии венгерского языка, а также остальных угорских языков.

Е.А. Хелимский сам в течение ряда лет активно участвовал в сборе лингвистического материала как по угорским, так и по самодийским языкам с уст носителей этих языков, является прекрасным знатоком изучаемых им языков, глубоко вник в проблематику исторического финно-угроведения, досконально изучил всю специальную литературу, провел трудоемкие и обширные розыски рукописного материала в архивах.

Следует поддержать точку зрения автора диссертации о том, что уже уральский праязык был в принципе близок уральским языкам наших дней по своему типу, обладал богатой системой формообразования (стр. 9). Эта правильная исходная точка позволяет Е.А. Хелимскому значительно пополнить наши знания об уральском праязыке.

Анализ развития и конкретных проявлений древнейших связей между угорскими и самодийскими языками автор предваряет главой, в которой рассматриваются проблемы соотношения языков внутри финно-угорской и самодийской ветвей уральских языков, вводит своего читателя в проблематику ареально-генетических связей между уральскими языками.

Е.А. Хелимский правильно указывает на сильные и слабые стороны традиционного генеалогического древа финно-угорских языков. Он убедительно показывает, что имеющиеся лексико-статистические данные по финно-угорским языкам могут считаться объективным отражением реально существующих межязыковых отношений, но те их моменты, которые противоречат традиционной генеалогической классификации, нуждаются в специальных объяснениях. Далее Е.А. Хелимский систематизирует результаты исследований, посвященных взаимоотношениям между отдельными парами финно-угорских языков, и приходит к выводу, что эти результаты также хорошо коррелируют с указанными лексико-статистическими данными. Он подробно останавливается на соотношениях между членами следующих групп: финно-саамско-мордов-

ская, мордовско-марийская, марийско-пермская, пермско-угорская, венгерско-мансийская; постулирование межгрупповых связей между какими-либо еще парами языков и их групп лишено оснований.

Е.А. Хелимский существенным образом уточняет традиционную модель дивергенции финно-угорских языков. Цитируем: "В ситуации диалектной непрерывности (финно-угорского праязыка - А.К.) "доугорские" говоры были наиболее близки "допермским", чуть дальше от них отстояли "домарийские", еще дальше - "домордовские" и "доприбалтийско-финские". По мере непрерывного расширения территории финно-угров ... сходство между территориально удаленными диалектами неуклонно убывало, тогда как соседние говоры продолжали оставаться весьма близкими и склонными к общим лексическим и грамматическим инновациям ... При этом полярные диалекты (доприбалтийско-финский и доугорские) могли уже стать совершенно невзаимопонимаемыми ... Таким образом, последовавшее за этим разделение финно-угорской общности на финно-пермскую и угорскую ветви ... знаменовало собой, собственно говоря, лишь отрыв доугорских диалектов от допермских: прочие финно-пермские диалекты фактически отделились от доугорских значительно раньше. Аналогичным образом шло и дальнейшее членение финно-пермской ветви, в результате чего к моменту ее распада (отделения пермской группы) домарийские диалекты были близки допермским, но уже значительно отличались от доприбалтийско-финских и т.д. Внутри угорской ветви домансийские диалекты были более близки довенгерским, чем дохантыйские. В то же время внутри промежуточных праязыковых общностей, несмотря на их диалектную неоднородность, формировались определенные общие черты, уже не распространявшиеся на обособившиеся ветви" (стр. 33-34). Автор иллюстрирует результат подобного развития схемой, изображающей современные финно-угорские языки в виде частей сильно растянувшейся и порвавшейся во многих местах полоски (стр. 35). Связи между праязыковыми диалектами, которые занимали смежные ареалы, Е.А. Хелимский и называет ареально-генетическими, так как эти связи обуславливали возникновение параллелей, имеющих генетический характер, но распространявшихся только на определенный ареал праязыковых диалектов.

Переходя к проблематике диалектологии самодийских языков, автор диссертации идентифицирует найденные в архиве записи ранее неизвестного крацкого (старовосточного) диалекта

ненецкого языка в качестве переходного диалекта, занимающего промежуточное положение между ненецкими и энецкими диалектами (как по лингвистическим параметрам, так и географически), определяет диалектную принадлежность энецких материалов у разных авторов, устанавливает, что т.н. маторский, тайгйский и карагасский языки являются лишь диалектами одного и того же самодийского языка (маторско-тайгйско-карагасского = МТК), отвергает предположение о наличии следов сойотского языка в качестве особого представителя самодийской группы языков, объединяет т.н. камасинский и койбальский языки в качестве двух отдельных диалектов в один и тот же язык (камасинский). Есть все основания считать вслед за Е.А. Хелимским, что шесть языков, обычно перечисляемых как саяно-самодийские (маторский, тайгйский, карагасский, камасинский, койбальский, сойотский), сводятся лишь к двум (МТК и камасинскому).

Классификацию самодийских языков Е.А. Хелимский проводит, в частности, при помощи лексикостатистических данных. Последние подтверждают правомерность выделения северносамодийской подгруппы, в которой энецкий язык является как бы связующим звеном между ненецким и нганасанским, но исключают возможность выделения южносамодийской подгруппы, указывая в конечном счете на наличие четырех равноудаленных подгрупп:

Следует проверка такой классификации, подсказанной лексикостатистическими данными, в фонетическом и морфолого-синтаксическом плане. На самом деле эта проверка сводится к доказыванию того, что не существует достаточного количества инноваций фонетического и морфолого-синтаксического характера, позволяющих выделить южносамодийскую подгруппу (= селькупский + камасинский + МТК), как это традиционно делается. Следует, видимо, признать вслед за автором диссертации, что фонетика также не дает оснований для выделения южносамодийской подгруппы. Но несколько иначе обстоит дело в морфолого-синтаксическом плане. Е.А. Хелимский сам признает: "Единственные более или менее веские аргументы в пользу выделения южносамодийской (или, по крайней мере, камасинско-селькуп-

ской) подгруппы дает морфология" (стр. 64). В частности, известно, что в языках предполагаемой кинесамодийской подгруппы как в единственном, так и в двойственном и множественном числе используются одни и те же окончания местных падежей. Мы считаем, что парадигмы дв. и мн. числа здесь вторично построены по образцу парадигмы ед. числа, т.е. указанное употребление можно считать морфологической инновацией, общей для языков предполагаемой кинесамодийской подгруппы. (В языках северносамодийской подгруппы в дв. числе употребляются особые, поздно возникшие окончания послеложного происхождения, отличные от окончаний ед. числа окончания часто употребляются и во мн. числе.) Но автор диссертации пишет: "Падежные окончания для обеих (или всех трех, при наличии Дв.) чисел одинаковы в большинстве уральских языков и, вероятно, были одинаковы и в прауральском ..." (стр. 65). Мы не можем с ним согласиться, так как уверены, что даже в прасамодийском еще окончательно не выработались парадигмы склонения дв. и мн. числа имен. Поэтому мы можем говорить главным образом лишь об окончаниях падежей ед. числа в этом языке. Дв. число выступало в прасамодийском только в форме номинатива (или основного падежа). Позже эта форма номинатива стала употребляться в северносамодийских языках и в функции генитива-аккузатива, а в селькупском к ней присоединились по примеру парадигмы ед. числа падежные окончания генитива и аккузатива. Местные падежи дв. числа образовались в самодийских языках при помощи вторичных падежных окончаний послеложного происхождения, а частично они не образовались до сих пор и все еще выражаются послеложными конструкциями. На образовании этих падежей отчасти сказался и пример парадигмы ед. числа. В камасинском языке показатель дв. числа существительных, по всей вероятности, не вошел вообще в широкий обиход (зачатки его употребления могли быть также и утрачены под влиянием тюркских языков). В роли номинатива, генитива и аккузатива мн. числа в прасамодийском выступали лишь различные основы мн. числа без падежных окончаний: для подлежащего (абсолютного склонения) - основа с числовым показателем *-t(V) [номинатив], а для определения [генитив] и прямого дополнения [аккузатив] - основа с числовым показателем *-nŋ ~ *-jŋ. В селькупском и камасинском языках от основы с показателем *-nŋ ~ *-jŋ образовались по примеру парадигмы ед. числа действительные генитив и аккузатив с соответствующими падеж-

ными окончаниями. Местные падежи образовались во мн. числе, главным образом, также по примеру парадигмы ед. числа, причем раздельно в северносамодийских языках, с одной стороны, и в селькупском и камасинском языках, с другой. (См. подробнее А. К ü н н а р, *System und Ursprung der kamassischen Flexionsaffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion*, Helsinki 1971, стр. 18-55, 125-126; А.Д. К у н н а р, АДД, стр. 7-10, 13.)

Нами выявлено, что в селькупском языке прослеживается тенденция к изменению непереходных глаголов по субъектному, а переходных - по объектному спряжению, и что порой эти спряжения вообще не различаются в этом плане (см., напр., А. К ü н н а р, *Kamassi keele põrõrdelõpud* - *NSA* 18, стр. 215; е г о ж е, *System und Ursprung der kamassischen Flexionsaffixe I*, стр. 28). Следовательно, не может быть и речи о полном смешении рассматриваемых типов спряжения в селькупском, а лишь о частичном смешении. Поэтому нет ничего удивительного в сообщении Е.А. Хелимского, которое он выдвигает якобы в противовес нашему утверждению о смешении: "Заметим, что имеющийся в нашем распоряжении новый селькупский материал (МЭ) свидетельствует о далеко не полном смешении двух типов спряжения ..." (стр. 66). Ведь само смешение, хотя и частичное, налицо.

В итоге автор приходит к выводу, что в соотношении четырех ветвей самодийской группы языков - северносамодийской, селькупской, камасинской и МТК - нет указаний на постепенный характер их дивергенции, связанный с расширением территории распространения самодийского праязыка (как это произошло в финно-угорской языковой группе). Следовательно, произошел резкий распад сравнительно единой прасамодийской языковой общности, сразу и целиком оборвавший связи между отдельными ее частями. А такой распад был, по всей вероятности, вызван толчком извне, связанным, возможно, с началом великого переселения народов в Евразии. Такой вывод надо признать вполне убедительным.

Вторая глава диссертации посвящена рассмотрению проблематики соотношения между языками финно-угорской и самодийской ветвей. Ставится задача отграничения результатов древнейших генетических и ареально-генетических связей языков, а также взаимодействия праязыков, от результатов более поздних контактов между отдельными языками. Солидно и убедитель-

но аргументируя, Е.А. Хелимский отвергает гипотезы о наличии особых отношений между членами следующих групп: финно-волжско-самодийская (Д.В. Бубрих), самодийско-саамская (Ю. Тойвонен и др.), южная группа финно-угорских языков сибиряка северной группы (Я. Гуя). Далее он особо останавливается на вопросе о наличии таких отношений между венгерским и самодийскими языками (Э.Моор, И.Н.-Шебестьен) и присоединяется к мнению П. Хайду, что прямых контактов между правенграмми и самодийцами не было.

Следует сказать набросок исторического фона древнейших угорско-самодийских языковых связей. Здесь Э.А. Хелимский ориентируется главным образом на концепции В.Н. Чернецова и П. Хайду. Затем дается классификация и периодизация угорско-самодийских языковых связей. Автором диссертации выделяются пять хронологических типов угорско-самодийских языковых параллелей: 1) Древнейшие параллели чисто генетического характера, восходящие к уральскому праязыку (не позднее IV тыс. до н.э.). 2) Ареально-генетические параллели, обусловленные территориальным соседством доугорских и досамодийских говоров уральского праязыка (VI-IV тыс. до н.э.). "В основе таких параллелей лежат общие для восточного диалектного ареала уральского праязыка инновации, уже не распространившиеся на западную (дофинно-пермскую) часть прауральских диалектов" (стр. 100-101). 3) Ареальные параллели, обусловленные контактами между (ранне)самодийским праязыком и доугорскими диалектами финно-угорского праязыка, а затем угорским праязыком (с IV по нач. I тыс. до н.э.). 4) Ареальные параллели между обско-угорскими (но не венгерским) и самодийскими языками (вторая половина I тыс. до н.э.). 5) Хантыйско-селькупские, хантыйско-ненецкие, мансийско-ненецкие ареальные параллели (в период после образования отдельных самодийских языков). Е.А. Хелимский упоминает, что часть ареальных параллелей между обско-угорскими и самодийскими языками имеет, возможно, своим источником общий для них палеозападносибирский и/или палеоарктический субстрат или отражает адстратное влияние расположенных восточнее языков.

Третья глава диссертации представляет собой детальный разбор древнейших угорско-самодийских языковых параллелей, причем основное внимание уделяется следующим явлениям: рефлексация сибилантов, n-овые местные падежи, различение атрибутивной и неатрибутивной форм числительного 'два', об-

образование аккузатива личных местоимений, субъективное и объективное спряжения и их личные окончания, образование каузативных глаголов. Подбор этих явлений диктуется объективными условиями: степенью изученности различных грамматических уровней уральских языков, трудностями определения возраста ряда языковых параллелей и т.д. - автор диссертации подобрал для анализа лишь те явления, которые имеют бесспорную доказательную силу на данном этапе развития науки. Е.А. Хелимский сам уверен, что "вряд ли можно сомневаться в том, что какие-то важные черты угорских и самодийских языков, также отражающие их древнейшие связи, могли ускользнуть от внимания автора" (стр. 107), и он прав.

Автор показывает, что в угорских и самодийских языках произошли аналогичные процессы инновационного развития системы прауральских сибилантов $\underline{\dot{a}} > \underline{a}$, $\underline{a} > \underline{a}^{\text{ш}}$, $\underline{\dot{a}} > \underline{a}$, общим для мансийского языка, шкно-хантыйских диалектов и самодийских языков является еще и дальнейшее развитие $\underline{a} > \underline{t}$. Хорошо известно, что наблюдаемый в угорских и самодийских языках переход \underline{a} , $\underline{\dot{a}} > \underline{t}$ всегда считался довольно необычным. Поэтому заслуживает внимания указание автора диссертации на возможную ареальную параллель в енисейских языках: $\underline{a} > \underline{t}$ в пумпкольском.

Древней параллелью между угорскими и самодийскими языками оказывается также использование коаффикса \underline{n} в окончаниях местных падежей. Этот коаффикс Е.А. Хелимский правильно возводит к прауральскому окончанию генитива $\underline{*}\text{-n}$. Сочетания генитива на $\underline{*}\text{-n}$ с послелогом и являются источниками рассматриваемых форм местных падежей в этих языках (относительно самодийских языков автор здесь примыкает, в частности, к нашей точке зрения). Относительно предполагаемой локативной частицы $\underline{*}\text{-lV}$ Е.А. Хелимский с полной уверенностью пишет, что ее рефлексы известны угорским языкам, напр., манс. $\underline{\text{juw-l'e}}$ 'назад, в помещение', но явно считает, что такие рефлексы отсутствуют в самодийских языках (стр. 126). В этой связи следует указать на статью П. Хайду "Das sölkupische Translativsuffix $\underline{-wla}$ " (FUF XL), неизвестную, видимо, автору диссертации. В этой статье предполагается наличие в селькупском и камасинском языках рефлексов подобной частицы ["Adverbialsuffix (Lat. $\underline{-lV}$ ", см. там же, стр. 26]. Небезынтересно было бы узнать мнение Е.А. Хелимского относительно указанного предположения П. Хайду. (Мы постарались объяснить соот-

ветствующие селькупские и камасинские элементы из формы причастия *V-IV вспомогательного глагола 'быть', см. А. К ü n n a r, *System und Uebergang der kamassischen Flexionsaffixe I*, стр. II7, а А.И. Йоки попытался объяснить часть соответствующих селькупских элементов из селькупских частиц niä и niä, см. там же, стр. I49). Ведь лишь вслед за опровержением указанного предположения П. Хайду можно считать, что в самодийских языках отсутствуют рефлексы локативной частицы *-IV. Далее Е.А. Хелимский уверен еще и в том, что "финно-пермским языкам неизвестны д-овые падежные показатели угорско-самодийского типа (если исключить инновационный показатель датива в мордовском)" (стр. I26). Но нельзя оставлять без внимания тот факт, что некоторые исследователи допускают наличие следов местных падежей на *-ntV еще и в прибалтийско-финских, саамском и пермских языках.

Угорским и самодийским языкам свойственно, как показывает автор, разграничение атрибутивной и неатрибутивной форм числительного 'два', причем неатрибутивная форма осложнена показателем двойственного числа. В частности, Е.А. Хелимский правильно предположил, что в новейших камасинских материалах суффикс -gV присоединен лишь к числительному 'два', напр., vido-gu, которое в таком случае приобретает значение 'двое, вдвоем'; с другими числительными этот суффикс больше уже не употребляется. Следует полностью поддержать его предположение, согласно которому это явление в камасинском можно расценивать "как свидетельство распада данного разряда числительных, идущего в направлении, противоположном пути его формирования (дольше всего формант сохраняется в слове "двое")" (стр. I30-I3I).

Много нового и интересного содержит раздел об образовании форм аккузатива личных местоимений в угорских и самодийских языках с применением супплетивной основы *ki и с использованием построений по схеме "(личное местоимение +) *ki + посессивный суффикс".

Много общего обнаруживают типы спряжения и их личные окончания в этих языках. Эти языки всегда различали субъектное и объектное спряжения. Е.А. Хелимский серьезно взвешивает возможность того, что они различали еще и рефлексивное спряжение (это - лишь теоретическая возможность, но с такой возможностью следует в принципе считаться). В ходе

реконструкции личных окончаний этих трех спряжений в рассматриваемых языках, как общих для этих языков, так и индивидуальных, автор дает целый ряд достоверных решений проблематичных случаев. Как и во многих других случаях, в сложной, подчас казуальной безнадежно алогичной совокупности личных окончаний венгерского языка помогают разобраться данные самодийских языков. Для прасамодийского Е.А. Хелимский реконструирует следующую систему личных окончаний глагола в единственном числе:

	Суб. спр.	Об. спр.	(?)Рефл. спр.
1 л.	<u>*-(tV)m</u> , <u>*-k</u>	<u>*-m(V)</u>	$\left. \begin{array}{l} *-\underline{tV} \\ \text{или} \\ *-\underline{V} \end{array} \right\} + *-\underline{ntV}, *-n$
2 л.	<u>*-ntV</u> , <u>*-n</u>	<u>*-ŋ(V)</u>	
3 л.	-	<u>*-tV</u>	<u>*-k</u>

В конечном итоге он приходит к следующим характеристикам языковой системы, лежащей в основе самодийских, венгерского и, вероятно, обско-угорских, а также, возможно, по крайней мере восточной части финно-пермских языков: 1) противопоставление субъектного и объектного спряжений; 2) 1 л. ед. ч. *-k(V) суб. спр. и *-m(V) об. спр. (?частично суб. сп.); 3) 2 л. ед. ч. *-ŋ(V), *-ntV [? *-n(V), *-t(V)] (распределение по спряжениям неясно); 4) 3 л. ед. ч. *-eV об. спр. (в суб. спр. личного окончания здесь не было); 5) показатель рефлексивности типа *-jVk(V) [? *-jVkkV] или *-ŋk(V) [? *-ŋkkV] (по меньшей мере, для 3 л. ед. ч.); 6) употребление при непереходных глаголах только суб. (и рефл.) спряжения; 7) употребление при переходных глаголах об. спряжения при определенности объекта (в том числе при названном ранее и опущенном объекте); 8) употребление при переходных глаголах суб. спряжения при неопределенном объекте или в случае выражения прямого дополнения личным местоимением.

Последняя параллель заключается в образовании каузативных глаголов при помощи сложных показателей, состоящих из двух суффиксов транзитивизирующего (т.е. общепереходного) значения. Автор диссертации приводит также возможные этимологии этих суффиксов, причем самым интересным, пожалуй, следует считать возведение венгерских t-овых суффиксов к исходу *pt.

Проведенная Е.А. Хелимским работа имеет большую ценность для науки. В диссертации дается решение ряда спорных проблем как по угорским и самодийским языкам, так и по всем

уральским языкам: уточняется дивергенция уральских языков, дается новая классификация самодийских языков, критически пересматриваются теории об особых отношениях между различными уральскими языками, выявляются древнейшие языковые связи между угорскими и самодийскими языками, корректируются наши представления о развитии сибирянтов в этих языках, разгадывается ряд окончаний местных падежей в угорских языках, выявляется основной ход образования личных глагольных окончаний в венгерском языке и т.д. Результаты исследования Е.А.Хелимского значительно способствуют разработке проблематики прародины уральцев, уточнению их древнего расселения, миграций населения Сибири. Полученные результаты представляют также немалый интерес для общего языкознания.

Нет сомнений в том, что концепции Е.А. Хелимского вызовут большой интерес и живой отклик во всех кругах финноугроведов. Необходимо было бы издать диссертацию в виде отдельной книги, чтобы сделать ее доступной всем специалистам. Ведь кроме теоретической части, эта диссертация содержит объемистые приложения, содержащие редкостные, очень ценные материалы из рукописных источников по разным самодийским языкам, а также сопоставления койбальских и камасинских слов, диагностические списки самодийских слов для лексикостатистического анализа и новые венгерско-самодийские этимологии автора.

Нет сомнений в том, что исследования в области ареальных контактов уральских языков следует продолжить и интенсифицировать, развивая далее, в частности, детальное изучение угорско-самодийских связей.

А. К ю н н а п (Тарту)

Л.М. БЕЗНОСИКОВА, РОЛЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ФОРМИРОВАНИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА КОМИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Сыктывкар 1977, 199 стр. + приложения 318 стр.

20 февраля 1978 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации младшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР Л.М. Безносиковой на тему "Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка". Официальными оппонентами выступали д.ф.н. профессор П.Д. Алвре /Тарту/ и к.ф.н. А.И. Туркин /Таллин/.

Коми язык - один из тех немногих финно-угорских языков, традиции литературного языка которого, хотя и фрагментарно, но восходят к далекому прошлому. Так, исследователи отмечают, что уже относящиеся к XIV столетию грамоты, в которых используется составленная основоположником этого языка Стефаном Пермским древняя коми азбука, написаны на хорошем литературном языке. То же косвенно подтверждается и письменными памятниками мемуарного характера, относящимися к XV-XVIII вв., сохраняющими и продолжающими литературные традиции предшествующих столетий. Дальнейшее развитие литературного коми языка относится в основном ко второй половине XIX в., когда и началось составление учебников, грамматик и словарей языка коми. Однако лишь установление советской власти привело к невиданному расцвету как самой жизни народа, так и его литературного языка. В это время зародилась национальная периодика и художественная литература, а также было начато исследование и изучение процесса формирования и развития коми языка. При этом обогащение словарного состава происходило преимущественно или путем заимствования из русского языка, или же с помощью использования диалектной лексики.

Этот аспект развития коми языка привлекал внимание многих исследователей, однако лишь в диссертации Л.М. Безносиковой впервые дается полный обзор проблемы, касающейся роли

диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка. Диссертантка не ограничивается при этом лишь анализом материала нашего времени, а прослеживает лексический состав также и XIX столетия, причем рассмотрению подвергаются преимущественно диалектные заимствования в языке писателей книжных диалектных регионов.

Диссертация Л.М. Безносиковой /199 стр./ состоит из следующих частей: введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и сокращений, а также списка диалектных слов. Дополняют диссертацию "Приложения" /318 стр./ - это особый том, в котором перечисляются все диалектные слова.

Во вводной части автор кратко говорит о том, в чем заключается актуальность работы, а также ее практическое значение, показывает методику исследования, его источники и т.д.

Л.М. Безносикова ставит в своем исследовании три основных цели: 1/ выявление и описание состава, принципов использования и функций диалектной лексики в произведениях коми писателей; 2/ выявление типов диалектных слов и определение их территориальной принадлежности; 3/ определение истории диалектных слов: фиксации их в лексикографических трудах, "движение" в литературно-письменных текстах и определение соотношения с семантически близкими значениями в других регионах коми речи. Несколько забежав вперед, следует указать, что с поставленными целями и задачами автор диссертации справился в полной мере. Ею собран обширный фактический материал, который диссертанткой детально и хорошо обработан и проанализирован. Правильность сделанных затем выводов обеспечивается тем, что диалектные слова рассматриваются в работе также и в статистическом плане.

Л.М. Безносикова различает в своей диссертации лексические, этнографические, семантические, словообразовательные и фонетические диалектизмы. Не вызывает сомнения и утверждение автора, что диалектизмы следует рассматривать не как оппозицию, а как корреляцию одного явления по отношению к другому, территориально ограниченному явлению. Диалекты коми языка достаточно однородны, довольно близки друг к другу. Утверждение, будто объединяющим диалекты фактором является также и агглютинативный строй языка /стр. 9/ можно *mutatis mutandis* признать также правильным, однако лишь в границах одной диалектной группы, но не всего языка в целом.

В первой главе - "Локальная лексика в литературных источниках XIX века" /стр. 12-56/ - рассматриваются как лексикографические труды и литературные источники прошлого столетия, так и творчество первого коми поэта И.А. Куратова.

Уже П.И. Савваитов в своей грамматике и словарях, относящихся к середине XIX века, пытается установить нормы коми! литературного языка. Введение в язык локальных слов, взятых из периферийных говоров /напр. байлок 'куропатка', волаки 'свадьба', яля 'пламя' и др./ указывает на их важность для развития синонимии литературного языка. Автор диссертации выдвигает и рассматривает проблему использования диалектизмов не только у Куратова и других писателей XIX в., но и в трудах языковедов /Н.П. Попова, Г.С. Иткина, А.А. Цембер, М. Кастерна, Ф. Видемана и др./.

Особое внимание, причем вполне обоснованно, уделяется анализу творчества И.А. Куратова. Диссертант рассматривает как художественное наследие писателя, так и его лексикографические и лингвистические труды. В связи с этим автор диссертации совершенно правильно указывает на то, что в литературной практике И.А. Куратов умело использовал возможности коми языка, широко вводя в него диалектную лексику. Для более детального рассмотрения словарный запас этого писателя разбит в диссертации на девять групп: 1/ диалектные слова с предметным значением; 2/ диалектизмы, обогащающие фонд абстрактной лексики литературного языка; 3/ слова с диалектной окраской, обогащающие возвышеннопоэтическую лексику литературной речи; 4/ локальные слова, развивающие синонимический фонд национального языка; 5/ изобразительные средства диалектного характера, представляющие художественную ценность; 6/ словообразовательные диалектизмы, которым придает местный характер специфические суффиксы; 7/ междиалектные словообразовательные корреляции; 8/ междиалектные фонетические варианты; 9/ локальные слова, выполняющие функцию организации поэтического текста. В каждой из этих девяти групп диалектные слова, вместе с тем, классифицируются по особому лексико-грамматическому принципу, причем относительно каждого ряда слов приводятся и определенные статистические данные.

Диссертант совершенно правильно отвечает на вопрос, почему у Куратова среди диалектизмов преобладают имена существительные и глаголы /местный колорит, экспрессивность/. Писатель и сам лично отмечает, что коми язык беден абстрактной

лексикой. Среди примеров этой группы латвски, приведенных диссертантом, названы и создание самим Куратовым образования на -дун /майбырдун 'счастье', коньбадун 'бедность', култондун 'бессмертие' и др./. При этом хотелось бы, чтобы диссертант указал также на наличие таких же абстрактных понятий на -дун в общем словарном составе коми языка, а не только среди новообразований Куратова и диалектных словарных единиц /напр. бурдун 'доброта', гордун 'хандность'/-. В противном случае может быть неправильно истолковано утверждение автора, будто подобные слова в устной речи почти не употребляются /стр. 32/. Что же касается диалектных по своему характеру суффиксов -мон, -индзик и др., то автор диссертации вполне правильно приходит к выводу, что при посредстве Куратова они сыграли положительную роль в деле обогащения словарного состава коми языка. С позиций точности словесной формулировки несколько режет ухо выражение "экзотичность фонетического облика" /стр. 51/, тем более, что при нем нет кавычек.

Во второй части диссертации "Народная речь в период формирования коми письменности и литературного языка /20-30-е годы/" /стр. 57-116/ рассматривается взаимодействие литературной речи и диалектов в филологических работах, диалектная лексика в периодической печати и изданиях и книжно-коми лексические элементы в произведениях В.В. Лукина.

Возникает вопрос, на следовало бы с композиционной точки зрения при переходе от первой главы ко второй избрать границей их 1917 год. В противном случае неясно, где же рассматривается начало XX века, поскольку первая глава заканчивается рассмотрением рубежа двух последних столетий. Кроме того, интенсивное развитие коми языка начинается все-таки именно в советский период, хотя само направление этого развития и определено несколько позже. Наряду с заметным оживлением процесса развития первое время давали о себе знать и известные пессимистические настроения /напр. А. Цембер/. Со знанием дела автор диссертации цитирует как постановления языковедческих конференций, так и положительные и отрицательные отклики на эти постановления.

На развитие коми языка оказало заметное положительное влияние постановление 1920 года, в котором говорится, что "коми язык не может замыкаться в одном диалекте". Автор работы убедительно доказывает, как именно это постановление

отразилось на количестве слов, относящихся к различным диалектным территориям, введенных в учебники и словари коми языка. Н.А. Шахов в своем "Кратком коми-русском словаре" /1924/ рассматривает лексику всех коми говоров в сопоставительном коми-русском плане /в словаре приводится всего около тысячи диалектных единиц/. Этот труд является собственно первой попыткой коми лексикографии в деле сопоставления отдельных участков диалектного языка.

Диалектизмы, встречающиеся в периодике 1926-1941 гг., разбиты автором диссертации по годам, однако перечень их, к сожалению, неполный. Не отмечается особо и словарь, сходный по отдельным годам или изданиям. Это обстоятельство не позволяет автору диссертации установить частотность их употребления, что было бы однако желательным и полезным. Поскольку в периодике встречаются диалектизмы различных регионов, то в отдельных случаях неплохо было бы представить и данные по их паспортизации. В работе детально рассмотрено употребление в литературном языке 25 диалектизмов, причем ценные сведения получены диссертантом из рукописи труда В.И. Лыткина "Лексика коми литературного языка".

Затем следует краткое описание языка трех писателей - уроженцев южной диалектной территории коми языка /И. Сажина, П. Шебалкина, В. Латкина/. Хотелось бы видеть при переходе к этой подтеме не мало говорящие три звездочки, а дополнительные заглавие. Особая глава посвящена рассмотрению лексики В.В. Юхнина, словоупотребление которого играет важную роль в деле обогащения литературного коми языка: если в 20-30-их годах всего зафиксировано 241 диалектное слово, то 113 из них стали активно употребляться благодаря В.В. Юхнину.

Статистические данные по этому периоду наглядно представлены в виде соответствующей таблицы.

Третья глава диссертации "Диалектные элементы в языке художественной литературы послевоенного времени" /стр. 117-169/ посвящена вопросам взаимодействия литературного языка и диалектов в периодических изданиях, филологических трудах и художественной литературе, в частности прослеживается словоупотребление писателей И.Топорова, В.Безносикова и Н.Куратовой.

Вполне обоснованно автор говорит о том, что в 40-50-их годах наблюдалось злоупотребление русскими заимствованиями и указывает на появившийся в 1961 г. "Коми-русский словарь", в который внесено много слов и вариантов словоупотребления, не

зафиксированных в предыдущих коми словарях. И в этот период в язык художественной литературы, который нельзя отождествлять с понятием литературного языка как такового, проникает немало новых диалектных слов. Приведенная на 168 стр. таблица дает представление как о группировке диалектизмов, так и о дроблении их на отдельные части речи.

Большая по объему и четкая по плану изложения третья глава диссертации выполнена весьма корректно - исследование диссертанта с технической точки зрения вообще производит очень хорошее впечатление. Можно указать лишь на отсутствие некоторых переводов при подаче примеров словообразования, а также кавычек и подчеркиваний и ряд других погрешностей чисто технического характера. Промежуточные заглавия не всегда в полной мере соответствуют содержанию текста /стр. 101/. Почему-то автор ограничивается неполным обозначением инициалов В.В. Дхнина /в работе лишь В. Дхнин/. В списке диалектных слов отсутствуют некоторые номера страниц /напр. на стр. 77 при словах соц и эрс и др./ . В отдельных частях списка использованной литературы не соблюдается алфавитный порядок; на стр. 178 следует исправить инициалы - не F.I. Wiedemann, а F.J. Wiedemann.

Наиболее важные результаты исследования изложены в виде 14 пунктов на заключительных местах страниц работы, а также на приложенной к ним сводной таблице. Представленные данные не вызывают возражения, причем эти главные выводы уже изложены автором работы в четырех статьях, перечисленных в конце автореферата диссертации. Результаты работы диссертанта представляют большой интерес для изучения процесса обогащения языка художественной литературы с помощью диалектной лексики. Однако их с неменьшей пользой можно учесть и применить в ходе составления словарей коми языка.

Ц. А л в р е (Тарту)

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

Kessõna	3
P. A l v g e, * <u>de</u> -, * <u>de</u> -vartaloiden monikkoitaivutuksesta suomena	5
П. А л в р е, О множественном числе основ на * <u>-de</u> , * <u>-de</u> в финском языке. Р е з ю м е	18
D. A н д у г а н о в, Генитивное словосложение в марийском языке	20
J. A n d u g a n o v, Genitive word-composition in the Mari language. С и м м а г у	24
P. A g r i s t e, Komi-Syrjänisches aus dem Dorfe Niværa	25
П. А р и с т э, О говоре коми-зырянского языка деревни Нившера. Р е з ю м е	29
Г. Ф е д ъ н е в а, Вторичные суффиксы существительных в коми языке	30
G. F e d j u n j o v a, Über sekundäre Substantiv-suffixe in Komi-Sprache. Z u s a m m e n f a s s u n g	42
A. K ü n n a r, Kamassische Partisip- und Gerundiumformen auf - <u>di</u> , - <u>vi</u> , - <u>vi</u>	43
А. К ю н н а п, Камасинские причастные и деепричастные формы на - <u>di</u> , - <u>vi</u> , - <u>vi</u> . Р е з ю м е...	48
P. P a l m e o s, Elativ karjala Djorša murraks.	49
П. П а л ь м е о с, Элатив в держанском говоре карельского языка. Р е з ю м е	60
P. P a l m e o s, Der Elativ im Djorša-Dialekt des Kareliischen. Z u s a m m e n f a s s u n g ...	61
L. T r e i m a n, 17. - 19. sajandi keskraiani eesti kirjakeelde laenuud prantsuse päritolu sõnu sõjanduse alalt	62
Л. Т р е й м а н, Военная терминология французского происхождения в эстонском литературном языке с XVII до 60-х гг. XIX века. Р е з ю м е..	81

L. F r e i m a n, Militärfachwörter französischer Herkunft in der estnischen Schriftsprache vom 17. Jh. bis zum sechsigsten Jahr des 19. Jahrhunderts. Zusammenfassung..	82
B. Ч е р н ы х, Словообразовательная семантика суффикса <u>-ась</u> в коми языке	83
V. C h e r n y o h, Word-building semantics of the suffix <u>-as-</u> in the Komi language. Summary	96
E. V ä ä r i, Liivi verbisufike <u>-n + t-</u>	97
Э. В я а р и, Ливский глагольный суффикс <u>-n + t-</u> . Резюме	109
E. V ä ä r i, Die livischen Verbalsuffixe <u>-n + t-</u> . Zusammenfassung	110
RETSENSIOONID	111
РЕЦЕНЗИИ	111

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 550.

ПРОБЛЕМЫ СЛОВАИНОГО СОСТАВА И ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОИ
УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ.

Труды по фоники-упрошению 7.

на разных языках.

Тезисы на разных языках.

Тартуский государственный университет.

300P, 202 400, г.Тарту, ул. Дзержинская, 18.

Vastataja toimetaja E. VÄRI.

Päljundmäärade antud 19.XI.1980.

№-09/31.

Formaat 30x45/4.

Trükipaber nr. 1.

Masinakiri. Rotaprint.

Arvestuspögnaid 7,7. Trükipögnaid 8,5.

Trükiaru 300.

Telli. nr. 1218.

Kind rbl. 1.20.

TRU trükikoda, EESV.

202400 Tartu, Põltsaia t. 14.